

Джон Рэкхем Угроза с Веги

Угроза с Веги! На корабль лейтенанта Джереми Торпа совершено нападение. Торп с остатками экипажа покидает гибнущий звездолет и уходит на спасательной шлюпке в гиперпространство. Судьба заносит землян на странную планету Лодор, населенную исключительно женщинами. Куда подевалось мужское население? Почему женщины ненавидят мужчин так же, как и вегиан? Как сообщить на Землю об аварии? Но для начала нужно расположить к себе воинственных лодорянок, у которых есть одна «слабость» — радио!..

Глава 1

Ровно десять секунд звучал сигнал тревоги. За это время каждый из двадцати членов экипажа космического корабля «Поиск» внутренне подобрался и теперь с содроганием ждал, когда из уютной тьмы континуума Паули дредноут выскользнет в холодную грозную бездну релятивистского пространства-времени. И вот наконец настал этот долгожданный и жуткий миг, головокружительный миг радужных шутих и искр, но любоваться ими недосуг, некогда размышлять об их природе. Ураганом налетела новая реальность, и необходима ежесекундная готовность к любым сюрпризам.

Свои чувства лейтенант Джереми Торп осознавал не хуже остальных, а может быть, и лучше. Уже, наверное, и не подсчитать, во сколько крат он за эти пять лет - и каких лет! - превысил среднестатистический порог выживания. Сейчас лейтенант в одних штанинах от скафандра сидел перед пультом и нажимал на кнопки одеревеневшими пальцами. Понятное дело, инструкции строжайше запрещали нести вахту полуодетым, но в командной рубке носового торпедного аппарата Джереми находился один, а, как ни крути, без армированных перчаток куда сподручнее обращаться с тумблерами, кнопками и рычагами. Особенно когда скорость решает все.

Контроль наведения и запуска торпед активирован.

Экраны радаров и дальномеров задействованы.

Камеры внешнего обзора включены.

Торпеды - в стволах, готовы к бою. (На панели мигают три лампочки в нижнем ряду - значит, трое подчиненных заняли посты по боевому расписанию и готовы перезарядить

торпедные аппараты).

Люки задраены, рубка герметична.

Все системы проверены.

Он вдавил кнопку внутренней связи, услышал пулеметную очередь докладов о готовности с других постов, дождался паузы и сообщил:

– Носовой торпедный - мостику. У нас порядок.

– Мостик - носовому торпедному. Спасибо. Будьте начеку.

Голос принадлежал капитану Уорнесу, и напутствие «будьте начеку» мрачно и методично повторялось в ответ на каждый доклад. Собственно, этими двумя словами и выражался лейтмотив жизни всего корабля. Держи ушки на макушке. При малейшем намеке на появление противника все бросай и стремглав несись на боевой пост. Впрочем, несложно вдолбить это правило в голову тем, кто и так знал, что любая секунда промедления может оказаться последней.

Торп внимательно прислушивался к докладам. Кормовой торпедный, килевой торпедный, передние лучевые орудия... «Поиск», лениво маневрируя в космической пустоте, рутинно бряцал оружием по своей внутренней связи. И в пределах четверти миллиона миль в любом из шести направлений от него точно тем же занимались остальные корабли. Горстка звездолетов - всего-навсего две дюжины - образовала сферический рой, хотя их экипажи почти не надеялись удержать участок космического пространства, где, по прогнозам земных боевых компьютеров, следовало ожидать очередной атаки вегиан.

«Прогнозы!» Лейтенант обкатал в голове это слово и невесело улыбнулся. Не самый удачный синоним для научного гадания на кофейной гуще. Как показывает статистика, штабные компьютеры угадывают в шести или семи случаях из десяти. Не слишком хорошо - но попробуйте лучше. О вегианах ходит много всяких слухов, однако по-настоящему полезной информацией не располагал никто.

Торп вспомнил, что пять лет назад ему рассказывал отец: «Они появляются из ниоткуда. Как гром с ясного неба. Толпой. Огромные блестящие корабли, точно хромированные яйца. Осыпают тебя осколочными бомбами. Зажаривают тепловыми лучами. Останавливаются как вкопанные и тут же, с места, развивают бешеную скорость; диву даешься, как такие перегрузки выдерживает корабль, уже не говоря об экипаже. Носятся вокруг, превращают тебя в фарш, а затем чпок - и снова сгинули».

Пять лет назад Джереми Торпу, вчерашнему школьнику, не терпелось «внести свой вклад» в разменявшую уже второй десяток лет войну с Вегой. Столько воды утекло с того памятного дня, но и сейчас о враге известно не больше, чем тогда. Во всяком случае, ничего важного разведать не удалось.

Корабль напряженно ждал. Натужно безмолвствовали люди. Если штабные компьютеры не дали маху, вскоре прямо посреди роя земных звездолетов материализуется эскадра вегиан, и тогда думать будет некогда - успевай жать на гашетку. Часть сверкающих яиц удастся расколоть, а может, и все до одного. Но и флотилии Солнечной системы не обойтись без потерь, потому что у вегиан - высокая скорость и сокрушительное оружие. Если же компьютеры на этот раз ошиблись, то ничего подобного не произойдет, и корабли, выждав определенный срок, перескочат в пространство Паули и вернутся на базу. А потом - снова в поход. Но все-таки больше шансов на то, что прогноз отчасти сбудется, что враг вынырнет в непосредственной близости от хотя бы одного из кораблей засады.

Джереми Торп снова ухмыльнулся. При таком обороте каждый должен рассчитывать на себя, и о выходе из боя живым можно только мечтать. Что не разорвут осколочные бомбы, то тепловые лучи превратят в оплавленный ком. А если и выживешь каким-то чудом, не стоит уповать, что тебя подберут свои. Слишком велики в космосе расстояния и слишком дорого топливо, чтобы тратить его на длительные поиски уцелевших бойцов.

Лейтенант привычно глянул на приборы. Взгляд задержался на двух фотографиях, закрепленных между шкалами. Джереми собственноручно сделал эти цветные трехмерные снимки - давно, у озера, на белом песчаном пляже. Две милашки в узеньких монокини, не

позволяющих усомниться в их кипучем очаровании. Нередко товарищи спрашивали Джереми о них, кое-кто даже пробовал подшучивать, а другие рассматривали с откровенным мужским интересом. Но с каждым так бывало только раз.

Потому что Джереми отвечал коротко и прямо: «Одна - моя мать, другая - сестра. Берешься угадать, кто есть кто?»

Да, по второму разу никто не спрашивал. На смену дружеской зависти и любопытству приходило смущение. Почему-то считается неприличным обсуждать с другом его мать и сестру. И оттого у Джереми Торпа сложилась репутация парня замкнутого, неразговорчивого. В сущности, справедливо. Да и насчет женщин на фотографиях он говорил правду. Но не всю.

Джереми отвел взгляд от изображений, казавшихся живыми, отогнал саднящие воспоминания и посмотрел на экран внешнего обзора.

Из его знакомых очень немногие отваживались глядеть космосу в глаза. Слишком уж огромен был этот занавес из черного бархата, расшитый зыбкими радугами ионизации и усыпанный звездными алмазами, что горели всеми мыслимыми красками. Слишком огромен, слишком холоден, слишком безлик. Другие предпочитали доверять радарам и сигнальным устройствам, берегли иллюзию безопасности при помощи стальных бортов и переборок и прочих твердых на ощупь вещей. А Джереми Торпу нравилось смотреть в космос. Потому что только перед космосом он испытывал волнение и застенчивость.

Самое забавное, что из всех людей на борту «Поиска» лишь у него не было оснований для таких чувств. Конечно, пятнадцатилетняя безумная война не могла не отразиться на устоях общества. Если ты подходящего возраста и годен по здоровью, кем, спрашивается, тебе надо быть, чтобы не угодить в мобилизационные сети?... Джереми снова растянул губы, и на этот раз ухмылка напоминала оскал. У него-то была возможность уклониться от призыва. И вдобавок уважительная. Но он ею не воспользовался. Он хотел оказаться здесь.

Внезапно грянули сигнальные устройства и в клочья разнесли его думы. Лейтенант мигом склонился над экранами, напряг пальцы. Вот она, гроздь из пяти ярких точек. И близко, Господи, близко!... Две точки прямо у него на глазах пришли в движение, рванули так стремительно, что у него рефлекторно всколыхнулись внутренности. Боясь упустить из виду врага, Торп лихорадочно водил рычагами пеленгатора и наконец ударом запястья по гашетке выпустил заряженную антимагией торпеду с опережением цели на десять градусов. Затем резко переключился на вторую цель. Она задержалась на миг. Некая частичка его мозга в тысячный раз подумала, какого черта враги так себя ведут.

Качнулись к нулю и вернулись на прежние места стрелки датчиков энергопитания - это лучевые пушки закачали в свои казенники порцию ядерного жара и плюнули им в сияющие овоиды.

«Поиск» то устремлялся вперед, то отскакивал назад - капитан Уорнес уводил корабль от всего, что по нему выпустили. Но снаряды и торпеды были еще далеко. Сосредоточенный и мрачный Торп водил рычагами, удерживая на экране зловещее пятнышко, и ждал, когда вражеский корабль опять скакнет. В какую сторону?

И вновь прочертился тонкий зеленый штрих - это звездолет, только что совершенно неподвижный, внезапно развил невероятную скорость. Лейтенант проследил за ним, выставил прицел на опережение и вдавил запястьем кнопку. Сжался, перенося судорожные рывки своего корабля.

Выпущены две торпеды. Следить за ними - бесполезная трата времени. Подвластные Торпу механизмы уже искали новые цели, а сам он пытался выбросить из головы уравнение, где участвовали пять вегианских кораблей и один звездолет Солнечной системы, а решение казалось совершенно очевидным и неутешительным. Он нашел еще один вражеский корабль, снова задержался на мгновение, чтобы подивиться странному поведению вегиан. И вдруг похолодел. Это только кажется, что блестящее яйцо висит неподвижно, на самом деле оно устремилось почти точно навстречу «Поиску».

Лейтенант метнул взгляд на экраны переднего обзора и увидел то, что довелось увидеть

и пережить очень немногим землянам. К нему мчался мерцающий серебряный диск и зримо рос вширь, потому что скорость его была огромна. И вдруг он застыл, словно налетел на невидимое препятствие. Безумным рывком Торп переместил рамку прицела, ткнул запястьем, спуская с цепи заждавшуюся своего часа смерть, а потом еще раз выстрелил по чудовищу с серебряной головой и зеленым хвостом из ионного пламени. Опять взглянул на экран переднего обзора и увидел, что серебряный диск не движется. Через секунду на нем всплеснулся протуберанец, и еще раз, и еще - заработали лучеметы «Поиска». Тотчас на хромовом овоиде появилось кольцо из черных отверстий - плюющиеся огнем оспины, - и Торп крикнул от перегрузки. «Поиск» тяжело заметался, уходя из-под обстрела.

С экрана соскользнул блестящий круг. Торп посмотрел на радар дальнего действия, и как раз вовремя - зеленый хвост превратился в пушистое облачко света. Один готов. Да, бить их можно. Была бы только удача на твоей стороне.

Его взор зачарованно возвратился на экран внешнего обзора. «Поиск» вращался и вихлял, а серебряное яйцо снова вползло на экран; кольцо черных точек исчезло - закрылись оружейные порты. «Готов к рывку», - сообразил Джереми и пришел в ярость: врагу хватает наглости приближаться чуть ли не вплотную, бросать вызов сокрушительной мощи боевого корабля землян. А потом лейтенант вскрикнул от неожиданности, голова пошла кругом; на экране вспучилось облако яркого огня, и во все стороны полетели пылающие осколки. Торпеды угодили в цель.

Полуослепший Торп отвернулся, а «Поиск» вскинулся на дыбы. Через секунду лейтенант понял, что их подбили. Пристязжные ремни вдавили его в кресло, поврежденный корабль подкинуло снова, еще сильнее, чем в первый раз, по корпусу побежали вибрации от удара. И - новый прыжок назад. Торп ударился лбом обо что-то твердое, как сталь. В голове сверкнули и погасли искры. Едва не теряя сознание, он кое-как натянул на себя верхнюю часть скафандра, с превеликим трудом напялил шлем, услышал, как щелкнули его фиксаторы... А корабль все кружился, и дрожал, и тонул во тьме, утаскивая Торпа с собой в пучину космической пустоты.

Вглубь, в сон, в странный сон, позволяющий ему смотреть будто со стороны, как он делает то, что необходимо делать... Сон, в котором он вовсе не Джереми Торп, а кто-то другой... Джеральд Корд. В день окончания школы. А вот он с настоящим Джереми Торпом в классе, где вместе учились два года. Рядом с ними еще один человек, пониже и постарше двух двадцатилетних молодцов шестифутового роста. Но он ни в малейшей степени не тушется рядом с ними. У вице-адмирала Корда выработалась привычка в любом обществе становиться центром внимания. Так получилось и сейчас. Старый вояка был прям, словно аршин проглотил, а мундир придавал ему солидности.

— Неплохие оценки, Джеральд, - сказал он таким тоном, что сразу стало ясно, за что его прозвали Кнутом и не могли прозвать никак иначе. - Как я и ожидал. На что и рассчитывал. Ты - лучший выпускник школы.

— Не совсем, папа. Меня Джереми обскакал. Как всегда.

— Лишь по нескольким предметам, - пренебрежительно пожал старик плечами. - Не в обиду будет сказано, Джереми, в хороших оценках Джеральда я был заинтересован гораздо больше, чем в твоих. Сынок, - снова повернулся он к Джеральду, - я сделал ставку на твои успехи, и расчет оправдался.

— Папа, я что-то не понимаю. Что ты задумал? Что-то особенное? Я это сразу заподозрил, когда увидел тебя в толпе родителей. Вот уж не ожидал, что ты на такое способен.

— Да, пришлось обойти одно-два правила. Времени у меня в обрез, а потому слушай. Прямо со школьной скамьи тебя должны забрать на космический флот, так?

— Как и всех... Я в том смысле, что таков закон, верно?

— Да, хотя бывают исключения. Оправданные. Как, например, в твоем случае.

— В моем? - Джеральд растерянно опустил в кресло, вопросительно посмотрел на Джереми, а тот пожал плечами, - дескать, тоже не понимаю.

Старик позволил холодной улыбке исказить его суровые черты.

– Ты - мой сын, единственный уцелевший из моих сыновей. Твоя мать давно в могиле, и потому мне пришлось быть и матерью, и отцом всем своим детям. Да простит мне Господь, что я не слишком хорошо справлялся с этой ролью. Энди с Джимом были одержимы мечтами о флоте, хотели пойти по моим стопам. Я им это позволил. Даже гордился, когда увидел их в мундирах. И вот - оба погибли. Я дурак!

Джеральд был в шоке - на его памяти отец, кажется, еще ни разу не признавал своих ошибок.

– Но с тобой, Джеральд, этого не случится. Я твердо решил. Военная карьера не для тебя.

– Что? - пролепетал ошеломленный Джеральд. Весь его недолгий век прошел в мечтах о флотской службе. Юноша считал само собой разумеющимся, что наступит день, когда он наденет черно-золотой с лучистыми эмблемами мундир и увидит космос. Должно быть, старик спятил.

– Папа, да как ты можешь такое говорить! Я ведь военнообязанный!

– У меня есть связи, и я ими воспользовался. Все уже давным-давно устроено. Ты когда-нибудь слышал об Особом венерианском научном центре? Года три назад его создала Объединенная Земля, чтобы снимать сливки с нашей молодежи, собирать потенциальных гениев, необходимые нам мозги, драгоценный фонд человечества. Сынок, эта война отняла у нас лучшую кровь, а чего мы добились? Ничего! На одни мышцы, на одну храбрость надежды больше нет. Нужны умы, вдохновение, новое оружие, нужно решающее преимущество. Как ни крути, вегиане... учтите, ребята, это должно остаться между нами... как ни крути, вегиане опережают нас во всем. И только по вине своей косности и невежества мы до сих пор бьемся головой в непрошибаемую стену.

– Ты хочешь сказать, что у нас ни единого шанса?

– Именно так. Мы почти ничего не знаем о противнике, кроме того, что на каждый наш корабль у него есть свой, на каждое наше оружие у него есть свое, и не нам бегать с ним наперегонки. Да, это нам известно уже много лет. Продержимся мы недолго, хотя до сведения общественности, сами понимаете, это не доводится. У нас еще остались ресурсы, но больше недопустимо обескровливать человечество. Вдобавок мы деремся вслепую. Представьте себе боксера. Он в нокдауне, перед глазами все плывет, и со всех сторон на него насаждают увертливые карлики с копьями. Этот боксер - мы, а карлики - вегиане.

– Мне трудно поверить... - проговорил Джереми Торп, и очень непривычной казалась нотка неуверенности в устах этого рослого и крепкого молодого человека.

Вице-адмирал Корд укоризненно покосился на него:

– И все же это правда. Джеральд и сам уже многое понял, если он так умен, как говорят его оценки. Мы никому не сообщаем об истинном положении вещей - как ты, Джереми, сам только что заметил, в это трудно поверить. У нас, у людей, окостенелая традиция - мы верим, что совладаем с любыми трудностями, не мытьем, так катаньем, было бы время. Но на сей раз времени у нас нет.

– Ну хорошо, - отрывисто произнес Джеральд. - Вы запасаетесь гениями. Ладно. При чем тут я?

– Когда погиб Джим, я понял, что у меня остался только ты. - Суровый голос старика чуточку смягчился. - И я сказал себе, что не отправлю тебя в мясорубку. Пришлось искать способ. Но ты мне и сам помог - тем, что окончил школу в числе лучших.

В сущности, в твоём роду по отцовской линии дураков не бывало, и твоя мать была женщиной умнейшей, упокой Господь ее душу. Потом я подкинул кому следовало идею беречь лучшие мозги и позаботился о том, чтобы она претворилась в жизнь. Да, я жал на все рычаги, дергал за каждую чертову ниточку, а сколько их было - не сосчитать. Джеральд, пускай тебе досталось мало отеческой любви, пускай мы с тобой виделись реже, чем могли бы, но своей цели я добился. Я не отдам тебя проклятой военной машине! - Последние слова старик прорычал. Успокоившись, вице-адмирал произнес:

– Года два назад я понял, что затея с научным центром удалась, и внес твое имя в список потенциальных кандидатов - с условием, что ты хорошо окончишь школу. Да, это был риск. Но ты меня не подвел, и я тобой горжусь.

– Эй, минуточку! - Джеральд сорвался с кресла, дала себя знать природная пылкость. - А тебя не смущает, что моего мнения никто не спрашивал?

– Ты мой сын. Как я скажу, так и сделаешь.

– У тебя кое-что не стыкуется. Если на мне мундир, я тебе подчиняюсь. Если нет мундира - не подчиняюсь. И пошли они к черту, твои планы!

Старик тоже вскочил, расправил плечи, выпятил подбородок и впился в сына сверлящим взглядом.

– Ты сделаешь, как я сказал! - рявкнул он. - Ты будешь выполнять приказы, сопляк! Все уже устроено. Вот! - Он запустил пятерню в карман кителя, вынул бювар и шлепнул им об стол. - Все документы. Билет на «челнок» до Венеры. Все пропуска. Завтра будешь на борту. Слышишь меня? Попробуешь увильнуть - растопчу. А если выкинешь какой-нибудь безумный фортель, например, запишешься на флот... - Его губы растянулись в коварную улыбку. - Но ты этого не сделаешь. Ты ведь мальчик сообразительный, даром что мой сын.

– Но почему ты...

Джеральд никогда не питал особой привязанности к отцу, слишком уж редко его видел. И все-таки уважение к нему было. А теперь его смахнула волна ярости, такой жгучей и такой тщетной, что он лишился дара речи.

– Остынь и как следует подумай, - посоветовал старик. - В твои годы я и сам мечтал о воинской славе. Но где она, эта слава, сейчас? Война - азартная игра, глупо ей предаваться, когда у тебя на руках ни одного козыря и за проигрыш надо платить жизнью. Мы не сражаемся с вегианами, мы от них отмахиваемся, но по большей части мажем. - Суровые глаза приобрели задумчивое выражение, будто Корд смотрел вдаль. - Они высказывают ниоткуда. Умеют останавливаться без торможения, умеют развивать скорости, которые нас попросту раздавили бы всмятку. Они дырявят нас осколочными бомбами, жгут тепловыми лучами, рубят на куски, а потом хлоп - и исчезают.

– И мы ничего не можем сделать? - Это снова говорил Джереми. И голос его был резок.

– Ничего. Пока. Теперь все зависит от башковитых ребят вроде Джеральда и от лучших научных ресурсов, какие нам только удастся собрать. Надо вытащить из шляпы что-нибудь такое, что вегианам и не снилось.

– Неужели ты не спросил себя, - с горечью произнес Джеральд, - что обо всем этом подумают люди? Ведь я теперь - по твоей воле - трус, меченый. Ты хоть понимаешь, каково мне будет жить с этим клеймом?

– Да какое нам дело, кто там что подумает? Завтра ты окажешься на борту корабля. Вот и все. Времени у меня лишнего нет, так что до свидания. Вряд ли в ближайший год-другой я сумею тебя навестить, однако связь поддерживать будем. Венерианская администрация обещала держать меня в курсе твоих дел. И надеюсь, ты не ударишь лицом в грязь.

Он демонстративно надел фуражку и твердым шагом вышел из тихого кабинета. По коридору простучали каблуки вице-адмирала, а позади него осталось смятение. Джереми подошел к столу, раскрыл бювар, порылся в бумагах. На его лице бушевал сонм чувств, среди них явно брала верх растерянность.

– Так это правда? Наше дело швах?

– Что? А, да, в основном правда, - пробормотал Джеральд. - Ты бы и сам давно это понял, если бы, как и я, все каникулы проводил в гарнизонах, если бы и тебя выгоняли из гостиничного номера, когда высшим чинам охота потолковать по душам. Да, случалось ненароком кое-что подслушать. Не везет нам на этой войне, тут мой старик прав. Точные цифры назвать не могу, но лупят нас и в хвост, и в гриву.

– Ты это знаешь и все-таки хочешь служить?

– С тех пор как я подрос достаточно, чтобы хоть чуть-чуть думать собственной головой, будущее для меня было предопределено. Энди, Джим, отец... Все служили, значит,

теперь моя очередь. Можешь это называть семейной традицией. И вот надо же - раскомандовался, старый пень! Да кто он такой, чтобы решать мою судьбу за меня?

Джеральд, кипия праведным, но бессильным гневом, зыркнул на дверь - убедился, что отец далеко, - и повернулся к Джереми. Чуть-чуть успокоившись, он кое-что заметил. Кое-что интересное. Юноши были похожи друг на друга - рослые, атлетически сложенные, светловолосые и очень даже недурны лицом. Люди несведущие часто принимали их за братьев. Конечно, если приглядываться, можно заметить незначительную разницу в осанке, в очертаниях подбородков или глаз. Сильно несхожи только характеры: Джеральд - горяч, сметлив и решителен, Джереми - нетороплив, склонен к выжиданию. У него лицо интеллектуального интроверта, такие люди не принимают решений, не обдумав как следует все обстоятельства. И хотя обычно у друга на лице спокойно-задумчивое выражение, сейчас его явно обуревают чувства. От Джеральда не укрылось, как он вцепился в драгоценный бювар, как дрожат пальцы...

— Эй! В чем дело? Старина, не надо так расстраиваться из-за моих семейных ссор!

— Но ведь это нечестно! - Джереми резко повернулся к нему, в лице - ни кровинки. - Ты получаешь этот... - он тряхнул бюваром, - билет в спасение только потому, что у тебя отец - вице-адмирал со связями. А ради меня кто нажмет на рычаги? Семья едва концы с концами сводила, лишь бы я доучился. А завтра меня сметет проклятая военная машина и не спросит, хочу я того или нет. Не хочу! А тебя не тронут, хотя ты так мечтал попасть на флот!

— Что поделаться, такова жизнь.

— И это все, что ты можешь сказать? Такова жизнь? Да она издевается над нами! Ты - военная косточка. Тебе война как раз по вкусу. Но нет, тебя к ней и близко не подпустят!

Джереми был близок к истерике, и Джеральда это покорило. Он еще ни разу не видел друга в таком состоянии. И тут его осенило, что Джереми боится, причем уже давно, но держит это в себе. Чувство обиды обострялось от того, что вину за свое невезение Джереми возлагал на Джеральда. С языка готовы были сорваться обидные слова, но в мозгу родилась мятежная и совершенно фантастическая идея. Джеральд молча смотрел, как Джереми сжимает драгоценный комплект документов, и не мешал идее оформляться, созреть и разрушать все препятствия на пути к бесповоротному решению. А почему бы и нет? Вопрос этот прозвучал в голове так громко, что юноша не удивился бы, если б его услышал друг.

— Билет в спасение? - пробормотал он. - Почему бы и нет?

— А? Ты о чем?

— О бюваре. Он у тебя. Почему бы тебе его не забрать? Кто узнает? - Джеральда обьяло такое вдохновение, что он задрожал, хотя старался рассуждать и говорить логично. Он подошел к Джереми. - Что тебе мешает завтра выйти отсюда, доехать на такси до стоянки «челнока» и предъявить эти бумаги? Кому какое дело? Ну-ка, дай посмотреть. - Он забрал из обмякшей ладони друга бювар и вытряхнул содержимое на стол.

— Так я и думал, - произнес Джеральд, быстро перевернув пальцем листки и карточки. - Предварительный заказ места, посадочный талон, очистка багажа от пошлин, командировочное предписание - и ни слова об установлении личности. У кого эти документы, тот - Джеральд Корд. Ну, понятно? Ты - вместо меня!

На протяжении трех вздохов лицо Джереми выражало только смятение, а затем оно прояснилось. Отличный разум получил задачу и теперь решал ее в привычной манере.

— Нет, Джерри, ничего не получится. Слишком много проблем.

— Ладно. Давай их сюда по одной, а я перещелкаю. Начинай!

— Я могу наткнуться на твоего отца.

— Черта с два. Старик не шутил, когда говорил о своем плотном расписании. Удивляюсь, как он выкроил время сегодня со мной повидаться. Не забывай, братишка, на дворе - война. Держу пари, он сейчас в воздухе, а через несколько часов будет в космосе. О нем забудь. Дальше.

— Ты-то сам как собираешься жить под чужой личиной?

— А что тут сложного? Порядок я знаю. Отсюда - на чем попало прямиком на твой

призывной пункт...

– Я имею в виду, как быть с остальными ребятами из нашей школы? Тебя же увидят!

– Мы с тобой сверстники. – Джеральд усмехнулся. – Много ли в нашей школе ребят, с которыми мы разговариваем? Десяток-другой. И кому какое дело?

Джереми нахмурился, прикрыл глаза.

– А когда ты попадешь на флот? Помнишь, что сказал твой отец? Ведь он – вице-адмирал!

– Даже если что-то дойдет до его ушей, он ничего не предпримет. Что ему судьба какого-то Джереми Торпа из флотской учебки? Джерри, этот шанс нельзя упустить! – Джеральд, ликуя, щелкнул пальцами. – Самый лучший выход для нас обоих! Подумай! Я – на флоте! Ведь я только об этом и мечтаю, всю жизнь готовился, и я, как ты сказал, военная косточка. Старик может сколько угодно гордиться моими оценками, но кому, как не тебе, знать, чего они стоят по сравнению с твоими. Сам подумай, ну какой из меня яйцеголовый? Мы же с тобой столько тестов на способности прошли – давным-давно разобрались, кто для чего создан. Моя стихия – скорости, быстрые решения, возня с техникой. Твоя – «чистая» наука. Братишка, все здорово складывается!

– Джерри, а тебе и правда хочется на флот? Ты же знаешь, чем должна закончиться война.

– А тебе это кажется странным? – рассмеялся Джеральд. – У меня свои причины, и не буду тебя утомлять их изложением. Все, считаем, что договорились. Завтра поменяемся местами...

Джереми бросил бювар на стол и тяжело вздохнул.

– Я сразу понял: это слишком хорошо, чтобы получиться. Мы упустили из виду очевидное. Джерри, ты сказал, что знаешь порядок. Все мы его знаем. Призывная комиссия, медосмотры, проверки, направление в учебный лагерь. А перед этим – две недели отдыха. Сразу, потому что идет война и ты вполне можешь не... – Он не договорил.

Джеральд обмер, затем повернулся, подошел к креслу, тяжело в него опустился.

– У, черт, – пробормотал он. – Черт, проклятье! Отпуск. Я об этом не подумал. У меня никогда не было дома, вот я и не...

– А у меня есть мать, – очень тихо сказал Джереми. – И сестренка. Они знают, что мне полагается побывка. Я ведь им рассказал в письме.

В кабинете сгушалась тишина. В душе у Джеральда бушевала буря. Проклятье! Какой хороший был план! Справедливый, все расставляющий по своим местам. Да и невозможно вообразить Джереми военным, он самой природой предназначен совершенно для другого. Бросать его в чуждую среду – преступление. Но у него – дом и семья. А Джеральда судьба обделила этими сокровищами. В его жизни были только суровый, не улыбочивый адмирал, заботливые, но безликие адъютанты и гостиничная обслуга.

И все же беспокойный разум не желал мириться с поражением. Он уже штурмовал неодолимую, казалась бы, преграду.

– Мне очень жаль, – глухо донесся голос расстроенного Джереми. – Я бы и сам хотел... Идея-то прекрасная...

– погоди! – Джеральд поднял голову, боясь упустить зыбкую надежду. – Мать ждет твоего приезда в субботу, послезавтра, да? И будет разочарована или даже огорчена, если вместо тебя приеду я. Верно?

– Ну, это без вопросов. Она никогда меня не поймет!

– Еще как поймет, если напишешь письмо, а я его передам. Если все как следует объяснишь. Слушай, по-твоему, что ей нужнее: ты живой и здоровый или твоя двухнедельная побывка до призыва на флот? Пускай ты еще не скоро вернешься домой, зато все это время спокойно проживешь на Венере и ей не надо будет за тебя бояться. Ну? Неужели и это слишком сложно?

– Даже не знаю... – колебался Джереми.

Но он знал. Ответ был слишком очевиден. Юноша помялся еще для вида, а потом

сдался и взял блокнот и авторучку. Джеральд торжествовал победу. Он все-таки попадет на флот и натянет нос старику. Еще неизвестно, что из этого приятнее...

– Братишка, садись писать, - поторопил он друга. - И уж не жалея красноречия!

Сновидения меркли, расплывались, кружились смерчем, тонули в расколотов нереальности, и в ней задерживались, увеличивались точно под лупой авторучка, лист бумаги, кропотливо выводившая буквы рука. И слышалось царапанье пера...

Глава 2

Шорох звучал в правом ухе. Раздражал. Торп пошевелился - и ощутил, как съехала верхняя часть головы. Замер, затаил дыхание. Возвращаться на место макушка не желала. Шлем. Он нащупал кольцо фиксатора на шее, ощутил затылком жесткий изгиб. Удивительное дело - шлем слишком мал для головы. Его череп - баллон, где клубится и вихрится под низким давлением разреженная газообразная боль. Снова раздражающее царапанье - оказывается, это голос. Измученный, надломленный.

– Говорит капитан Уорнес. Еще раз спрашиваю, меня кто-нибудь слышит? Хоть кто-нибудь? Если слышите, доложите... Пожалуйста!

Звук шел из рации в скафандре. Торп рискнул пошевелиться и обнаружил, что его каким-то необъяснимым образом перевернуло вверх тормашками. Это открытие сопровождалось головной болью, сильной до тошноты. Джереми сдвинул вбок подбородок, чтобы перекинуть им тумблер рации на передачу. Первая попытка неудачна, вторая - тоже, а после третьей он сказал:

– Лейтенант Торп, сэр. Вас слышу, сэр.

– Слава богу! Еще кто-нибудь жив? Отзовитесь! Пожалуйста!

Потом долго слышались только тихий шелест несущей волны и потрескивание статики... Джереми осторожно пожегся. Да, он висит вверх ногами, к тому же в командной рубке носовой торпедной батареи крошечная тьма, не горят даже аварийные лампы на аккумуляторах. Ничего хорошего этот факт не сулил, но Торп выбросил его из головы и сосредоточил внимание на непослушных руках. На обшлагах скафандра - лампочки, надо их включить... Удалось, хоть и не без труда. Затем он попробовал сориентироваться в их слабых лучах.

– Склоняюсь к выводу, что нас осталось только пятеро. - Уорнес говорил так, словно еле дышал. - На всякий случай проведу переключку. Лейтенант Торп, носовые торпеды. Похоже, вы теперь второй по званию после меня. Хэдли, правое кормовое орудие. Глэдден, силовой отсек. Шкода, радиорубка. Спрашиваю в последний раз, жив еще кто-нибудь?

Ответом было только безразличное шуршание статики.

– Ну что ж. Итак, нас пятеро. И мы живы. Сейчас вы поочередно доложите обстановку, а там попробуем составить общую картину. Торп?

– Сэр, у меня тут крошечная тьма. Пока удалось только включить фонари на скафандре. Дырок на нем нет, судя по давлению воздуха.

– А как сами?

– В голове туман, похоже, я на какое-то время потерял сознание. А в остальном, кажется, порядок.

– Спасибо. Хэдли, теперь вы.

– Целехонек, сэр, - ответил голос с раскатистым «р», сразу выдающим ирландца. - Тряхнуло меня крепко, но больше ничего не беспокоит. В отключке полежал, как и мистер Торп. Я тут слегка осмотрелся. Насколько отсюда вижу, весь кормовой отсек - ключьями. Дальше посмотреть, сэр?

– Да, поосторожнее. Спасибо. Шкода?

Дрожащий, очень высокий голос сделал фальстарт, а затем повторил спокойнее:

– Сэр, тут тоже кругом темно. Разгром полный, это ясно. Убили и лейтенанта Джуно. Аппаратуру - в кашу...

– А сами как?
– Правая рука не слушается, сэр. Виноват...
– Ладно. Не волнуйтесь. Глэдден, теперь вы. Громко захрипела статика, и в ней с трудом различался нетвердый голос техника-сержанта Глэддена.

– Силовой отсек искрошило осколками бомбы. Кроме меня, выживших нет. Да и я недолго протяну.

– О черт! Как понимать?

– Радиация, сэр. Тут кругом все синее. Осколки защиту разнесли в куски. Корабль автоматически нас заблокировал. Потому-то и сижу в потемках.

– Немедленно прими противорадиационные таблетки!

– Слишком поздно, сэр. Да и какой в них прок при подобной плотности излучения. Глупо...

– Глэдден! - прокричал Уорнес. - Не сдавайся!

– Я же говорю, сэр, глупо это. Я двигатель осмотрел - вроде в порядке. Запросто могу снять автоматическую блокировку. Но если я это сделаю, вся наша лоханка прожарится за полминуты. Глупо. Мы все - покойники. Один конец...

– Отставить! - рявкнул Уорнес. - Всем внимание! Нам крепко досталось, понятно. Повреждений не исправить, но мы еще живы. Мистер Торп и Хэдли, вы, похоже, способны двигаться. Вот мое предложение: постарайтесь выяснить, исправны ли спасательные шлюпки. Шкода, в состоянии ходить? Вы им помогите. Если хоть один «стручок» невредим, у нас есть шанс. Глэдден!

Захрипела статика - Глэдден включил свой передатчик:

– Меня забудьте, сэр. Я тут останусь. Мне крышка, и я это знаю. А если вам для чего-нибудь понадобится ток или тяга, скажите. Только решайте побыстрее, а то мне долго не протянуть.

Последнюю фразу Торп услышал уже в движении, он нашаривал клапан декомпрессии отсека. И тут он понял, что упустил из виду одну деталь.

– Капитан Уорнес, а как вы? Целы, сэр?

– Обо мне не будем.

– Сэр, мы имеем право знать. Нас ведь осталось только пятеро. - Джереми нащупал клапан и почувствовал, как раздувается скафандр. Воздух из отсека уходил за борт. Под его ладонью сдвинулась рукоять замка, отошла дверца люка, показались звезды.

– Право? - Уорнес хмыкнул. - Какие могут быть права в такой ситуации? Глэдден прав. Мы все - мертвецы, хоть еще и не признали этого. Цепляемся за жизнь, да что толку? Лейтенант, меня раздавило. Сорвался с переборки чертов блок управления, упал мне на ноги. Ниже пояса ничего не чувствую. Я не успел надеть скафандр, но потом кое-как дотянулся до шлема, потому-то мы сейчас и разговариваем. Однако не торопитесь меня списывать. Сейчас пригодятся любые мозги. Так что скажете насчет шлюпок? И как наш «Поиск» выглядит со стороны?

Торп пристегнул карабин страховочного фала к кольцу на корпусе корабля и поплыл в пустоте, пытаясь развернуться лицом к «Поиску». Кругом великая тьма царственно блестела шикарными огнистыми алмазами. На другом конце тонкого фала «Поиск» казался до боли крошечным - игрушка, несомая ветрами пустоты. Он беспомощно вращался перед Торпом, и было видно, куда угодил вражеский снаряд - рядом с переборкой, что отделяла командный отсек от машинного. Там зияла черная брешь с рваными краями. Всю эту часть корабля взрыв превратил в обломки. Торп увидел карлика в звездном ореоле - это мог быть только Хэдли. Осмотрел корму и убедился, что Хэдли оценил ущерб правильно. Дыра на дыре. Хотя основные и корректировочные дюзы вроде целы, торчат из обломков, будто пальцы стальной руки.

Корабль медленно вращался, и Торпа постепенно сносило; он ухватился за фал и легонько дернул.

– Шлюпки на средней части корпуса можно не проверять, - доложил он. - И на корме.

Там - крошево. Нос выглядит поприличнее. Двигаю туда.

– Подтверждаю, - рыкнул Хэдли. - Я тоже полезу вперед, может, Шкоде помочь надо будет.

Через несколько минут все трое собрались на выступавшем из борта «Поиска» колпаке, под которым находилась правая носовая шлюпка. Торп доложил:

– Сэр, этот «стручок» вроде цел. Мы сейчас придем, вынесем вас...

– Садитесь в него и уматывайте! - перебил Уорнес. В голосе капитана звучали злость и боль. - Мне ничем не поможете. Вам меня даже не одеть. К тому же, чтобы пробраться сюда, надо декомпрессовать отсек. И вообще, я долго не протяну. Удачи, лейтенант. И вам, ребята...

– Мы не можем отчалить, бросив вас на произвол судьбы. - Приказ поверг Торпа в ужас. Он попытался вообразить капитана Уорнеса, вообразить, как он, полураздавленный, умирает в одиночестве. Ничего не получалось.

– Ради бога! Улетайте! - закричал Уорнес. - Мне конец, честное слово. У меня есть ампула с ядом. С тех пор как подбили первый мой корабль, я с ней не расстаюсь. Быстрая смерть. Имеет ведь право человек достойно провести свою последнюю минуту! Черт побери, улетайте! - раздался щелчок, и рация капитана умолкла.

Торпом завладела слабость - и душой его, и телом. Голова звенела, как пустая жестянка. Он был весь в поту и конденсате. Желудок стянулся в узел. А кругом сверкали прелестные и высокомерно-равнодушные звезды. Корабль погиб, погибли пятнадцать человек, и остальных уже можно считать покойниками, тут Глэдден и капитан совершенно правы. Изорванный, пробитый металл, безжизненные механизмы и невообразимые космические расстояния - и три беспомощных человечка, которым хватает безрассудства еще на что-то надеяться.

– Уводить «стручок» бесполезно, - прорычал Хэдли. - Что потом? Ждать? Чего? Кто за нами явится? И самим куда лететь?

– Должен же быть выход, - пробормотал Торп.

– Отсюда даже в «Паули» неделя лета до ближайшего жилья, - угрюмо произнес Шкода. - На «стручке» мы никуда не доберемся.

– Если Глэдден прав и корабельный двигатель уцелел...

– Он в порядке, - вклинился нежданно в разговор голос Глэддена вместе со шквалом статики. - Я проверил. Мне достаточно перекинуть рычаг на ручное управление, и у вас будет все: корректировочные дюзы, ионный двигатель, «Паули»... Все.

– И полное брюхо кюри! - рыкнул Хэдли. - В гробу я видал такое лакомство.

– Постойте! - У Торпа появилась зыбкая, почти бесформенная идея. - Да ведь у нас тут первоклассная защита! - Он постучал по колпаку корабля армированной рукавицей. - Корпус шлюпки! Он должен спасти от космической радиации. Почему бы этим не воспользоваться?

– Но ведь кому-то надо пробраться в командную рубку, чтобы вести...

– Нет, нет! Помните теорию конструирования модулей? Это же азы, их всем вдалбливают в голову. Каждый корабль строится с таким расчетом и так разделяется на отсеки, чтобы в аварийной ситуации можно было управлять полетом, маневром и огнем из любого сектора. Все отсеки и узлы корабля связаны между собой многожильными кабелями с многослойной оболочкой. На всякий случай.

– Дистанционное управление! - воскликнул Джереми. - Мы будем вести «Поиск» отсюда, из «стручка»! А ну-ка, давайте, помогите мне. Шкода, соединяйте кабели с бортовыми системами шлюпки. Хэдли - со мной. Когда я уходил из рубки носового торпедного, она была цела. Через нее мы и подключим «стручок» к управлению «Поиска».

Внезапно обретя надежду, они забыли свои страхи и сомнения и поползли по корпусу изувеченного звездолета. Громоздкие толстостенные скафандры вовсе не предназначались для спешки, и люди, забыв об этом, совершали множество неловких и ненужных движений. Наконец, подсоединив контакты массивных кабелей, они вернулись к Шкоде на шлюпку. Торп мысленно прочитал молитву и включил подбородком передатчик.

– Глэдден! Слышите меня? Вы еще там?

По ушам ударил громкий треск статики, заставил его поморщиться.

– Чего изволите? - Глэдден говорил бодро и беспечно, похоже, махнул на свою жизнь рукой. - Я думал, вы уже давно улетели. Чего ждете? Может, хотите ко мне в гости? Добро пожаловать. Тут все голубое и розовато-лиловое и блестит, как алмазы...

Речь утратила связность, а затем и вовсе потерялась в шуме статики.

Торпа обуял страх, он едва не закричал. Было ясно, что Глэдден не в себе. Свихнулся! А ведь от него зависит спасение троих уцелевших. Лейтенант в отчаянии бросил взгляд на тусклое голубое сияние шлюпки. Разглядел две сгорбленные тени - Хэдли и Шкода смотрели на него, но не видели выражения лица через стекла шлемов. Они молчали. Ждали его решения. «Господи! - подумал он, - я же теперь самый старший по званию! Командир!» Эта мысль привела Джереми в чувство, и мозги лихорадочно заработали.

Итак, Глэдден сошел с ума. Винить его за это нельзя, но что теперь делать? Пробиваться к нему бессмысленно; даже если бы и удалось, десять секунд под лучевым душем - и конец. Как добиться толку от безумца? Может, подыграть ему? А почему бы и нет?

– Глэдден! - Он старался говорить громко, однако без дрожи в голосе. - Слышите меня? Скажите, у вас там и правда красиво?

– Правда. Как в сказочной стране. Все сияет...

– Глэдден! Готов поспорить, засияет в десять раз ярче, если повернуть рубильник. Переключите управление на ручное, разогрейте двигатель. Слышите? Разве так не лучше будет?

Затаив дыхание, Торп ждал и чувствовал, как испарина собирается в капли и стекает по лицу. Проклятый шорох звучал все громче. Глэдден что-то пробормотал - ни слова не разобрать. Затем шум ливня в динамике индивидуальной рации перешел в оглушительный треск, раздался вопль... Эхом ему была тишина. Кругом замерцало, и тусклую синеву на борту спасательной шлюпки сменил яркий свет. В тот же миг неприятное и непривычное чувство перевернутости ослабло, казалось, все сориентировалось как надо. Какой-то глубинный фибр мозга подсказал, что при атаке разбалансировался псевдограв, но теперь он синхронизирован и действует нормально.

Рация глухо прорычала голосом Хэдли:

– Сэр, надо сказать «аминь». Клянусь Богом, это был настоящий мужчина!

– Вы правы. Он дал нам шанс. И лучше бы его не упустить.

Торп занялся делом - все, что угодно, лишь бы не думать о том, как жесткие лучи прошивают внутренности «Поиска» у противоположного борта.

– Мы задраились? Хорошо, теперь первым делом разденемся до пояса. Шкода, я хочу осмотреть вашу руку, может, удастся что-нибудь поправить. - Джереми принялся отстегивать шлем.

– Да черт с ней! - запротестовал Шкода. - Лучше давайте куда-нибудь полетим.

– Не волнуйтесь, это входит в мои планы. Но вы - единственный наш радист. И кто, как не вы, скажет, куда нам лететь? Послушайте меня, Шкода. Если повезет, я смогу вести эту штуковину, но вы должны рассчитать и проложить курс. Так что умолкните и снимайте скафандр. Хэдли, помогите...

Спасательная шлюпка, или, как метко прозвал ее экипаж «Поиска», «стручок», не была роскошью. В сущности, она представляла собой лишь бронированную металлическую трубу. Ее нижнюю треть занимали миниатюрный ионный двигатель и аккумуляторные батареи. Верхний отсек содержал упрощенный модуль управления «стручком» и пульт дистанционного доступа к системам «Поиска». Оставшееся место делили между собой пристегнутое к бортам противоперегрузочное снаряжение и подвесные шкафчики с аварийным запасом. По инструкции в чрезвычайной ситуации в шлюпку могли поместиться четверо. Сейчас на ее борту находились три человека, но скафандры едва позволяли им шевельнуться.

Торп освободил голову и руки и потянулся к Шкоде.

- Постараюсь ничего не повредить. Хэдли, выясните пока, как у нас дела с водой и пищей. И с лекарствами. А ну-ка... - Он взялся за руку радиста и осторожно ощупал через пропитанный потом хлопок нательного комбинезона. Точно такие же комбинезоны сидели на нем самом и на Хэдли. Запоздалая мысль побудила лейтенанта обратиться к Хэдли: - И таблетки от облучения сосчитайте. Они нам уже сейчас нужны.

- Помнится, вы говорили, что корпус нас защитит, - сбивчиво произнес Шкода. У него от лица отлила кровь, в синем свете кожа приобрела трупный оттенок.

- Защитит, но мы побывали за бортом, и не следует забывать о космической радиации. Будем надеяться на корпус «стручка», и все-таки лучше не рисковать.

Пальцы работали быстро. Торп целиком сосредоточился на их ощущениях, а на собственную слабость, на пульсирующую боль в голове старался внимания не обращать. Только сейчас он заметил, что Шкода похож на итальянца: смуглый, с жесткими вьющимися волосами, высокими скулами и глубоко посаженными глазами. Определенно в резком свете он смахивал на призрак.

- Вроде перелома нет... А! - Он добрался до плеча и по гримасе боли на лице Шкоды все понял. - Похоже, только вывих. Слава богу, с ними я уже имел дело. Хэдли, вы мне нужны, будете его держать. Чертов «стручок», не развернуться... Ну, беритесь... Вот так. Дайте мне сесть. Шкода, предупреждаю, больно будет - жуть, но только секунду, так что сожмите зубы и терпите. Готовы?

Джереми прижался лопатками к подвесному шкафчику, крепче взялся за руку радиста. Мгновение все было синим, расплывчатым, словно сцена из кошмарного сна. Он наполнил легкие воздухом, тряхнул головой и рванул.

- Отлично. Получилось. Глубоко вздохните раз-другой и беритесь за дело. Поглядите, что можно выжать из пульта. Хэдли, как ваши успехи?

- Не ахти, сэр. Полно тюбиков со съедобной пастой, а вот с водой дело обстоит похуже. Я нашел только четыре «груши». Хватит примерно на сутки с небольшим.

- Примерно как я и ожидал, - пробормотал Торп. - Нам еще повезло, что здесь вообще есть запас. Сама идея насчет спасательных шлюпок - всего лишь красивый жест. Что-то я не слыхал, чтобы кто-нибудь спасся на «стручке». Космос чертовски велик.

- Аптечка, сэр. Если посидите неподвижно, я, может, что-нибудь сделаю с вашей головой.

- С головой? Как-нибудь попозже. С ней ничего серьезного.

- Да вы сами гляньте!

Хэдли поднял крышку аптечки, и Торп увидел себя в зеркале. И с трудом узнал. Отчасти, конечно, был виноват голубой свет, но и в нормальном освещении лейтенант выглядел бы тем еще красавцем. Из глубокой ссадины над правым глазом текла кровь, разливалась по половине лица, шее и груди. Глаза в черных кругах лихорадочно горели, а на коже, где не было крови, жирно поблескивал пот. Торп попробовал улыбнуться, затем перевел взгляд на Хэдли. И увидел широкое, словно из камня вырубленное, лицо. Тоже в поту и грязи.

- О Боже! - пробормотал лейтенант. - Нами только детишек пугать. Ладно, попробуйте что-нибудь сделать, но не слишком усердствуйте. На самом деле все не так уж и страшно.

Он опустился на корточки и прислонился спиной к переборке, а Хэдли навис над ним. С первым же неловким мазком антисептической пасты Торп зажмурился и все силы отдал на отражение пронизывающих стрел боли. Странное дело: легче было переносить эту острую, но местную боль, чем сражаться с досаждавшим ему после боя недомоганием во всем теле. Через несколько секунд взялся за работу содержащийся в мази анальгетик, боль отошла, и Торп себе показался легким, как перышко.

- Вот, теперь почище. Я зашиваю, сэр...

- От пульта толку мало, - оглянулся Шкода. - Компьютер ни черта кругом не узнает. Попробую анализировать данные.

Торп снова закрыл глаза. Удивительное ощущение: он как бы «слышит» кусающую скальп винтовую иглоку, однако не чувствует. У Шкоды плохая новость, но разве не этого они ожидали? Слишком далеко отсюда ближайшая знакомая звезда - не достать радаром с ограниченным радиусом действия. Да, это было учтено. В прыжке с базы к точке randevu они провели почти неделю, причем в пространстве Паули. Так что осталась единственная надежда - на вычисления. Надо ввести данные в бортовой компьютер и верить, что в каком-нибудь из ближайших небесных тел он опознает планету земного типа. Надежда есть - слабенькая, как паутинка. Хэдли выпрямился.

- Сделал все, что мог, сэр. А сейчас вам бы не мешало принять противорадиационную таблетку. И тебе, Шкода.

Торп кое-как поднялся на ноги, затянул пояс скафандра и улегся рядом с радистом. Так, чтобы пульт управления был на виду.

- Ну, как успехи?

- Да какие там, к черту, успехи, сэр. Одному Богу известно, во что радиация превратила нашу электронику. Пока у меня одни отказы. Ни черта не работает... Нет, постойте-ка!

Молниеносное движение пальцев - и на экран вернулся столбец цифр. Скучных познаний Торпа в астронавигации хватило, чтобы понять: это уже интересно.

- Э, похоже, шанс, - оживился радист. - Правда, очень хилый. Итак, мы видим маленькое солнце, есть ли у него планета - сомнительно. И оно в сорока восьми часах полета. Достаточно близко.

- Больше ничего?

- Ни черта, сэр. Что делать будем?

И снова бремя легло на плечи Торпа, нового командира. Ну что ж, Джереми, принимай решение. От твоего выбора зависят жизни еще двух человек. У твоей крошечной команды есть запас воды - аварийный, рассчитанный только на сутки. Есть изувеченный, прожигаемый радиацией корабль. И есть незнакомая звездочка в двух днях полета, скорее всего, не имеющая на орбите пригодной для жизни планеты. Разве можно назвать это шансом на спасение? Но что еще остается?

- Что еще остается? - прохрипел он. - Шкода, проверьте данные и займитесь прокладкой курса и подготовкой к прыжку. Хэдли, убедитесь, что на борту все закреплено, и дайте мне еще разок заглянуть в аптечку.

Джереми поднял крышку, порылся в содержимом аптечки и вынул то, что искал. Пакетик из фольги.

- «Коматозные» пилюли. Проглотим, как только прыгнем...

Слава богу, Шкода и Хэдли не могли видеть, как он скрестил пальцы, потому что это произошло только в его воображении. П-двигатель - штука деликатная, для крепких радиационных ванн никоим образом не предназначенная.

- У нас есть чуток воды, вдоволь пищи и по таблетке мощного снотворного. Двадцать четыре часа в летаргии...

- Но один из нас должен нести вахту, - возразил Хэдли.

- На кой черт? - буркнул Торп. - Если и наткнемся на кого, что сможем сделать? По идее, в «Паули» надо нести вахту, потому что в этом режиме можно регистрировать работу чужих двигателей в непосредственной близости, что дает шанс своевременно перескочить в реальное пространство-время и дать бой. Но сейчас-то это зачем? Нужно сберечь воду, и единственный способ - отключиться. Понятно? Так что натягивайте «сбрую» и готовьтесь к прыжку.

Они повозились в тесноте, ненароком задевая друг друга, и в конце концов оказались надежно упакованы в ременные конструкции наподобие гамаков - те заменяли противоперегрузочные койки. Торп устроился так, чтобы пульт всегда находился перед глазами и в случае чего можно было дотянуться. Модуль управления был маленьким и примитивным, ничего общего со сложной аппаратурой в командной рубке или его

торпедном отсеке, но он мог сослужить свою службу, а большего и не требовалось.

Лейтенанта снова охватило головокружительное ощущение нереальности, перед глазами поплыли приборные шкалы и огни подсветки. К горлу подкатил комок тошноты, всколыхнулся желудок. Он судорожно сглотнул, собрал волю в кулак и потянулся к пульту.

От первого же робкого прикосновения по корпусу «Поиска» пробежала крупная дрожь. Стало быть, этот узел все-таки исправен. Торп снова дотронулся до пульта, увидел, как закружились созвездия, остановил их, заставил ползти обратно к центру экрана. Теперь - скоррелировать датчики с курсовым компьютером. Перед глазами расплывалась, смещалась рамка прицела. Он зажмурился, разлепил веки и попытался включить двигатель еще раз. Осторожно. Лишь на секунду.

Вокруг центра экрана уклончиво блуждали скрещенные волосяные линии зеленого огня. У Торпа с кончика носа капал пот. Чесалась кожа. Руки были точно свинцовые.

– Ну, давай же, заводись! - бормотал он, передвигая рычаги и глядя, как зеленые крестики дрожат и ползут друг к другу. И сходятся. Он вдавил кнопку до отказа - фиксация. Теперь... если только не откажет П-двигатель... Обоиими руками схватился за рукоять, отжал до упора, сдвинул в боковой паз.

Реальная вселенная превратилась в радужную шутиху, навалилось головокружение и тяжесть перегрузки; свет распался на спектральные полосы, те быстро стянулись в сплошное инфракрасное пятно и утащили за собой Джереми Торпа.

Глава 3

В падении и застиг его сон, однако на сей раз картины были фрагментарны и не стыковались друг с другом. Кусочки и клочки видений беспорядочно толкались, теснились. Джереми Торп - Джеральд Корд. Пять лет. Пять невероятных, отупляющих чувства лет, за которые он привык считать себя Джереми Торпом постоянно, а не только на виду у других. Поначалу это было нелегко. Суровая, подчиненная строжайшей дисциплине жизнь в учебном лагере. Не до вежливости, не до церемоний - все отдано главной задаче. Курс обучения длится три месяца, и каждая минута каждого дня на счету. Потому что научиться надо многому.

Джеральд, сам о том не подозревая, с детства знал уважение к своей персоне - ведь он был сыном вице-адмирала Корда. В учебке ни на что подобное рассчитывать не приходилось. В нем видели только рядовой винтик военной машины. «Курсант Торп, вы обязаны изучить конструкционные особенности и принципы действия основных узлов каждого из нескольких классов кораблей, спешно монтируемых на верфях страны. Земляне слишком рано проникли в дальний космос, их к этому вынудили, не дав времени изобрести и построить все необходимое. Идет война, безжалостно пожирает человеческие жизни. Как следствие, пришлось создать полдесятка основных образцов боевых звездолетов и производить их в огромном количестве. И готовить для них экипажи. Поэтому для начала вы освоите всю матчасть. Далее вас ожидает курс специальной подготовки и практических занятий. Вы отсюда выйдете квалифицированным военным специалистом, знающим свой отсек до последней гайки, даже если ради этого вам придется спать раз в четверо суток и падать в обморок от изнеможения».

Что ж, взялся за гуж - не говори, что не дюж. Каждый инструктор прошел точно такую же школу и выжил. Впрочем, выживших было немного, и они ценились высоко, эти безжалостные деспоты, уважающие только жесткие правила космических уставов. Во сне Торп увидел лишь крошечный обрывок того, самого первого, дня в учебке, когда к нему обратился комендант Больтц.

«Вы на сто процентов подходите нам по состоянию здоровья, и у вас сравнительно высокий уровень интеллекта. Иначе бы вы здесь не оказались. Для менее способных есть другие лагеря. Поэтому вы не умрете в ходе подготовки. Правда, иногда вам будет казаться, что лучше смерть...»

С семи утра до семи вечера. Учеба, учеба, учеба. С жалкими перерывами на сон, оправку, прием пищи. И так - шесть дней в неделю. А в воскресенье, в этот мифический выходной, - экзамены и соревнования, чтобы выяснить, справляешься ты с нагрузкой или нет.

Но лже-Торп ничего другого и не ожидал. Он почти наслаждался испытаниями, отдавался им со всем пылом юности. Вплоть до воскресного утра, когда коварная судьба нанесла точно нацеленный удар.

«Курсант Торп, вас вызывает комендант. В штаб бегом марш!»

Он побежал, на бегу лихорадочно гадая, в чем же ошибся.

– Вольно, Торп. - Больтц был долговяз, бледен, желчен, словно вечно недоволен жизнью или страдал несварением желудка. Дружелюбная мина ему никак не давалась. - Я просмотрел ваши оценки. Похвально, мистер Торп, похвально. Вы заслужили поощрение. Я рекомендовал вас к немедленному переводу в офицерское училище. Командные кадры флота нуждаются в таких, как вы. Это все. Можете идти.

Но курсант остался на месте. Больтц снова посмотрел на него, поднял брови:

– В чем дело?

– Никак нет, сэр!

– Мистер! Черт возьми, как прикажете вас понимать?

– Я не хочу в офицерское училище, сэр.

– Торп, вы что, сомневаетесь в правильности моего решения? Ваш общий балл на семь десятых выше, чем у второго лучшего курсанта. Я еще никогда не видел такой успеваемости. Да вам прямая дорога в офицеры!

– Никак нет, сэр. То есть, как прикажете, сэр, но я бы предпочел доучиться на матроса.

– Вы что, отказываетесь подчиняться приказу? - прозвучало это так, словно Больтц соскучился по развлечениям и с удовольствием бы подавил мятеж-другой.

– Никак нет, сэр. Устав космического флота, раздел пятый, подраздел «Повышение в званиях и должностях». Я не желаю производства в офицеры, сэр. - И Торп решительно поджал губы.

Он мог сказать еще кое-что, но раздел устава «Оскорбление старшего по званию» допускал слишком широкое толкование. Торп вовсе не хотел, чтобы его обвинили в наглости. Однако еще меньше он хотел головокружительного скачка в офицерское училище. Это почти наверняка обеспечит встречу с отцом, и тогда катастрофы не избежать.

Больтц фыркнул, в водянистых глазах коменданта появился зловещий блеск. Но устав - тот самый устав, который он почитал за святыню, - связывал ему руки.

– Ладно, Торп. Будь по-вашему. Я только одно скажу: вы дурак. Не назову предателем - это, пожалуй, было бы слишком, но знайте, что я о вас думаю. Вон отсюда!

Если раньше в учебном лагере Торпу было несладко, то теперь инструкторы объединенными усилиями превратили его жизнь в сущий ад. Слух разлетелся мигом. Надо же, умник выискался! Ему подносят на блюде офицерскую карьеру, а он нос воротит!... Через сутки у Торпа не осталось ни одного друга во всей учебке. Но тут как раз устав сыграл ему на руку. Он четко оговаривал, что можно делать с парией, а чего нельзя. Торпу хватало здоровья, сообразительности и упрямства, чтобы давать сдачи каждому обидчику. Ко всеобщему неудовольствию и зависти, он прошел курс обучения с самым высоким общим баллом за всю историю лагеря и получил вкладыш в военный билет, где красным по белому был написано, что он скандалист и нахал, но все-таки заслуживает скорейшего производства в офицеры.

– Мистер, я хочу, чтобы вы зарубили себе на носу, - процедил Больтц, вызвавший Торпа специально для того, чтобы прочитать ему эту бумагу. - Если попробуете... если только попробуете еще раз увильнуть, военно-полевой суд вам обеспечен. Ясно?

Сновидение вновь раскололось, сменилось кратковременными картинками. Четыре года, четыре корабля. Он фантастически рисковал, он вызывался добровольцем на самые отчаянные операции. В него стреляли, он много раз глядел смерти в лицо. Крейсер «Ллойд» -

ему весь нос разнесло разорвавшейся рядом бомбой в незначительной стычке в полутора световых годах от базы. Погибла половина экипажа, а уцелевшие все до одного тряслись от шока. И все же «Ллойд» дотянул до форта Карн. Матроса Торпа отметили за выдержку и героизм и рекомендовали к производству в младшие лейтенанты с испытательным сроком. Он добровольно занял вакансию на корабле, который вскоре ушел на театр военных действий.

Крейсер «Каролина» выдержал три попадания, вся его корма превратилась в сгусток оплавленного металла. Но до базы он доковылял, хотя ионные двигатели харкали огнем во все стороны и мотали корабль, как штормовое море - шаланду. За это младшего лейтенанта Торпа утвердили в звании. И он снова попросился в дело.

Несколько мгновений спящий разглядывал этого странного молодого упряма и дивился - зачем было так упорно лезть на рожон?... Потом картина заколебалась, потемнела, и Торп пришел в себя от боли и мучительной жажды.

Он заставил веки разлепиться и увидел призрачное голубое сияние. Попробовал сглотнуть и понял, что у него полный рот золы давнего лагерного костра. Далеким баньши завывал П-двигатель, звуком царапая нервы. Торп неуклюже повернулся осмотреть кабину «стручка»; потихоньку возвращалась память. Неровно мигал синий свет. Лейтенант поерзал в «сбруе», взглянул на пульт управления, с трудом сфокусировал взор на миниатюрной приборной панели. Они на полпути... вот только на полпути куда? Остальные приборы, которым полагалось крепко «спать», непрерывно дергали стрелками, лихорадочно мерцали - явно барахлили. «Сбруя» передавала телу рывки - корабль здорово вихлял. Воображение позволило увидеть электронную начинку «Поиска», как она искрит и светится под губительным шквалом гамма-лучей, в потоках нейтронов и мезонов. Джереми представил себе, как дымят и плавают беззащитные микросхемы, разлагаются на молекулы и эти молекулы без смысла и прока связываются друг с дружкой, - и содрогнулся.

Он увидел неподвижно лежавшие в гамаках тела своих товарищей по несчастью, нащупал на обшлагах выключатели, зажег лампочки, посмотрел каждому спутнику в лицо через стекло шлема. Спят как убитые. И выглядят мертвецами. Отчего же ему самому так тошно? Ушиб головы виноват или что-то помимо?

Торп повернулся, кряхтя и постанывая, к настенному шкафчику. Аптечка. Грушевидная емкость с водой. Тюбики с пищей. Он встряхнул каждую «грушу». Одна пустая, другая - наполовину, две - полные. Похоже, Хэдли со Шкодой, прежде чем уснули, сделали по глотку. Он взял в рот наконечник полупустой груши, сдал ее и увидел небо в алмазах. Ни этот глоток, ни следующий не добрались до горла, ротовая полость, сухая, как пески Сахары, миглом впитала влагу. Лишь с третьей попытки ему удалось протолкнуть, точно осколки кирпича, немного воды в пищевод.

Джереми поднес к глазам тюбик, прочитал этикетку: «Жареный цыпленок с ветчиной, шампиньонами, специями и бургундским соусом» - смех, да и только. Попробовал ухмыльнуться - вышла жуткая гримаса. На вкус этот «цыпленок» - мокрая промокашка, как и любая космическая еда. Клейковатая масса покрыла язык тонкой пленкой; Торп кое-как проглотил пищу и отправил вдогонку еще чуток воды. Вернулись обоняние и вкус - сомнительное облегчение. Он вдруг обнаружил, что в кабине «стручка» остро пахнет старым потом, горячим маслом и резиной скафандра. Накатила дурнота... Некоторое время спустя удалось сделать еще по глотку пасты и воды. По-прежнему «сбруя» передавала телу тряску корабля. В голове неумно бродили страшные мысли: долго ли еще выдержат бортовые системы? Чтобы не думать об этом, Торп решил перебирать в памяти осколки сна. Жаловаться на судьбу он не имел права. Сам напросился. Но вовсе не самоубийственные мотивы двигали им, а другие, более глубокие, более важные. Себе он уже все объяснил. Но с кем бы поделиться?

Стоило напрячь память, как в голове стрельнула жуткая боль. Впрочем, сейчас это не имело значения. Померк и снова разгорелся голубой свет. А потом у Торпа захватило дух - приборы на пульте взбесились. Он с дрожью посмотрел на бесчувственные тела товарищей и

едва удержался, чтобы не закричать, не растряссти их. Все бесполезно. Корабль разваливается на части.

По глазам скользнул блик от смятой фольги. Недавно в ней лежало полдюжины «коматозных» таблеток. Остались только две. Должно быть, Хэдли и Шкода проглотили по две. Но полпути уже пройдено. Торп схватил таблетку, сунул в рот, запил и совсем уже был готов осушить «грушу», но тут вспомнил о лекарстве от радиации. Взял две таблетки, проглотил, сопроводил последними драгоценными каплями воды, закинул «грушу» в шкафчик и принялся застегивать скафандр. По большому счету это было ни к чему, однако привычка есть привычка. Что ни говори, тренировали его серьезно. Квазигипнотические препараты, зубрение до автоматизма, упрощение всего и вся до мнемонических кодов, всенощный бубнеж динамиков в подушке, повторение, повторение, повторение, пока навыки и реакции не превратились в инстинкты. Кое-как нахлобучивая на голову шлем, он испытал привычное ощущение - что-то угловатое давило на грудь из накладного кармана. Что это? Джереми вспомнил, когда потянулся к карману рукой в перчатке.

Фотографии. Две блондинки, точно идеальные куколки, покоились на его ладонях. У одной волосы как золотистый мед, у другой - как сливочное масло. Когда-то он для пущей сохранности обтянул снимки инертным полимером. Глядя на красивую блондинку и с трудом ворочая отяжелевшим языком, Торп сказал:

– Я тебе все объяснил. Что это не самоубийство. Что у меня цель. Серьезная причина.

Да, тогда это все имело для него смысл. Сейчас - никакого. Он совершил ошибку. Он с самого начала ошибался.

Мерк голубой свет - брало свое снотворное. Джереми выпустил из рук фотографии, потянул книзу шлем, услышал щелчок фиксаторов. Джереми Торп, ты на пороге смерти. Он хихикнул, подумав, что это тоже ошибка. Никакой он не Джереми Торп. Джереми Торпу под облачным покровом Венеры бояться нечего. Он - гений. Он что-нибудь придумает.

– Старина, твоей вины здесь нет. То была моя затея. Ты написал письмо. Я сделал все остальное. Да, ты не виноват. Хорошее письмо... Все получилось...

Реальность отступила. На расплывчатом фоне звуков возникла безликая синева. Голубое небо. Солнечный день. По автостраде с урчанием мотора несется большой автобус пригородного сообщения, мягко покачивается на воздушной подушке. Кресла обтянуты кожей. Пассажиры - женщины и старики...

Видение резануло по живому, заставило по-новому взглянуть на войну. В самом скором времени не останется мужчин - только старики и мальчишки. И что потом?

Расплылась и эта картина, и миг спустя он взглянул в синие глаза. И в зеленые. Синие принадлежали миссис Торп, матери Джереми, - ни за что не дашь ей столько лет. А зеленые - ее дочке Мэри, очаровательной девятнадцатилетней блондинке. Встретили они Джеральда очень любезно, радушно. И помогли окончательно осознать, что плачевный исход войны предопределен. Они знали об этом, хотя вице-адмирал Корд был уверен, что от гражданского населения надежно прячут истину.

Да, они знали. «Я жду только одного, - сказала Мэри. - Того дня, когда военные откажутся от предрассудка и признают, что женщина способна управлять боевым кораблем и драться не хуже любого мужчины. И тогда я пойду на флот!»

Эти слова потрясли Торпа, и он угодил в расставленные сети.

«Если все это так трудно, так опасно, почему ты не выбрал другой путь? Почему с таким упорством рвешься в бой? Тебя же отец пытался остановить, а ты его не послушал. Чтобы попасть в космос, ты даже выдаешь себя за нашего Джереми. Почему?»

Действительно, почему? В ту пору это казалось ему совершенно ясным.

«Вегиане застигли нас врасплох, сразу выбили лучшие корабли, лучших людей. Вот верховное командование и решило: надо собрать хорошие мозги, всех гениев, и приберечь, а на бойню посылать только расходный материал. Но разве это правильно? Если мы хотим разгадать вегианские секреты, необходимо сообразительных, сметливых парней вроде меня держать на передовой, чтобы они все видели собственными глазами!»

Тогда эти слова ему самому казались высокопарными. Да и сейчас... Но он верил в свою правоту. Что знали о Веге земляне? Почти ничего. Даже сомневались, что враги именно с Веги. Да, это была лишь догадка. Люди, получив новый двигатель, бросились изучать космос. Прочион, Лебедь-61, Сириус, Альтаир... Всюду побывали в радиусе пятнадцати световых лет от Земли. И вдруг им как снег на голову свалился не знающий пощады враг. Напал без объявления войны. По предположениям ученых, родом он был с Веги. Что ж, с Веги, так с Веги...

Всей прочей информации кот наплакал. Жалкие крохи - добытые кровавой ценой обломки кораблей - показывали, что вегианские экипажи состояли из людей или гуманоидов и что двигатели по конструкции схожи с земными. И это все. Если и располагал противник коммуникативными средствами, никакие приборы землян не фиксировали их работу. И никто не знал и не догадывался, что позволяло вражеским кораблям с места развивать такие сумасшедшие скорости, не превращая экипаж в фарш. «Наверное, и не узнают, - с горечью подумал Торп, - пока самые светлые головы Земли не кажут носу из надежной твердыни».

Поплыло, полезло ключьями и это видение, в него вклинились сцены суровой тренировки.

«Лейтенант Торп, даю вводную: пробоина в борту, декомпрессия в командной рубке торпедного отсека. Ваши действия?»

«Авария на пульте: заклинен механизм ручного пуска торпеды. Как поведете себя в этой ситуации?»

«Полностью отказала система энергоснабжения. Что предпримете, мистер Торп?»

«Что теперь делать, мистер Торп? Торп! Мистер Торп!»

Глава 4

Его неистово трясла чья-то рука. И кто-то демоническим голосом вопил чуть ли не в ухо:

– Мистер Торп! Мистер Торп! Проснитесь, сэр! Проснитесь, ради бога!

Он кое-как разлепил веки. Лихорадочно мерцал синий свет, угловатое лицо Хэдли было искажено тревогой пополам с отчаянием, а Шкода, судя по запавшим глазам, едва не падал от усталости.

– А? Что?

– Ну, слава Богу! До расчетного выхода из «Паули» десять секунд, сэр. Конечно, если столько протянем.

Тут «стручок» затрясся, словно подтверждал слова Шкоды.

– Скафандры надеть! - автоматически, безрассудно вырвался приказ.

Энергично двигая плечами, Торп просунул руки в рукава, пристегнул шлем и повернулся взглянуть на пульт управления. Траектория полета корабля на П-двигателе упиралась в рисочку, которая отмечала конец пути. Руки в перчатках легли на рычаги ионной тяги, сжались зубы. Последний толчок. И самый решающий! Если выдержат механизмы, если «Поиск» благополучно вынырнет в реальное пространство... Что потом?

Оборвался вой баньши. И снова - знакомые шутихи, головокружительно вертящиеся радуги, сокрушительный толчок, тошнота, беззвучный хлопок перехода. Засветились, ожили три жалких экранчика: один - для Шкоды, чтобы определять координаты корабля, другой, перед Торпом, - для маневрирования, и третий - обзорный, на нем вращаются и колышутся звезды, вернее, вертится и мотается искаженный «Поиск».

Ну, с качкой-то справиться можно. Торп непринужденно работал с управлением, чувствовал, как отзывается корабль, видел, как вертлявые яркие точки сбавляют темп, и вот наконец появилась огромная шаровая молния, чей ослепительный свет заполнил весь экран.

– Мы уже близко, - пробормотал лейтенант. - Проклятье, даже чересчур близко, и мне это не очень нравится. Шкода, рассчитывай курс побыстрее, пока мы еще можем повернуть назад.

Он стабилизировал вращение корабля так, чтобы солнце держалось сразу за краем экрана, а потом смотрел, как Шкода возится со своими приборами - добывает сведения для компьютера. Даже предполагаемые результаты не утешали, но все же Торп мрачно дожидался точных данных.

Наконец Шкода проворчал:

– Если наш компьютер не свихнулся, то эта система - уродец. В ней только одна планета. Видите, сэр? Все остальные пятна на радаре - призраки: пылевые скопления на орбитах и ложные светила.

– Что за планета?

– Как раз анализирую. Вот, готово! На первый взгляд вроде неплохо, сэр. Масса, гравитация, температура на поверхности и спектр воздуха - в пределах нормы. И мы уже практически верхом сидим на атмосфере.

– Выведите-ка ее на мой экран. Попробуем рассмотреть как следует.

Шкода передвинул мерцающий крестик носового телескопа в нужный квадрант, и Торп снова взялся за рычаги управления, чувствуя неуклюжую, тяжеловесную реакцию корабля. Крестик полз и полз, и наконец, дрожа, остановился точно в центре экрана.

Вот она, планета! О шлем лейтенанта клацнул шлем Хэдли - здоровяк напряженно разглядывал на экране синий с золотым диск.

– А правда, ничего смотрится?

– Сейчас нам любая планета - красавица, - ответил Торп. - Осталось только выжить при посадке. Кто-нибудь знает молитвы? Самое время... Шкода, будьте начеку, фиксируйте ракеты, спутники и все такое прочее. Хэдли, я бы воды глотнул. Да и вы присоединяйтесь - что ее беречь? У нас еще минут пятнадцать, а потом будет не до ерунды.

Он коснулся панели главного двигателя, ощутил первый громовой раскат и легко перевел рычаг на средний ход. На этом этапе осложнений не ожидается, только бы видеть цель. Потребуется лишь изредка давать коррекцию, чтобы изображение не уходило с экрана. А вот дальше будет потруднее.

Торп снова отстегнул, откинул за спину шлем, взял у Хэдли «грушу», присосался. И одновременно попробовал нарисовать в уме картину посадки в целом.

– Как вы оцениваете наши шансы, сэр?

– Тут, Хэдли, все зависит от двигателя. Если выдержит - надежда есть, хотя не бог весть какая. Особых причин для радости не вижу. И так уже займы живем.

– А если выдюжат двигатель и реактор, мы сможем сесть, как считаете?

– Попробуемся. Что толку гадать на кофейной гуще? Лучше всего пройти по орбите-другой и поискать океан. Я бы предпочел приводниться.

– Как скажете, сэр, - проворчал Хэдли, но на широком лице отразилось недоумение.

Торп глубоко вздохнул:

– Объясняю. Корабль сконструирован так, что садится на хвост, желательно по наводке с земли. Хвостом вниз - потому что в хвосте дюзы основного двигателя. Для такой посадки необходимы кормовые видеокамеры, а их у нас нет. Черт побери, да у нас и кормы-то нет. И вы это прекрасно знаете!

– О Господи! Начисто забыл. Выходит, нам остается только падать вслепую, а там будь что будет?

– Именно.

Экран уже давал четкое изображение. Виднелся черный изгиб корпуса «Поиска», изувеченный правый борт и маленькая выпуклость на носу - верхняя часть спасательной шлюпки.

– А мы не можем отстрелиться и сесть в «стручке»? - осведомился Шкода.

Хэдли не замедлил проворчать:

– Ты мозгами-то шевели! У «стручка» не тот двигатель, забыл? Не для маневра в гравитационном поле планеты. В открытом космосе - еще куда ни шло. При близких дистанциях. А тут... - Он обратился к Торпу: - Как думаете, сэр, внизу кто-нибудь есть?

Торп, размышлявший над тем же, смотрел во все глаза на экран. То-то будет весело, если они, столько всего пережив, свалятся точнехонько на вегианскую базу.

Шкода вытягивал шею, вертел головой.

– Да, сэр, у меня такие же мысли. Выйти в эфир?

– Нет! Мы точно знаем, что это не наша планета. Нельзя исключать, что тут вегиане.

– Сэр, но у вегиан нет радио.

– А вот этого, мистер Шкода, нельзя утверждать наверняка. Если там кто-нибудь есть, пускай первым голосок подаст.

На экране рос в диаметре диск, и вскоре Шкода сообщил, что приборы уже регистрируют вхождение корабля в верхние слои ионосферы. Терпящие бедствие снова пристегнули шлемы, разместились в противоперегрузочных «сбруях», и Торп приступил к самой трудной и рискованной части своей миссии. Вырубил основной двигатель. Осторожными прикосновениями к пульта управления передних дюз выпустил колеблющиеся струи огня, и обзорный экран заволочло ярким светом. А затем очень бережно, памятуя о разбалансированных, непослушных двигателях, вывел «Поиск» на медленно сужающуюся орбиту.

Пронзительно завыл прошиваемый кораблем воздух. Корпус, конечно, уже раскалился от трения. Интересно, там, внизу, кто-нибудь есть? Может ли появиться разумная форма жизни на одинокой планете, которая вращается вокруг своего солнца в обществе нескольких призрачных пылевых облаков? Лейтенант молил Бога, чтобы тот послал достаточно длинную полосу воды.

– Сэр, есть что-то на короткой волне! - прокричал ему в ухо Шкода. - Ничего не понять, но это передача, точно!

– Попробуйте разобраться, что за передача. Речь или шифр?

– Похоже на речь. Шлем мешает, чтоб его! Может, рискну, а? Сниму его, послушаю?

– Ладно, только недолго. И не отвечайте, пока не разрешу!

Шкода откинул шлем, и лейтенант тотчас услышал невнятную речь динамика на пульте - ее вдобавок искажал шлемофон Шкоды. Скороговорка совершенно неземных голосов...

– Это люди! - буркнул Хэдли. - Вроде нас!

– Да, насколько нам известно, вегиане - гуманоиды.

Непонятная скороговорка оборвалась - Шкода снова надел шлем, отгородил Торпа от звуков.

– Что скажете, сэр? Я ничего такого отродясь не слышал, но похоже на речь. На человеческую речь, я хотел сказать. Все, несущая плывет. Через минуту потеряем.

– Ничего, сделаем круг и вернемся сюда. - Торп скользнул взглядом по приборам. - Надо решать побыстрее. Нас только трое, и речь идет о жизни и смерти. Чтобы посадить корабль, мне понадобится все умение и везение. И очень бы пригодилась помощь с планеты. С другой стороны, не хочется самим голову в петлю совать. Так что решать предоставляю вам.

Сейчас я не командир. На сушу мы шлепнемся или на воду, но очень повезет, если не расшибемся в лепешку. Что хуже - плен или катастрофа, - сказать не берусь. Я предлагаю связаться с туземцами по радио, но как вы решите, так и будет.

– А что мы теряем? - прорычал Хэдли. - Шкода, ну-ка крикни им!

Снова откинулся шлем, однако радист держал микрофон в кулаке, и спутники не расслышали ни слова из его передачи. Впрочем, Торпу было уже не до того - его взор лихорадочно скакал по приборам, так как «Поиск» неуклонно сокращал радиус своих витков. Лейтенант осторожно касался рычагов и кнопок, чтобы вести корабль не слишком медленно и не слишком быстро, и ежесекундно мел взглядом по расстилающейся внизу панораме. Сейчас они летели над закатной стороной планеты, внизу было темно, но это ровным счетом ничего не значило. С такого расстояния - в тысячу с лишним миль - только ярчайший свет позволил бы увидеть что-то на экране. Торп это понимал, и все же, глядя на почти черный экран, гадал, уж не вышли ли из строя приборы.

Внезапно зазвучал голос Шкоды, уже с совсем иными обертонами:

– Вынес из шлема динамик, сэр. Теперь вы должны слышать. Во всем диапазоне – шумы, но толком ничего не поймать. Наверное, все спят или занимаются своими делами, и я не уверен, что стоит их беспокоить.

– Я сужаю орбиту, – решил Торп. – Можете запеленговать источник передачи, если еще раз ее уловим?

– Думаю, да. Сигнал хороший, сильный.

– Ладно. Действуйте, примем его за радиомаяк. Он нам поможет сориентироваться, когда я переверну корабль. Без него мы будем слепы. – Торп полегоньку работал передними дюзами, глядел на раскинувшуюся внизу мглу и с тревогой ждал первого признака светового пятна. А когда оно возникло, все его опасения подтвердились. Изображение на экране рябило, рвалось, колебалось.

– Все, разваливаемся, – пробормотал лейтенант. – Один Бог знает, как нам удалось так долго протянуть...

– Есть! – вскричал Шкода, и снова в кабине раздалась чужая речь – на этот раз гораздо тише, зато более внятно. Пальцы радиста заматались над пультом, и на экране Торпа возникла зеленая точка. Она выросла, покрылась рябью. Лейтенант корректировал полет корабля, пока пятно не оказалось в самом центре экрана, и тогда врубил тормозные дюзы. По обзорному экрану расстелилась мерцающая пелена ионного огня. «Поиск» сбросил скорость и глубже зарылся в атмосферу планеты.

– Алло! Алло! – зывал Шкода. – Говорит космический корабль «Поиск», Земля. Терпим бедствие, идем на вынужденную посадку. Как слышите, прием?

Неземная речь в эфире внезапно оборвалась. Корпус «стручка» вторил воплю пикирующего «Поиска». От обзорного экрана проку уже не было никакого, четко виднелось только зеленое пятнышко. Оно вдруг снова принялось расти. Из динамика исторгся пронзительный голос:

– Вы с Земли? Прошу повторить! Вы с Земли? Торп никогда в жизни не слышал такого акцента, хотя слова звучали совершенно четко.

– Храни нас Господь! – прорычал Хэдли. – Говорят по-английски. Шкода, обратись-ка еще разок. Скажи, что нам нужна помощь.

– Нет! Шкода, молчите. Они нам уже ничем не помогут. Мы падаем, нравится нам это или нет. И у меня для ориентации – только эта волна. Иду прямо на передатчик. Продержусь на курсе, сколько смелости хватит, потом развернусь и попробую сесть на источник несущей. Как будет ее слышно, когда перевернемся?

– Как и сейчас, сэр, только потише. Но нельзя же свалиться прямиком на антенну!

– А что еще остается? Передний обзор сдох. Я ни черта не вижу!

Перед лицом Торпа появилась рука в перчатке, сжалась в кулак, ударила по экрану, разжалась, повозилась с настройками. На краткий миг вернулось изображение – белая вата облачного покрова, а под ним темная шагрень земли. И сине-зеленый океан. В следующую секунду экран замерцал и почернел.

– Левее берите, левее! – уговаривал Шкода. – Там море. Рация на суше, как пить дать. Видели сушу?

– Видел! – буркнул Торп. – Вы хоть сами понимаете, что говорите? – Он стрельнул тревожным взглядом в панель радара-альтиметра. Стрелка медленно пересекла отметку «триста». – Хотите, чтобы я вслепую перевернул эту махину и потом принял влево? Спятели?

С другой стороны, что еще оставалось? К возмущенному реву воздуха за бортом добавилась мощная тряска всего корабля. И передние дюзы не спасут при таком стремительном падении «вниз головой». Двести миль до поверхности планеты. Зеленое пятно уверенно росло.

– Ладно, рискнем! – пробормотал Торп и взялся за рычаги корректировочных двигателей.

Пятно на экране решительно поползло вниз, а в следующий миг экран совсем почернел. И не было ощущения поворота или вообще движения - только страшные содрогания «Поиска».

— Ну давай же! - хрипло выдавил лейтенант, гася работой маневровых дюз бортовую качку.

Вот оно, пятно, заползает на экран сверху. Быстро. Слишком быстро! Перебор! Он врубил на миг коррекцию и увидел, как пятно прекратило свой безумный бег и неуверенно, враскачку двинулось вспять, к центру экрана. И осталось там.

Торп пошевелил пальцами (до чего же мешают перчатки!) и вновь взялся за рычаги основного двигателя. Сразу на него обрушилась сокрушающая внутренности мощь - торможение... Затем на тошнотворную секунду тяжесть отскочила, людей швырнуло вверх, рвануло «сбрую». И вновь - оглушительный удар падающего молота. Ожил, закашлял двигатель. Стрелки приборов бешено заметались, потом успокоились. На альтиметре - сто пятьдесят, «Поиск» терял высоту.

Из-за чудовищной тяжести перед глазами все плыло, но Торп упорно тянул на себя рычаги и молился, чтобы двигатель не заглох. Сто... а «Поиск» все еще стремительно падает. Снова кашлянул двигатель, корабль взбрыкнул и выровнял полет, мотнув своих наездников, как беспомощных кукол. И вдруг задергался под парализующими ударами невидимой кувалды, и невозможно было понять, что происходит. Торп, вцепившись в рычаги, держал их из последних сил и беспомощно корчился в пристяжных путах. Приборы одичали напрочь, ни одному уже нельзя было верить.

- Держитесь! - выкрикнул лейтенант. - Я... отстреливаю... «стручок»...

Его так швыряло вперед-назад, что он едва не прикусил язык. Джереми потянул руку к красному спускателью катапульты, промахнулся, попробовал снова, стиснул его изо всех сил, рванул... Не поддается. Он рванул опять, едва не потерял от натуги сознание. И рукоять уступила. Внизу душераздирающе затрещало, и Торп ринулся вниз, а днище «стручка» - навстречу...

Образумился пульт управления. На экране появилась картина: солнечное небо, облака. Слышно было, как шипит обтекающий корпус спасательной шлюпки воздух.

«А ведь мы все еще падаем», - отметил Торп, и его пальцы лихорадочно запорхали над пультом. Аккумуляторов двигателя хватало лишь на жалкую струйку ионного пламени - где ей тягаться с гравитацией планеты!

Снова в ушах зазвучал непривычный бубнеж, а на экран откуда-то из-за края набегала рябь.

- Шкода! - рявкнул Торп. - Вы что, сдурели? Сейчас же наденьте шлем. Мы с минуты на минуту вмажемся! Хэдли, готовы?

Ответа не последовало. Торп покосился на Хэдли и смутно различил в сумраке шлема его лицо - безжизненное, из носа натекло крови. А гравитационная хватка неодолима, и крошечный двигатель выбивается из сил, тщаь превратить падение «стручка» во что-то наподобие спуска. Шлюпка не рассчитана на долгий полет при такой тяге. Торп приготовился к неизбежному удару и взмолился: поскорей бы. Пока не сели аккумуляторы. И вот наконец - удар и грохот, по сравнению с которыми все, что было раньше, показалось цветочками. Лейтенант завопил: «сбруя» вонзилась в грудь и плечи, а затем сорвалась с креплений. По ногам хлестнуло болью - по его ногам! Он ударился в металлический пол «стручка» и обмяк на нем бездыханной грудой.

Но что самое поразительное, он остался жив! Осторожно шевельнулся, приподнял и повернул голову. Шея скрипела, однако слушалась. Руки тоже двигались. И ноги. И было странное ощущение, словно он на все смотрит со стороны. В темноте Джереми на что-то наткнулся, вспомнил про лампочки на рукавах, включил и увидел лицевую пластину скафандра, а под ней - без единой кровинки лицо. Глаза заморгали.

— Шкода, вы как?

— Будь я проклят, если знаю, сэр. Что случилось, черт возьми?

– Пока не могу сказать. Но мы вроде сели. Это я шатаюсь или наша чертова лоханка?
– Меня тоже качает. Эге! Да мы, похоже, в море. Все-таки приводнились.
– Так я и думал. Приборы полетели. И двигателю хана. Остается одно - открыть люк.
Но сначала давайте глянем на Хэдли.

Шкода кое-как, со стонами, поднялся на ноги, подошел к неподвижно лежащему Хэдли, склонился. Торп присел рядом, повозился с фиксатором шлема, откинул его за спину. По лицу Хэдли медленно текла из носа кровь. Но это совершенно ни о чем не говорило. Кровь сворачивается медленно. А через перчатку скафандра пульс не прощупаешь, и дыхание по радио не услышишь. Лейтенант вернул шлем товарищу на плечи.

– Шкода, задержите дыхание и послушайте. Он дышит?

Напрасная трата времени. Слишком много посторонних звуков - от скафандров, да и от собственных отбитых легких. Ладонь случайно легла на накладной карман, где покоились трехмерные фотографии. Глянцевая поверхность! Лейтенант опять снял с Хэдли шлем, поднес к его рту фотографию, перевернул лицевой стороной к себе. Затуманена.

– Отлично! - Он со щелчком вернул шлем на место. - Жив. Будем надеяться, что это всего лишь нокаут.

– А знаете, сэр, почему мы его не слышим? У него рычаг передачи не включен. Мы все, похоже, обалдели от пережитого. Уж я-то точно. Еще бы! Получили от вегиан по соплям, рванули в «Паули» на раскаленном докрасна корабле, вцепились в чужую планету - а тут, оказывается, по-английски говорят. Слушайте, сэр, а может, мы все-таки утробились и здесь что-то вроде преисподней?

– Если это и преисподняя, мы в нее угодили всей компанией. Вот что, Шкода. Кажется, мы плывем. Если, конечно, не тонем. То есть в лучшем случае мы примерно на полкорпуса в воде. А значит, если распахнем люк, «стручок» нахлебается и шустренько пойдет ко дну.

– О Господи! Вот тут-то и кончатся наши беды.

– Ну, все не так уж и плохо. Я почему об этом заговорил? Просто хочу вас предупредить. «Стручок» наберет воды и затонет, но нам-то беспокоиться не о чем, лишь бы скафандры выдержали да самим не запаниковать. Поняли? Нам повезло - люк открывается внутрь. И значит, в первую очередь надо вытолкать старину Хэдли, а мы выскочим следом. Подтащим его к этому борту, и вы, как только откроем люк, его выбросите. Потом выберетесь сами, я - последний. Ясно?

Он поплелся к люку, взялся за штурвал замка и выбрал опоры для ног. Энергичный рывок - и крышка люка откинулась и отшвырнула его, а затем по нему ударил мощный поток. Беспомощно барахтаясь, лейтенант все-таки ухитрился подсобить Шкоде, но невозможно было вытолкать через люк неподвижного Хэдли под таким напором воды. В считанные секунды они оказались в ней по грудь. Поток ослаб, но люка было уже не видеть.

– И правда, обалдели мы! - прорычал Торп. - Идиоты. Пора выныривать, пока давление воздуха на борту сдерживает напор воды. Готовы? Дуйте вниз!

Шлем Шкоды исчез под водой. Радист потянул за собой Хэдли, а через несколько секунд раздался счастливый голос:

– Все отлично, сэр. Мы наверху. Кстати, тут солнышко! Красота!

Торп хмыкнул, согнул ноги в коленях и увидел ватерлинию - она поднялась до лицевой пластины его шлема. Выше - голубой свет, ниже - зеленый сумрак. Он ощупью нашел люк, проплыл через него и, всюю работая ногами, выбрался в яркий, почти до рези в глазах, свет. На уровне носа колыхалась рябь, лицевая пластина была в крапинах воды, и сквозь них виднелись два покачивающихся на воде шара - шлемы товарищей. А дальше - тусклое пятно суши!

Джереми неуклюже развернулся, обнаружил цилиндрический нос «стручка» - спасательная шлюпка пьяно качалась на слабой волне. «Поиска» было не видеть.

«Интересно, - спросил он себя, - как ты собираешься плавать в этой упаковке?»

И снова раздался веселый голос Шкоды:

– Я, наверно, смогу плыть, сэр. Знать бы только куда.

– Ну, это как раз проще всего. У вас за спиной земля.

Шлем Шкоды сильнее запрыгал на воде - радист разворачивался. Торп и сам заработал конечностями и до предела вытянул шею. И в тот же миг уловил краем глаза плеск - рядом с ним что-то вырвалось из воды на поверхность, а долей секундой позже он получил удар по спине и чужая рука обвила его шею, с силой вдавив в горло податливую ткань скафандра. Прямо перед его носом из воды появилась голова, и Джереми изумленно уставился в незнакомые глаза. В человеческое лицо. В лицо женщины с сине-зелеными выющимися волосами, серебристо-зелеными глазами и кожей цвета слоновой кости. Она была бы привлекательна, если бы не такое агрессивное выражение лица. Оторопело и безмолвно взирал на нее лейтенант, а она вынырнула по грудь и застыла в воде, как тюлень. Торп увидел на ее шее полоску ремня. Изящная кисть описала дугу, исчезла за спиной и появилась вновь, и в ней был длинный блестящий клинок. Другая рука оставила в покое шею землянина, но пришел черед металла. Острие кинжала приблизилось к его горлу и застыло под подбородком. И было совершенно ясно, что это означает.

Глава 5

По барабанной перепонке ударил резкий звук - то Шкода ахнул от изумления. Лейтенант не шевелился, лишь покачивался, затаив дыхание, на слабых волнах.

– У нас компания, и похоже, не слишком дружелюбная.
– Сэр, у вашего гостя тоже волосы из водорослей и рыбы глаза?
– Ага, и чертовски большой нож. Пожалуй, лучше не рыпаться, если мы не хотим, чтобы нас тут же и утопили. Надеюсь, с ними можно договориться, только вот шелохнуться страшно.

– Чтобы с ними говорить, сэр, надо поднять шлем, и тогда вы пойдете ко дну, как утюг. Как вы думаете, что им от нас нужно?

– Наверное, просто взять в плен. Моя приятельница, если бы захотела, давным-давно могла нарезать с меня филе.

Косясь, Торп заметил еще несколько качающихся на волнах голов.

– Тут их достаточно, чтобы нами закусить. Минимум два десятка.

И ни одного дружелюбного лица, отметил он, когда несколько пар серебристо-зеленых глаз уставились на него, а затем резко отвернулись. Русалки! И очень хорошенькие, если бы только не эта непреклонная враждебность во взоре у каждой.

Джерemi почувствовал, как его схватили и потянули за запястья, и уловил плеск своей кильватерной струи.

– Меня буксируют, - сообщил он Шкоде. - Наверное, к берегу. Надеюсь.

Лейтенант неистово вертел головой, однако водяная рябь перед лицевой пластиной мешала видеть. Наконец он убедился, что русалки захватили и Хэдли.

– Меня тоже взяли, сэр, - подал голос радист. - О черт! Надеюсь, это не людоеды.

Торп хохотнул и понял, что близок к истерике. Интересно, сколько еще ухмыляющихся лиц смерти возникнет перед ним и который окажется последним?

Приближалась береговая линия, уже можно было различить верхушки деревьев - больших, разлапистых, как пальмы. Вот и желтый песчаный пляж - полого взбирается к деревьям. А за ними, в тени, целая толпа ожидающих людей. Непрестанно быющая в лицевую пластину вода мешала их толком разглядеть, но все же было ясно, что они похожи на «русалок».

Подошвы ботинок уперлись в дно, тяга заставила лейтенанта окунуться с головой. Он оступился, затем нашел опору, а буксирующая «русалка» властно влекла его за собой в пене прибоя.

По стеклу перед лицом сбегали последние капли, и Джерemi ясно увидел слева Шкоду - радист неуклюже ступал по песку за своим беспощадным поводырем. Различил он и тех, кого вначале принял за русалок, - они оказались человекоподобны, обладали вполне нормальными и очень женственными ногами. Да, это были люди, только голые, если не считать прикрывающих бедра сплетений ремней и еще одного ремешка на шее, на котором висел длинный нож. Все, кого ему удалось разглядеть поблизости, были экипированы подобным образом: и вышедшие из моря, и выбежавшие из лесу встречать своих товарок. Да, все они без исключения принадлежали к женскому полу. Стройные, с длинными конечностями, атлетически сложенные... Настоящие красотищи, решил Джерemi, пока его бесцеремонно тащили вверх по склону, под сень деревьев. Он видел, как шевелятся губы туземок, но слышал лишь смутный шепот. Похоже, женщины были чем-то озабочены. Хэдли, еще не пришедшего, похоже, в себя, опутали веревками и тащили по песку аж шесть «русалок». И такой решимостью, такой энергией веяло от них, что лейтенант вспотел при мысли, до чего же он теперь беспомощен.

– Шкода! - сказал он как можно беспечнее. - Не знаю, каково тебе, но у меня такое ощущение, что нянчиться с нами не будут.

– Орда голых дикарок! Боюсь, нас приняли за рыб незнакомой разновидности.

– Погоди. Не суди о них слишком поспешно. Наверное, они видели, как мы снижались. Мы тут, похоже, наделали переполоха. Но паники не наблюдается, а значит, они не такие уж дикари. Вероятно, им и раньше случалось видеть астронавтов.

Пока он это говорил, его провели узкой звериной тропкой меж высоких деревьев. За концы веревки, которая опутывала его запястья, держались две отлично сложенные

женщины. Короткие сине-зеленые волосы успели подсохнуть и подняться плотной копной завитков. Короче говоря, дамы эти не были лишены привлекательности. Как же выглядят здешние мужчины и почему туземки столь враждебно встретили незваных гостей? С трудом верится, что крушение звездолета возле их берега - совершенно рядовое событие.

В следующий миг тропа вывела землян на большую поляну. Даже не поляну, а целое поле. И там стояла деревня, тоже большая. И не хижины, как показалось Торпу с первого взгляда, а здания, сотни зданий. Четкими шеренгами. Бревенчатые, но непривычной архитектуры, незнакомой кладки. Из домов роями исторгались люди, вскоре пространство между лесом и поселением кишело ими. Похоже, гам стоял неимоверный, но шлем сбавлял его до неразличимого гула. Ни к кому из этих людей Торп не успевал толком приглядеться - шатающегося от усталости, его рывками увлекали к огромной яме. Лейтенант не задержался на ее краю - неуклюже запрыгал по высоким ступенькам квадратного в плане амфитеатра, пока не очутился на утрамбованной земляной площадке. Там конвоиры рванули за веревки в последний раз, и он шлепнулся ничком, а пока поднимался на колени, женщины сняли путы и отошли на безопасное расстояние.

На лицевую пластину налипли грязь и морская соль. Джереми протер шлем рукавом и обнаружил совсем рядом, не далее чем в футах, сидящего Шкоду. А чуть поодаль - неподвижно лежащего Хэдли. Поглядел вверх, вокруг. Амфитеатр в глубину достигал десяти, если не двенадцати, футов, сторона площадки была ярдов пятьдесят. Да, углубление здорово смахивало на амфитеатр - или на жертвенный колодец. Торп надеялся, что ошибается, но, когда снова запрокинул голову, увидел рядами стоящих наверху женщин. И выглядели они отнюдь не миролюбиво. Иные вооружились чем-то вроде копий, другие - самыми настоящими длинными луками.

— Ребята, похоже, мы здорово влипли, - проговорил лейтенант. - С этими дамочками шутки плохи.

— Сэр, как думаете, ничего, если я шлем сниму? У меня кислород на исходе. Собственную вонь уже чувствую.

— Ладно, попытаем счастья. Все равно рано или поздно пришлось бы. К тому же я хочу еще разок взглянуть на Хэдли. Вон как его волокли... От такого обращения здоровья не прибавится.

Торп поднял руки в перчатках, завозился с фиксатором шлема, при этом бдительно поглядывая на часовых. Они не совершали резких движений.

До чего же приятно было ощутить лицом, ноздрями чистый прохладный воздух, услышать гул и шепот жизни!... Откинув шлем, он в первую минуту мог только сидеть и дышать, снова и снова заполняя благодарные легкие свежим, ароматным воздухом, под чьим напором отступали миазмы долгого заключения в скафандре. Полегчало, каждый вздох прибавлял оптимизма. А безмолвные наблюдатели не шевелились, не выказывали удивления. И это говорило о многом. По крайней мере, о том, что чужеземцы в скафандрах им не в диковинку. То есть вряд ли можно назвать этих людей дикарями.

Лейтенант встал, освободился от верхней половины скафандра. Шкода тоже не терял времени - выпрастывал руки из рукавов. Выглядел он изнуреннее и мрачнее обычного, но был бодр и готов действовать. Они склонились над Хэдли.

— Что скажете, сэр? Во что мы, по-вашему, влипли?

— Понятия не имею, однако зла нам пока не причинили. Поживем - увидим.

Хэдли в себя еще не пришел, но дышал ровно. Его лицо, все в засохшей крови, смотрелось жутко; впрочем, товарищи выглядели не намного лучше. Торп расстегнул на Хэдли скафандр, ощупал тело, куда смог дотянуться.

— Вроде все в порядке. Наверное, просто вырубился. Ничего удивительного, вон как под конец взбесился корабль. Чудо, что мы вообще живы. Благодарение за это Господу, если больше не за что.

— Радоваться особо нечему, - сказал Шкода. - Жутко хочется снять чертов скафандр, да только боюсь, что без него будет не по себе.

– Понимаю. Но и проку от него больше нет. Прорезиненная ткань и пластмасса от ножей не спасут. И вообще, кроме раций, в скафандрах сейчас ничего полезного. Снимай.

Он подал пример - встал и расстегнул поясной ремень. И понял, что Шкода был прав. Когда скафандр бесформенной грудой улегся на земле, Торп, оставшийся только в хлопчатобумажном нательном комбинезоне, почувствовал себя совершенно незащищенным. Комбинезон был грязен, от него нехорошо пахло. Но чувство облегчения стоило этих неудобств. Через несколько минут и Хэдли избавили от скафандра.

– Что дальше? - поинтересовался Шкода. - По-вашему, они достаточно цивилизованные, чтобы кормить пленных? - Тощий, жилистый радист, казалось, подпитывался отчаянной злостью из какого-то невидимого источника. Он выпрямился, приложил ладони рупором ко рту и прокричал: - Эй, вы! Как насчет того, чтобы нас накормить? До чего же паршивый тут сервис!

Это возымело действие. Торп увидел, как две женщины обменялись знаками, услышал их скороговорку. Они что-то решили, затем одна повернулась и скрылась с глаз. Лейтенант отметил, что верхние края углубления поразительно ровны и столь же безупречны ступеньки. Или террасы. Значит, это и есть амфитеатр. Земля под ногами была тверда, как камень, но, сколько ни вглядывался, он не заметил кровавых пятен или чего-нибудь в том же роде. И подумал, что в любой деревне необходим центр, точка фокуса, где встречаются и обсуждают важные вопросы правители и старейшины, где происходят праздничные торжества. А может, здесь нет правителей и старейшин и не бывает праздников? Джереми порылся в памяти и запоздало пожалел, что так мало смыслит в социологии и антропологии.

Внезапно застонал Хэдли, и товарищи дружно опустились возле него на колени. Здоровяк пошевелился, открыл глаза.

– Полегче, полегче, - предупредил Торп. - Вам вроде не слишком крепко досталось, но лучше полежите спокойно. А я пока расскажу, что случилось.

Хэдли, слушая, не шевелился, двигались только глаза. Наконец он крикнул и осторожно попытался сесть. Удалось.

– Да я вроде цел. Но ощущение - как будто на мне сплясали килкенийские чечеточники в деревянных башмаках. Ничего, руки и ноги в порядке. А что это за рыбабабы с зелеными волосами?

– Сами поглядите. - Торп показал большим пальцем на стражниц, и ирландец, ужасно морщась, попробовал их рассмотреть в ярком солнечном свете.

Через минуту донеслись отголоски оживленного разговора, и люди на краю импровизированной тюрьмы пришли в движение. Появились новые лица, а потом по ступенькам осторожно сошла процессия женщин с подносами и корзинами. Их возглавляли две вооруженные «русалки» с суровыми лицами, каждая держала лук с длинной стрелой на тетиве; острые жала хищно смотрели на пришельцев. Под стать выражениям лиц были и жесты.

Трое землян попятись к противоположному краю нижнего яруса и там подождали, пока корзины и подносы опустят на землю. Напрашивалось предположение, что им принесли еду и напитки, но Торпу в тот миг было не до угощения. Куда интереснее были принесшие его женщины. Лицами и фигурами они мало отличались от своих воинственных соплеменниц, но, в отличие от них, носили одежду. Их было три, и они щеголяли юбками и жакетами из узорчатой, с шелковым отливом вязаной ткани. Юбки представляли собой квадраты материи, обернутые вокруг бедер и чуть-чуть не достающие до колен. Держались они при помощи ременной петельки и пряжки. Самой настоящей пряжки, судя по металлическому блеску. Жакеты были короткие, без рукавов, с глубоким вырезом спереди, полы стягивались под грудью и застегивались опять же на пряжку. А самое главное - из прорезных карманов на боках выглядывали рукоятки коротких ножей или кинжалов. Контраст между пристрастием к украшениям и дикарской готовностью к бою был разителен. Пряжки говорили об умении обрабатывать металлы. Текстура ткани и красители - об утонченной природе общества. А кинжалы - о постоянной бдительности. И где, интересно,

здешние мужчины?

— А как мы узнаем, можно это есть или нет? - осведомился Шкода. - На вид вроде ничего, но мне что-то не хочется, чтобы у меня волосы позеленели.

— И все-таки придется попробовать. По крайней мере, посуда чистая.

Торп взял пузатую глиняную кружку и с любопытством ее рассмотрел. Она была легка, покрыта глазурью и вполне симметрична - очевидно, сошла с гончарного круга. Большой питьевой кувшин с двумя ручками смотрелся ей ровней и был до краев полон светло-янтарной жидкости. Торп наполнил себе и товарищам кружки. Питье! Во рту слюнки потекли от предвкушения. А вкус... Джереми подержал жидкость во рту, сосредоточился на ощущениях. Вкус определить трудно. Что-то сброженное, напоминает слабое пиво. Лучше не налегать, пока нет уверенности, что закуска годится в пищу.

— Ну, хоть горло можно промочить, - заявил Хэдли, безрассудно осушая кружку. - Господи Боже, да это же питье цивилизованных людей! Вот уж не чаял еще разок его отведать. Шкода, а что там за красные штуковины?

Пищу пробовали нетерпеливо, но осторожно. В одной корзине оказались куски жареного мяса. На вкус - как жилистый цыпленок, но с анатомией более чем странной: земляне не могли припомнить существа, у которого кости сочленялись бы под такими углами. Еще была сушеная рыба, мелкая и безвкусная. И фрукты всевозможных форм и цветов, в большинстве такие сочные, что едва не лопались. С каждым глотком к пленникам возвращались силы и надежда. Время от времени Торп поглядывал на молчаливых наблюдателей: в голове роились вопросы. Солнце стояло высоко, и было жарко: ступени амфитеатра не давали тени.

— Попробую с ними поговорить. - Он приложил ладони ко рту и прокричал: - Здравствуйте! Мы с Земли. Хотим с вами побеседовать. Мы пришли с миром. - Без последней фразы обойтись он не мог, хоть и звучала она смехотворно.

Наблюдатели зашевелились, затараторили, и лейтенант вопросительно посмотрел на Шкоду. Радист изумленно глядел на него.

— Да ведь это - та самая болтовня, которую мы по радио слышали!

— Вы тоже так считаете? Эх, было бы у нас радио...

— Есть! - Шкода порывисто наклонился к скафандру, схватил шлем. - Еще в «стручке» я заметил, что передают они широкополосно и почти на той же длине волны, что и мы. Потом слышать их мы не могли - экранировали скафандры и корпус «стручка». А сейчас... - Он вынул из шлема индивидуальную рацию и показал Торпу. Она была не шире его ладони, состояла из приемника, передатчика, динамика, микрофона и изотопных батареек, все - самой миниатюрной конфигурации. Кнопку приема заменял стерженек. Шкода поднял его большим пальцем, и динамик затараторил.

— То же самое. И близко!

Торп наклонился к своему скафандру и заодно взял рацию Хэдли. Выпрямился, осторожно наполнил легкие воздухом и включил передачу.

— Здравствуйте. Мы - земляне. Мы к вам уже обращались. Сейчас мы совершили посадку и попали в плен. Вы нас слышите?

— Вы с Земли? - раздался знакомый, с непривычным акцентом голос. - Говорите вы как земляне, но откуда нам знать, что это не уловка Сияющих?

Торп отпустил рычажок и посмотрел на товарищей.

— Должно быть, они так прозвали вегиан - из-за серебристых кораблей. Да, наверное. Тут следует быть поосторожнее, чтобы нас не приняли за других. - И снова щелкнул тумблером. - Подождите. Чуть позже мы опять выйдем на связь.

Лейтенант опустил руку и нахмурился. Слишком много на него навалилось нового, слишком внезапно.

— Вы не забыли прокладку курса? - обратился он к Шкоде. - Можете хоть приблизительно сказать, где мы?

Радист соорудил задумчивую мину и дрожащей рукой почесал в черных волосах на

затылке.

– Только очень приблизительно, сэр. Рандеву эскадры состоялось в четырнадцать световых годах от Лебеда, в четырех градусах от Второго Квадранта. И оттуда мы скакнули по меньшей мере на два световых. Это все, что я могу сказать вот так, навскидку.

– И то хорошо. Я просто хотел убедиться, что мы не могли залететь поближе к какой-нибудь нашей базе или поселению. С этим вы согласны?

– Тут, сэр, никаких сомнений. Я понимаю, к чему вы клоните. Откуда они знают наш язык?

– Да. Все это мне мало нравится. Тот радист говорил об уловке Сияющих. Сдается мне, другая сторона тоже способна на уловки. А от своих мы чертовски далеко.

Над амфитеатром вдруг раздался гомон. Пленники обернулись и увидели на ступеньках новую спускающуюся процессию. Впереди шествовали лучницы, однако на сей раз за ними следовал взвод воительниц в боевой сбруе и с бухтами веревки в руках. Земляне встали, инстинктивно подтянулись, расправили плечи.

– А ведь среди них ни одного мужика, – пробормотал Хэдли. – Тысяча чертей! Как же они размножаются? Партеогенезом?

– Сомнительно. Впрочем, нам сейчас не до того. Мне очень не нравятся эти веревки.

– Сэр, а может, попробуем?

– Не скажу, что умная идея. Нас держат под прицелом два десятка лучниц. Нет уж, лучше пойдем спокойно.

Лучницы расступились, и их товарки – лица суровые, решительные, – приблизились к землянам.

Торп не сопротивлялся. Его схватили за руки, на глаза надели тугую повязку. Затем настал черед веревок, узлы вязали сноровисто и энергично. Тонкие подошвы тапочек позволили определить, что с утрамбованной площадки пленников увели на ступеньки. Повинуясь настойчивой тяге веревок, Джереми шел вверх и наконец вновь оказался на ровной земле. Точно прибой, нахлынул приглушенный многоголосый шепот. Его повели чуть ли не бегом. Нежданный холодок тени – значит, он вновь среди деревьев. А потом – монотонная ходьба, лишь изредка выбоина или бугорок попадает под ногу, вот и все разнообразие. Вскоре Джереми утратил представление об оставленном за спиной пути. Наверное, добрая миля. А может, куда больше. Ноги уже болели и подкашивались, но конвоиры безжалостно тянули за веревки, не давая ни секунды передышки. И молчали, словно набрали в рот воды.

Разум Торпа зафиксировал этот странный факт, присовокупил его к остальным и попытался составить из них осмысленную картину. На глазах – повязки, но обращение сносное. Ведут торопливо, даже грубо, но не пинают и не бичуют. И все это – в тишине. Как будто боятся, что пленник увидит или услышит то, чего ему ни видеть, ни слышать не положено.

Умопомрачительная смесь страха, подозрения и тревоги плюс еще и эти загадки... Одно ясно, как день, – его могут убить в любую минуту. Раз этого до сих пор не произошло, значит, остается надежда. Хотя и маленькая, но остается.

Он уже и не чаял, что шествию когда-нибудь наступит конец. Но вот конвоиры без предупреждения дернули за веревки. Торп, тяжело дыша, почувствовал, как их пальцы теребят узлы, потом смыкаются вокруг его запястий. Пленника повели дальше, однако медленнее и осторожнее. Он ушиб пальцы ноги о ступеньки и двинулся вверх. Ступеньки, похоже, из дерева – твердого, прочного. Затем – холодный пол. Каменный, наверное. И ощущение, будто ты в здании. Странный острый запах, что-то знакомое... Озон?

Торп услышал сопение и кряхтение товарищей, получил несильный пинок обутой в кожу ногой. Вдруг раздался голос, старческий, но твердый. С интонациями человека, привыкшего повелевать. И почтительный, многоголосый шепот тех, кто привык подчиняться. Торпу освободили руки. Он стоял неподвижно, точно каменное изваяние, и какое-то чувство говорило ему, что конвоиры отошли. Снова зазвучал властный старческий

голос, зазвучал размеренно, и одно слово Торпу удалось разобрать, потому что оно повторялось снова и снова: «Хатар» - с ударением на втором слоге.

– Я - Мать Хатар! - прозвучало вдруг по-английски. - Говорите, вы с Земли? Почему я должна вам верить?

Не тот самый голос, что по радио, но с тем же неземным акцентом. И английский почти безупречен. Слева и справа от Торпа сдавленно охнули, значит, спутники ошарашены не меньше чем он.

К лейтенанту вернулся дар речи:

– Да, мы с Земли. И не понимаем, каких доказательств вы от нас требуете. И почему мы должны что-то доказывать? И вообще, сами вы кто? Где изучили наш язык?

– Ты, говорящий, у которого волосы цвета соломы и рана на голове. Как ты получил эту метину?

– В бою. - Торп нахмурился, стараясь отвечать как можно проще. - Наш корабль был подбит. Я ударился обо что-то головой.

– Рану осматрят. Веди себя спокойно. Сопротивляться не пытайся, иначе - немедленная смерть.

К голове прикоснулись прохладные пальцы, неделикатно нажали, по коже и мышцам разбежалась жгучая боль. Наконец пальцы оставили его в покое, и снова полилась тихая чужеземная речь. Торп не понимал ни слова.

– Что они вам сделали? - прорычал стоящий справа Хэдли.

– Да ничего, просто ощупали. Грубовато, пожалуй, но могло быть и хуже. Надеюсь, теперь они довольны...

– Рана легкая, - заявил старческий голос, - и кость не задета. Скоро заживет. Твое счастье, что остальные двое не носят подобных отметин на головах. Сейчас я прикажу, чтобы с вас сняли одеяние. Не сопротивляться.

– Какого черта! - взбеленился Шкода. - Мы что, по-вашему, зачумленные?

Снова прикосновение холодных уверенных пальцев, прикосновение краткое, но без нужды грубое. И снова недолгая оживленная беседа на ничего не говорящем пленникам языке.

– Так вы утверждаете, что явились с Земли? В таком случае объясните, как вы сюда попали.

Торп держал себя в руках, силясь понять, что же кроется за этим вопросом. И вновь он попытался ответить как можно доступнее:

– Мы вели бой с Сияющими. Их было много, и нас было много. Наш корабль изувечило. К счастью, удалось добраться до вашей планеты, а потом корабль развалился.

– Упал в море. Вы бежали с него в меньшем летательном аппарате. Мы изучим оба, дабы убедиться, что вы говорите правду.

– Минуточку! - У Торпа голова пошла кругом - поди ж ты, до чего спокойно здесь относятся к инопланетным кораблям. Но сейчас важнее было другое. - Поосторожнее с обломками. Вы разбираетесь в космической технике?

– Нам известно о ней немало. Что можешь рассказать ты?

– Корабль насквозь пропитан радиацией. Двигатели сорок восемь часов работали без экранировки...

– Двое суток? - Старушечий голос утратил толику спокойствия. - Да этого не может быть! Вы бы погибли!

– Мы находились за его бортом. В спасательной шлюпке. В том самом втором летательном аппарате, о котором вы упомянули.

– И который уже отбуксирован к берегу. Его осматрят. Твое предупреждение о радиации будет учтено. На каком расстоянии отсюда Земля?

Неожиданный вопрос на миг сбил лейтенанта с толку.

– Трудно сказать, - пробормотал он. - Вы ж поймите, мы вели бой. Но, наверное, за срок, что нужен световому лучу для преодоления этой дистанции, новорожденный младенец

успел бы вырасти в мужчину. Двадцать световых лет или что-нибудь в этом роде.

– Так далеко? Хорошо, следующий вопрос. Вы обращались к нам с борта корабля. А потом снова, когда вас спасли шеллы. Как это было вначале, я понимаю, ведь у вас была аппаратура, такая же, как и у нас. Но во второй-то раз как вы сумели обратиться к нам по радио? Ведь вы говорили в пустые ладони?

Абсурд удваивался, утраивался, учетверялся. У Торпа в душе больше не осталось места для удивления. В правом кулаке Джереми все еще держал миниатюрную рацию. Он демонстративно медленно поднял кулак и передвинул рычажок на прием. И динамик не заставил себя ждать - исторг тихую, с металлическим тембром скороговорку.

Раздалось дружное, искреннее «ах!» по меньшей мере в десяток голосов. Лейтенант вернул тумблер в нейтральное положение, и восстановилась тишина.

– Я хочу посмотреть на это диво. - В старческом голосе появилась дрожь. - Ты позволишь?

«Что-то новенькое», - отметил Торп. Разжал кулак, почувствовал, как с ладони забрали рацию, выждал минуту и сказал:

– На обратной стороне - стерженек... чтобы слушать, наклоните.

Через секунду-другую снова зашумел динамик, и снова раздался дружный возглас удивления.

– Хватит, - изрекла старуха. - Снимите повязки с их глаз. Это земляне!

Глава 6

– Я - Мать Хатар, - повторила она, и в глазах блеснули льдинки. - На вашем языке это означает «верховная жрица». Прошу прощения, что вынуждены были встретить вас так подозрительно. Этому есть оправдание, но впредь все будет иначе. Вы - наши желанные гости.

Дынно-золотистый теплый свет заставил мужчин заморгать. Светили висящие под кровлей большие лампы. Как и предполагал Торп, пленников (или все-таки гостей?) привели в помещение размерами с молитвенный зал внушительного собора. На мысль о соборе наводили не только слова верховной жрицы, но и атмосфера спокойствия, чинности. Три четверти периметра этого круглого зала занимали кресла из прихотливо изукрашенного резьбой темного дерева. Пол был выложен серыми и зелеными камнями. Стена поднималась в головокружительную высь и там переходила в купол, перекрещенный балками с лампами; под самым куполом царили непроглядные тени. А еще в зале была группа молчаливых взволнованных молодых женщин. Босиком, в юбках и белых жакетах, и у каждой под рукой острый клинок.

Старуха восседала на подобии трона - огромном стуле с высоченной спинкой. А стул находился на верхней площадке невысокой ступенчатой пирамиды. За спиной у верховной жрицы стена была задрапирована широким тяжелым ковром, щедро покрытым символами; в узоры преобладали круги, кривые линии и яркие мазки - похоже на земной абстракционизм.

Мать Хатар была очень стара, Торп это понял с первого взгляда. Стара, но никоим образом не дряхла. Лицо было не в морщинах, а в складках, и жрица высоко держала голову над широким, расшитым сверкающими камнями воротником. Волосы были светлы - зелень уступала седине - и достаточно длинны, чтобы оправдывать присутствие серебристой ленты, которая пересекала чело и не давала прядям ниспадать на лицо. Как и остальные женщины в зале, Хатар носила жакет без рукавов, но с двумя карманами для кинжалов. Отличие заключалось в том, что ее одежды были расшиты камнями и позументом.

Торп встретил ее вопросительный взгляд, затем посмотрел на двух женщин, что стояли обочь нее ступенькой ниже. На них он тоже увидел белые одежды с узорной вышивкой, а на лицах читалось откровенное любопытство вкупе с тревогой.

– Благодарю за гостеприимство, - сказал лейтенант. - Я столь многого не понимаю, что не знаю, с чего и начать. Дозволено ли мне говорить свободно? - Он бросил

многозначительный взгляд на чутких слушателей.

– Мы все - жрицы Хатар, - ответила жрица. - Мы понимаем твой язык и говорим на нем, поскольку это часть нашей религии. Шеллам он незнаком, но они нас уважают и повинуются нам. Здесь ты гость и можешь высказаться без опасений.

Слова «без опасений» не прошли мимо его ушей. Такое ощущение, будто на планете идет война и эти люди во всех незнакомцах видят врагов.

– Начнем по порядку, - проговорил Торп. - Вы упомянули о Сияющих, которых мы зовем вегианами, так как считаем, что они явились со звезды, известной нам под именем Вега. В первую очередь я должен спросить: вы поддерживаете с ними какие-нибудь отношения?

На старческом лице складки прорезались глубже. Вокруг послышался гомон, в зале выросло напряжение.

– Они нас поработили, - отрывисто молвила верховная жрица. - Заставляют строить и ремонтировать корабли, обеспечивать их продовольствием, топливом и прочим. Мы не питаем к ним любви!

– Вас принуждают силой?

– Они приказывают, а мы подчиняемся, потому что каждый из них не расстается с маленькой вещицей - оружием, которое плюется огнем. Тот, кому хватает глупости восстать, - жрица сопровождала эти слова выразительным жестом и шипением, - умирает. Если им не нравится наша работа, они приходят, забирают пятерых и убивают. И остальные трудятся усердней прежнего, потому что сгореть заживо - не самая приятная смерть.

У Хэдли запершило в горле, он откашлялся.

– А вы не скажете нам, кто они вообще такие, эти Сияющие?

Глубоко посаженные серебристо-зеленые глаза вспыхнули.

- Мужчины, - ответила она. - Такие же, как и вы.

Исходивший от старухи и ее безмолвных наперсниц гнев был почти осязаем, почти ощутим на вкус.

– Но если они похожи на нас, почему вы решили, что с нами все в порядке, что мы для вас не опасны?

- Вы говорите на земном языке, причем говорите свободно. И корабль ваш не блесит. Вы пользуетесь Хатар, по-вашему - радио, а Сияющие его ненавидят и уничтожают. И ко всему вдобавок на вас нет меток сатаны!

Должно быть, на лице Торпа отразилось недоумение. Старуха объяснила, сопроводив слова жестом:

- Все Сияющие носят серебряный диск вот здесь. - Палец дотронулся до лба над переносицей. - У тебя есть рана, но не в том же месте, что и у них. А у твоих спутников вообще нет отметин.

- Что ж, хоть это радует.

- Да, это хорошо. Возможно, этого достаточно. Но вы все же мужчины!

Торп вдруг спохватился, что стоит перед молчаливыми женщинами в чем мать родила, и покраснел.

И оттого, что на него смотрели с холодком и подозрительностью, легче не стало.

– Мы сейчас, кажется, не в самой подходящей форме, чтобы нас разглядывать, - пробормотал Джереми. - Вы тут говорили о гостеприимстве. Нам что, и дальше голыми стоять или можно прервать разговор на часок? Хотелось бы помыться, да и переодеться...

– Ну, конечно! - Жрица вскинула руки, негромко хлопнула в ладоши, и женщины, стоявшие кружком, поклонились и удалились под шелест одежд. Мать Хатар повернула голову вправо и сказала помощнице: - Шенн, отведи их к бассейну. Позаботься, чтобы они получили все необходимое, а потом приведи сюда. Варис, мы должны немедленно послать весточку нашим сестрам за море. Ступайте.

Девушка по имени Шенн сдержанно улыбнулась гостям и повела их в обход трона, в узкий коридор, а затем - на открытую солнечную площадку, где, смеясь, низвергались со

скал в белокаменный бассейн хрустальные струи. Вода была прохладна и упоительно свежа. Едва земляне успели вынырнуть, вновь появилась Шенн с охапкой белой мягкой ткани и кувшином тягучей зеленой жидкости. Пенилась она восхитительно.

– Парни, я ни черта не понимаю, - заявил, с наслаждением плескаясь, Шкода. - Вы только гляньте на эту малютку!

Девушка взяла бережно положенную им на край бассейна рацию и поднесла к уху; выражение ее лица было сродни восторгу.

– Бред какой-то! У них у самих есть рации. Мы собственными ушами слышали голоса, верно? Что же она в нашу так вцепилась? Чем ей так по нраву болтовня в эфире? А? Бьюсь об заклад, это самая обыкновенная болтовня. Ничего сенсационного в ней быть не может. Нынче сенсация - это мы.

– Так про это она и слушает, - проворчал, вымывая зеленую морскую грязь из шевелюры, Хэдли. - Готов поспорить, эфир уже добела раскалился. Мы тут вроде героев.

– Скорее вроде смертников, - рассудительно произнес Торп. - Если вегиане засекут эту волну...

Но Шкода фыркнул:

– Сказала же бабка - нет у них радио. Иначе бы мы их передатчик давным-давно запеленговали.

– А знаете... - На Торпа вдруг накатило вдохновение. - Это ведь многое объясняет. Если туземцы пользуются радиосвязью... причем уже давно, а у вегиан, насколько им известно, раций нет, а тут объявляемся мы с портативными моделями... Братцы, это обстоятельство может спасти наши шкуры.

– Сэр, а что вы теперь думаете о вегианах? Старуха говорила об отметинах, помните? О диске на голове у каждого вегианского мужика.

– Не исключено, что это результаты операции на мозге, лоботомии, например. Надеюсь, выяснять на себе не придется.

– Постойте-ка спокойно минутку, сэр, - сказал ему Хэдли. - Я еще разок взгляну на вашу рану.

Торп терпеливо выдержал осмотр, а затем высказал мысль, которая уже давно не давала ему покоя:

– Давайте кое-что решим прямо сейчас. Мы здесь все втроем и в чем мать родила. Потеряли и корабль, и все, что могло бы пригодиться. Кроме разве что мозгов. До сих пор нам, похоже, относительно везло, но верить, что так будет и дальше, не приходится. Я к чему веду? Плюнем на чины и субординацию. Меня зовут Джереми. А тебя, Хэдли?

– Любящие родители окрестили меня Пэдрайком, сэр... прости, забылся. Отзовусь на имя Пэдди, если только внятно его произнесешь.

– Годится! - ухмыльнулся Торп. Шкода изобразил кривую улыбку:

– Никогда не прощу тех, кто звал меня Николаем. Просто Ник. Сдается, нам чертовски повезет, если мы еще когда-нибудь наденем мундиры. Или получим жалованье.

– Кстати, о мундирах. Надеюсь, любезные хозяева предоставят нам какую-нибудь одежку. Не хотел бы я до конца своих дней маршировать в чем мать родила перед толпой хихикающих дамочек. - Торп подплыл к стенке бассейна. - Мисс Шенн!

Она положила рацию, схватилась за кинжал и отпрыгнула.

– Вам что?

– Одежду, если можно.

Она указала на траву, где лежали три белые юбки:

– Ничего лучше предложить мы не в состоянии.

Джереми кивнул, постаравшись изобразить достоинство, выбрался из бассейна и взял белое квадратное полотенце. Шенн отступила еще на несколько шагов.

Торпа это немного рассердило.

– Вовсе нет причин меня бояться.

– Вы мужчина!

– Разве это преступление?

– Мужчина, который до меня дотронется, умрет вместе со мной. Клянусь! -Тон не позволял усомниться в искренности слов.

Когда мужчины вытерлись и оделись, Шенн другим коридором привела их к тяжелой, крепленной металлом двери с символом в голубом обрамлении - зигзагом молнии в кольце. За дверью оказалась небольшая комната с драпировками по стенам и толстым ковром на полу. За столом восседала старая жрица, вслушивалась в монотонный говор резной шкатулки. В узоре ларца Торп заметил такой же символ, как и на двери. Старуха заглушила звук.

– Садитесь, - скомандовала она, как только Шенн принесла стулья. -Теперь вы куда больше похожи на землян, какими мы их себе представляли. Варис принесет напитки - они получше тех, которыми вас потчевали шеллы.

Судя по интонациям, Мать Хатар надеялась казаться гостеприимной. Пока мужчины купались, старуха сменила шитые драгоценностями одежды на простые белые, однако в карманах под каждой грудью остался кинжал. Шенн обогнула стол и села рядом с верховной жрицей. Хэдли и Шкода топтались на месте, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Торп глубоко вздохнул, придвинул стул к столу и сел.

– Вы очень любезны, - сказал он, и тогда его товарищи тоже сели.

Варис принесла поднос с кувшином и кубками, налила гостям розового вина.

– У меня тысячи вопросов, но я сейчас задам самый важный, - сказал Торп. - Как вам удалось так хорошо изучить наш язык?

– Язык богов? - Старуха задумчиво покачивала кубок в руке. - Для нас, Сестер Хатар, он священен. Он очень многому нас научил. У нашего солнца только одна планета, мы ее называем Лодор. День чуть покороче вашего, год подольше, орбита эксцентрическая. Зимой солнце уменьшается, летом растет. По экватору у нас суша, на полюсах - моря. Есть города, деревни, острова. Вы сейчас находитесь на острове по имени Шеллон. На нем обитают шеллы. Вы их видели. А мы все это можем вам рассказать благодаря Земле и голосам из пустоты.

– То есть благодаря радио?

– У нас это называется Хатар. В раннюю пору нашей истории мы были народом мирным и вполне довольным своей судьбой. Пахали землю, бороздили моря, знали немудреные ремесла. И легко понимали друг друга, потому что давным-давно, во времена незапамятные, научились общаться через большие расстояния. По радио. По Хатар. Мы умели создавать маленькие молнии и подчинять их своей воле.

– Символ на двери! Укрошенная молния!

– Совершенно верно. Это наша святыня. За многие поколения она переросла в религию со святилищами и устройствами, которые позволяют нам говорить друг с другом через дальние дали.

– Мой дед был маленько философом, - проворчал Хэдли. - Не раз говаривал мне, что половина бед в нашем мире - оттого, что слишком много разных языков. И это правда. Черт побери, как поладить с парнем, если тебе невдомек, о чем он толкует? Видать, у вас и правда чудненькая планетка, если с доисторических времен вы пользуетесь радиосвязью.

– Да, так было! - В голосе старухи появились резкие нотки. - Но еще чудеснее стало век назад, когда мы впервые услышали шепот и музыку из таинственного источника. Да, то было великое чудо. И поначалу великий страх...

В разговор вмешался Шкода:

– Вы пытаетесь нам сказать, что получили радиосигналы с Земли? Расположенной более чем в пятнадцати световых годах от вас?

– А что тебя удивляет? - поинтересовался Торп.

– Что меня удивляет? Да это невозможно! Чтобы ловить такой сигнал, нужна антенна в милю длиной и усиление, от которого у тебя волосы завьются, и детектор неимоверной чувствительности, и фильтры, и... Чушь! Пока не увижу своими глазами - не поверю.

– Ладно, оставим до поры. Достопочтенная Мать Хатар, продолжайте.

– По-вашему, это чудо? Тогда представьте, как поразило оно нас, когда мы поняли, что оно создано никакими не богами, а такими же, как мы, людьми, совершенно реальными. Мы слушали. Мы старались постичь речь. Мы хорошо учились, мы познали немало чудес.

– А отвечать не пробовали? - спросил Шкода.

– Пробовали много раз. Безуспешно. Все же узнали мы порядочно. В первую очередь мы, жрицы Хатар. И щедро делились знаниями с обычными людьми. Мы снискали известность, уважение, репутацию мудрецов, хотя вряд ли ее заслуживали. Мы возгордились. И были за это наказаны! - Холод в ее голосе заставил Торпа содрогнуться.

– Мы слушали тридцать лет и истолковывали другим речи из пустоты. К нам обращались боги, а мы обращались к людям. И наступил день, когда мы узнали, что земные божества собираются пересечь пустоту на огромных кораблях. Мы надеялись, что они прилетят сюда. Молились об этом. И вдруг нагрянули Сияющие. В наших небесах появились прекрасные звездолеты. И мы, священнослужители Хатар, объявили всему народу, что прибыли долгожданные земляне. И велели встречать их по законам гостеприимства.

– О нет! - простонал Торп, которому воображение живо нарисовало страшную картину.

– О да, - холодно и твердо произнесла жрица. - В ту пору я была еще грудным младенцем, не понимала, что происходит, но много раз потом слышала эту историю. У нас пять главных городов, и все стоят на берегах, ведь мы любим море. Спустились пять сияющих кораблей. Из них вышли мужчины, высокие, красивые мужчины в мерцающих одеяниях, и каждый нес сияющий диск на челе. Те мужчины ничего не говорили, зато много улыбались. А в наших мужчинах разыгралось любопытство, им захотелось узнать, каковы изнутри чудесные корабли пришельцев.

– Ну, это естественно, - проворчал Хэдли. - Нам бы тоже захотелось.

– И мужчины пошли. Сияющие охотно их пропускали, хотя женщинам путь преграждали. Наши мужчины уходили сотнями. А когда возвращались, они уже не были мужчинами. Ими завладел сатана.

– Сатана?

Сверкнули старческие глаза.

– До той поры у нас никогда не возникало причины персонифицировать зло. Мы жили в счастливом мире. Когда же появились Сияющие, нам понадобилось имя для зла, и мы взяли его из вашего языка.

– Ну, хорошо! - Торп с шумом наполнил легкие воздухом, чтобы успокоиться. - Подходим к самой сути. Сияющие сделали что-то с вашими мужчинами. Но позвольте задать вопрос. Сами они, эти пришельцы, были мужчинами? Я вот к чему веду: как вы считаете, они сами додумались совершить это зло или всего лишь повторили то, чему подвергали их?

Вам известно о заразных болезнях? О том, как инфекция с больных перекидывается на здоровых? Может, тут замешано что-нибудь подобное?

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому что вы говорите о Сияющих, а мы говорим о вегианах. Так о ком мы говорим: о самом враге или только о его рабах?

В комнате густым чадом повисла тишина, а затем три женщины возбужденно заговорили на своем языке. Варис и Шенн побледнели. Старуха задумчиво кривила губы.

Торп наконец решил прервать их беседу:

– Пожалуйста, ответьте на мой вопрос. По вашим словам, когда мужчины вышли из кораблей, они были уже не теми, что прежде, в них вселилось зло. Но как это выглядело? В чем заключается разница?

– Отвечу, - пробормотала старуха. - Отвечу, хоть и не видела своими глазами. Эти девочки, - указала она на помощниц, - тоже не видели. Однако мать мне рассказывала о своем муже, моем отце, и о моем старшем брате. Внешне они ничуть не изменились, только на головах появился металлический диск. Но глаза были тусклые, мертвые, и наши мужчины не разговаривали друг с другом. Обращались только к женщинам - приказывали, как

рабочему скоту. И нас не узнавали.

Вдали сладкозвучно ударил колокол, и женщины поспешно встали.

– Пришел час закатных ритуалов. Мы должны идти. Ждите здесь, мы скоро вернемся.

Они вышли, оставив мужчин теряться в догадках.

Глава 7

– Ну и что мы имеем? - Торп тяжело вздохнул, а затем подавил могучий зев. - По мне, эти вегиане, кто бы они ни были, по-прежнему для нас загадка. Судя по словам Матери Хатар, Сияющие - не более чем куклы.

– А я все про радио думаю, - признался Шкода. - Пока сюда добиваются наши сигналы, они слабеют, загрязняются, уродуются... Но если дамочкам и правда удастся их выловить и почистить... Хоть бы одним глазком взглянуть, что у них за техника.

– Все-таки это дает нам кое-какую надежду, - проворчал Хэдли. - Как они мужиков-то ненавидят, а? Похоже, нам еще повезло, что в живых остались.

Варис, сгибаясь, прошла под драпировкой, выпрямилась и сказала:

– Мать Хатар приносит свои извинения. Она поручила мне показать отведенные для вас покои. Идемте.

Тихими коридорами и короткими лестничными маршами мужчины шагали вслед за проводницей и наконец услышали скороговорку и учуяли сильный запах озона.

– Это от электричества, - заявил Шкода. - Где-то неподалеку радиостанция. Вот бы посмотреть...

Варис кивнула.

– Мать Хатар сказала, что это дозволено. Прошу сюда. - Она резко повернула направо, и все вошли в комнату с таким высоким сводчатым потолком, что самый его верх терялся в сумраке.

Торп увидел ряды горшков, путаницу блестящих проводов и соленоидов, а еще девушку - она сидела в центре комнаты на скамье перед резным ларцом наподобие того, что вещал в комнате старухи. Девушка подняла руку, требуя молчания, встала и склонила голову - дескать, я в вашем распоряжении.

– Землянам угодно увидеть и постичь тайны Хатар, - объяснила Варис. - Ты покажешь им все, о чем ни попросят.

– И скажи, чтобы не боялась, - предложил Торп. - Скажи, что мы ей ничего плохого не сделаем.

Варис сопроводила свой ответ неопределенным жестом.

– Я могу ей это объяснить, да страх не выгонишь приказами. Ведь Моллин видит, что перед ней - мужчины.

Торп хотел было протестовать - мол, не виноваты же они, что такими родились. Но тут Хэдли воскликнул:

– Моллин! А что, для девчонки - прекрасное имя. И уж конечно, такая красавица не будет меня бояться, верно?

С поразительной мягкостью в движениях ирландец приблизился к Моллин и протянул руку. Девушка побледнела. Секунду-другую стояла, окаменев, а затем двинулась в обход стола к Хэдли, остановилась на безопасном расстоянии, пригляделась. Торп и сам пригляделся к ней и понял, что ей лет восемнадцать-девятнадцать - девственный бутон, только-только начавший расправлять лепестки. Носила она такой же стерильно белый жакет, как и остальные жрицы. Талию опоясывал шелковый шнур, с него свисала кисейная лента шириной дюймов шесть, и на ней красовалась вышитая молния в кольце. И ходила ходуном - девушка дрожала от волнения.

– Ну, вот. - Хэдли приблизился и очень осторожно взял ее за руку, словно не замечая дрожи. - Эх, лапушка, до чего же давно я не встречал такой милашки. Давным-давно... Мы ведь подружился, правда? Ник - тоже отличный парень. Он хочет, чтобы ты рассказала про

все эти хитрые штучки-дрючки, и постарайся объяснять попроще и подоступнее, потому что он у нас не семи пядей во лбу. Договорились? Внимательно следивший за девушкой Торп увидел, как ее губы дрогнули и растянулись в улыбку, а глаза округлились от удивления. Она посмотрела на Шкоду, тот ухмыльнулся. А девушку улыбка сделала просто красавицей.

— Ник, - прошептал Торп, - не мешало бы первым делом определить координаты нашей комнаты, а потом Варис еще раз отведет тебя сюда, и займешься любимым делом. Мы ведь только начали разбираться.

Варис повела их дальше, и вскоре они оказались в маленьком покое с четырьмя кроватями по углам. Посреди комнаты на каменном полу лежали, тщательно расстеленные, знакомые вещи.

— Скафандры! - вскричал Шкода. - Парни, нам везет! Только бы он не выпал!... - Радист торопливо ощупал скафандры, узнал свой, запустил руку внутрь и резко встал с плоским свертком в руках. - Всегда ношу портативный набор инструментов. Ну, теперь мне на радиостанции будет повеселее. В которую дверь?

Варис повернулась и показала на арку.

— Этот путь ведет в глубь здания. Зал Хатар - центр святилища, понятно? А этот путь, - указала она на противоположную дверь, запертую на крепкий засов, - ведет наружу, в сады. Вон за теми дверьми - соседние спальни.

Она пошла к арке, Шкода двинулся следом. Торп опустился на корточки, перевернул скафандр и вынул из кармана фотографии. Больше там ничего ценного не оставалось. Выяснилось, что в белой юбке есть на талии внутренний кармашек; вложив туда фото, Джереми сел на койку.

— Ничего монастырского тут нет, - заключил он, чувствуя упругое сопротивление матраса. - И мне это, пожалуй, нравится. Кстати, давненько мы не спали в спокойной обстановке.

— Да, ты прав. - Хэдли вытянулся на койке и блаженно вздохнул. - Сегодня ночью прекрасно обойдусь без качки.

Хотя Торп был крайне измотан, сон к нему не шел. Великое множество вопросов глодало его разум. Казалось, миновала целая вечность... Наконец он пошевелился, сел и увидел, что ирландец тоже не спит.

— Не знаю, будет ли прок, - пробормотал Торп, - и все-таки подумываю: не выйти ли подышать свежим воздухом, на звездочки посмотреть. Составишь компанию?

— Вряд ли поможет. Джереми... - Хэдли оперся на локоть, его лицо исказилось гневом. - Что ты думаешь об этой планете, о Лодоре? Тут черт-те что творится. Рассказ старухи просто в голове не укладывается! Но та девчонка, Моллин... она ведь при виде меня чуть не померла от страха! При виде всех нас! А почему? Только потому, что мы - мужчины. Это ж надо, до чего людей довели, сволочи! Я как-то не думал об этом всерьез, пока до ее руки не дотронулся. Тряслась, как зайчишка!

— Ты был на высоте, в два счета ее обворожил.

— Ну, по этой части я дока. Я ведь на ферме вырос, с дикой живностью всегда ладил. Но на человеческом лице такого выражения отродясь не видал.

— Да, усвоить все это нелегко, - кивнул Торп. - Семьдесят лет - срок ой какой долгий. Три, а то и четыре поколения. Кстати, тут уместно вспомнить слова, которые ты сказал, когда нас вытаскивали из ямы. Забыл? Насчет партеногенеза. Как они размножаются, почему не вымирают, вот вопрос.

— Знаешь, я вот что думаю. Та девочка меня испугалась. А сейчас можно ожидать, что она будет нервничать или в ней проснется любопытство. Дикая живность именно так себя и ведет. Но когда при виде тебя зверек трясется от страха, можно не сомневаться: его научили бояться. Или боль причинили, или еще что-нибудь нехорошее сделали. Сдается мне, правду говорила та старушка насчет сатаны.

— Да, Пэдди, пожалуй, ты прав. Очень бы мне не хотелось, чтобы Земля подверглась такой же участи, однако здравый смысл подсказывает: если и обойдется, то лишь чудом.

– Нет, на Землю эти гады так легко не высадятся! Сначала наши им зададут жару.
– Конечно. Ладно, я все-таки проветрюсь. Если не вернусь до прихода Шкоды, скажи ему, где меня искать.

Торп поднял засов и очутился в коротком коридоре. Лесенка в три ступеньки - и он на широкой галерее с массивной деревянной балюстрадой по внешнему краю. Балюстрада полностью опоясывала здание. Джереми увидел несколько темных парков, заметил блики на воде в бассейне, где недавно купался с товарищами, а ноздри заполнились богатым ароматом ночных цветов. Все беды показались далекими, даже нереальными. Он попал в тихую гавань, в мирное святилище. Ночь была чиста, звезды - прекрасны. Лейтенант знал основы астрономии и астронавигации, а потому сумел найти один-два знакомых огонька и предположить, в какой стороне родное солнце. И все-таки пятнадцать, если не больше, световых лет - путь долгий, а солнце - звезда-невеличка. Просто хотелось верить, что он смотрит в правильном направлении..

Периферийным зрением Торп уловил движение над головой и застыл, обратился в слух. В свете звезд появились мерцающие белым одежды, а затем - едва различимое лицо. Джереми перебрался к балюстраде, оперся о нее спиной и напряг зрение. Снова - колыхание белой одежды, уже ближе, почти над самой головой. Кто-то шел по краю плоской крыши. Узнав наконец лицо, он улыбнулся.

– Шенн? Тоже не спится?

Привидение исчезло, словно его дернули за веревочку. Потом девушка очень осторожно вернулась на край крыши и наклонилась. Джереми не двигался, чувствуя, что напугал ее. Чуть позже он заметил у стены деревянную лесенку.

– Землянин Торп? - спросила Шенн робким шепотом.

– Он самый. Можно составить тебе компанию?

– Если таково будет ваше желание. - Ее лицо снова исчезло.

Он поднялся по лесенке на круглую площадку футов двенадцати в диаметре. В центре располагалось низкое сиденье на широком столбике, точно коренастый гриб. Шенн сидела и смотрела на землянина. Джереми шагнул к ней. Девушка вскочила так резко, словно была готова обратиться в бегство. Он остановился. И обнаружил, что она, в точности как Моллин, носит кисейную ленту на шнурке, с такой же вышитой, эмблемой. Ритуальная символика?

Торп очень неспешно двинулся вперед и различил в сумраке, как напряглись, взбугрились изящные мышцы ее ног, как поджались босые ступни. Она порывисто убрала руки за спину, и он снова остановился.

– Да не бойся ты меня, пожалуйста, - попытался он деликатностью одолеть переполнивший его гнев. - Не собираюсь я тебя обижать.

Шенн смотрела на него остекленевшими глазами. Губы двигались, но с них не срывалось ни звука. Девушка тяжело дышала, грудь ходила ходуном, и от одного ее вида Торпа пронизывала мучительная жалость. И с гневом он уже не мог совладать. Резко повернулся и пошел обратно к лестнице. Хэдли прав: эти женщины научились бояться мужчин, как боится охотника дикий зверь. Нужно уйти. Иначе взбеленится и еще больше испугает малютку.

Когда он ступил на первую перекладину, Шенн крикнула:

– Нет! Не уходите. Я постараюсь не бояться. Он медленно вернулся. Девушка перенесла вес с ноги на ногу. По плавным линиям ее тела бежала дрожь, кисейный передник трепетал, как осиновый лист.

– Почему ты меня боишься? - спросил Джереми как можно мягче.

– Потому что я незащищена. В период бдения я ношу знак Хатар. Этого требует ритуал.

–носишь эмблему, но не носишь кинжалов, да?

– Да. В любое другое время мы не расстаемся с двумя одинаковыми клинками, по одному в каждом кармане. Один - для мужчины, который до меня дотронется, другой - чтобы покончить с собой.

В горле возник жгучий комок, но Торп взял себя в руки.

– Стало быть, ты сейчас на службе?

– На бдении. Не сплю, пощусь, медитирую, отдаю себя Хатар.

– Прости, что помешал. - Он снова повернулся, но Шенн остановила его возгласом, храбро посмотрела ему в лицо.

– Нет. Ты не такой, как другие мужчины. - Судя по тону, она пыталась убедить в этом себя. Показала в небо тонкой рукой. - Ты прилетел не из гнезда сатаны.

– Не опускай! - Торп подступил достаточно близко, чтобы проследить за направлением ее руки. - Это и есть та звезда? Ниже и правее вон тех трех, что рядом построились? А с чего ты взяла, что Сияющие прилетели с нее?

– Если верить легенде, так говорили некоторые из первых мужчин.

– Что ж... похоже, это Альфа Лиры. Мы ее называем Вегой.

– А ты можешь показать солнце Земли?

– Попробую. Отсюда оно должно казаться совсем крошечным. - Торп повернулся кругом, поднял руку и обнаженным запястьем скользнул по плечу девушки.

Она с дрожью отстранилась, но он притворился, будто ничего не заметил.

– Нужен оптический прибор. Телескоп.

– У нас есть телескопы.

– Послушай... - попробовал он вновь, - я могу понять, за что вы ненавидите Сияющих, но я-то чем провинился?

Шенн отступила на шаг, но тут же вернулась. Демонстративно поставила ногу на низкое сиденье, скрестила руки на колене и устремила взгляд во тьму.

– Объясню. - Голос обрел напевность, как у сказительницы. - Когда наши мужчины вышли из кораблей, они не смотрели ни влево, ни вправо, они искали только других мужчин, еще не одержимых сатаной. И эти мужчины уходили на корабли и уже не возвращались. На третий день корабли, битком набитые нашими людьми, улетели, а вместо них прибыли другие. Многие наши мужчины пытались бежать, но их ловили. Многие женщины - жены и матери - пытались спасти своих мужчин. И погибали от огненного оружия. Четыре года спустя сатана завладел всеми, никто не остался чист. Всех увезли в сияющих кораблях, кроме пятисот, по сотне на каждый большой город Лодора.

– Выходит, на всей планете осталось только пятьсот мужчин? И все до одного - марионетки вегиан? И теперь они вами правят?

Девичьи глаза с горечью посмотрели на него.

– Нет. Я плохо объяснила. Они не правят. Они нас пасут, точно скот. Отбирают женщин для размножения и строительства кораблей. Больше мы им не нужны ни для чего. Те, кого не тронули, живут, как хотят. Мужчинам до нас нет совершенно никакого дела.

– Погоди-ка. - Торп сел у ног девушки и посмотрел ей в лицо. - У меня в голове не укладывается. Значит, они не правят Лодором?

– Нет. - Напевность в голосе пропала. - Они хватают женщин, учат работать, заставляют строить корабли. В каждом городе постоянно живет не больше ста мужчин. Ежегодно приходят пять кораблей, и все пятьсот мужчин улетают, а их место занимают другие.

– Да, серьезная организация. Ты работала когда-нибудь на верфях?

Шенн отшатнулась, словно получила пощечину.

– Я Сестра Хатар! Не забывай! Когда сюда прилетели первые Сияющие, многие из них искали святилища Хатар и все, что нашли, разрушили. И перебили тамошних жриц. Сияющие боятся и ненавидят Хатар!

– Значит, Ник был прав. У вегиан нет радио. Прости. Торп машинально погладил девушку по рукам. Она молниеносно отдернула кисти, и тогда его ладонь опустилась на ее колено. Он ощутил судорожную твердь мускулов - и тут долго подавляемый гнев наконец прорвался. Лейтенант, не отпуская девичьей коленки, выпрямился и зло посмотрел на нее.

– Это же глупо! Ладно, может, мне и не стоило до тебя дотрагиваться, но я это сделал. Да, я к тебе прикоснулся. Что, обжег? А я ведь помню, как считанные часы назад несколько

твоих приятельниц развязывали меня и моих друзей, срывали с нас одежду. Ты и тогда боялась? Падала в обморок?

– Это я ощупывала рану на твоём лбу. - Слова с трудом прорывались сквозь стиснутые зубы. - Будь она глубже и находишься в середине лба, ты бы мгновенно умер, и я вместе с тобой.

– Не будь душой! Ты давно убедились, что я - самый обыкновенный мужчина и меняться не собираюсь. Во мне нет ничего страшного, неужели ты до сих пор это не поняла?

– Ты мужчина! В Геклоне и других городах мужчин сотни. Они живут в больших куполообразных зданиях. Днём надзирают за труженицами, а ночью каждый ведёт женщину в свой купол и там пытается посеять в её чрево семя жизни. Некоторые женщины сопротивляются, и за это их убивают. Многие идут беспрекословно, смиряются с судьбой.

– А потом? - Торп с трудом узнал собственный голос.

– Всем ставят метки, чтобы легче было опознать. Отбирают только молодых и здоровых. Забеременевших отделяют под особый надзор. Когда появляется ребенок, его, если это мальчик, вместе с матерью переселяют в другое место, и там за младенцем ухаживают до трехлетнего возраста, после чего женщину отпускают. Если рождается девочка, мать получает свободу и может делать со своим ребенком, что пожелает. Нельзя рожать только больных или увечных. За это убивают и мать и грудничка.

Торп с дрожью перевел дух, стараясь, чтобы девушка этого не заметила. Его мутило. Какими же надо быть мерзавцами, садистами, нелюдями... Обращаться с людьми как со скотиной, подвергать безжалостной евгенике!

– Прости, - прошептал он. - Я не знал. Пожалуй, не стоит тебя строго судить за легкую неприязнь к нашему полу.

– Ты мне делаешь больно.

Он сдернул руку с её колена и застонал, увидев красные следы пальцев.

– Прости. Я не хотел... Шенн, ты должна, ты просто должна поверить, что ни я, ни мои друзья не причинят зла тебе и твоему народу. Мы хотим лишь одного: найти слабое место в защите Сияющих и нанести им сокрушительный удар.

– Разве это в ваших силах? Ведь вас только трое, а их - многие сотни!

– Послушать тебя, так впору опустить руки и ждать конца. Но у землян есть поговорка: надежда умирает последней...

Его заставил умолкнуть нежный звон колокола.

– Вот и конец моему бдению, - сказала девушка. - Сейчас придет Варис. А тебе лучше спуститься, не надо, чтобы нас видели вместе.

– Да, понимаю, ни к чему тебе лишние неприятности. Ладно, спасибо за все, что ты рассказала, и прости за невольное вмешательство в медитацию.

– Из-за тебя я теперь о многом должна подумать, - прошептала Шенн.

Торп быстро спустился по лестнице и вернулся в свою комнату.

Когда он переступал порог, Шкода входил через противоположную дверь.

Глава 8

– Ребята, да что с вами? - спросил радист. - Не спится? А я - на последней искре. - Он тяжело уселся на ближайшую койку, глубоко вздохнул и запустил пятерню в жесткую черную шевелюру. - В голове такой кавардак, что я даже не в ту дверь вошел. - Шкода оставил волосы в покое, сощурился и посмотрел на дверь слева, а затем на ту, в которой стоял Торп. - А что там, в той стороне?

– Свежий воздух и ночь. Почему ты спрашиваешь?

– Значит, эта дверь должна вести в комнату, где полно девчонок, и все дрыхнут без задних ног. А дальше небось другие спальни, и тоже с девочками...

– Ну, не с мальчиками же, - пробормотал Торп. - Кажется, вы оба говорили, что с ног валитесь.

– Валюсь, что правда, то правда. Знаешь, приятель, мне отродясь не случалось иметь дела с такой радиотехникой. Просто свихнуться надо было, чтобы ее сконструировать. Кабы не увидел собственными глазами... Начать с того, что дамочки все сделали практически из одних биоматериалов.

– То есть? - Хэдли скатал в рулон свой скафандр, подложил под голову вместо подушки и теперь смотрел на товарищей. - Листочки, стебелечки и все такое прочее?

– Нет! Тут другое. Вместо кислот они применяют соки. Еще есть металлические пластины, серебряная проволока и так далее. Ну, это как раз понятно. Мы тоже шли этой дорожкой, когда начинали экспериментировать с электричеством. Но детекторы... Неудивительно, что они такие чуткие - ловят земные сигналы! А фильтрация! Представляете, дамочки нашли применение нервным волокнам гусениц и жуков! Факт! Я поверить не мог, пока Моллин не предложила самому взглянуть на усилитель. Да эта штукавина позволяет со ста шагов услышать комариный чих.

– Правда? - Торп подошел к своей койке, сел. - Стоит ли удивляться, что у них такие чувствительные приемники. Если они используют органы чувств насекомых...

– Все это, конечно, смешно, хотя по-своему логично... - Шкода со вздохом наслаждения, точь-в-точь как недавно Хэдли, разлегся на матрасе. - Потому что работать на передачу они ухитряются практически без тока. Наверное, у них просто не возникало надобности искать мощные источники энергии. С высоким напряжением здесь даже теоретически не знакомы. Вакуумной техники нет. Все заменяют растительные кислоты и химические батареи. Умно... И ведь работает! Но до чего же потешно все это выглядит, стоит подумать, что вот эта штучка из моего скафандра раз в десять мощнее самого большого здешнего передатчика.

– Ты в этом уверен?

– Еще как. Я ведь с ним только что игрался, или забыл? Он как раз под нами, в Зале Хатар. Удивлюсь, если его мощность хоть в четверть мощности наших малюток. Зато у них потрясающие приемники, а ионосфера тут спокойная, как вода в мельничной запруде. Так что дамочки справляются потихоньку. О черт, да они просто молодцы!

– Озадачили они тебя, да? - хихикнул Хэдли, и Шкода резко сел, веселого выражения на лице как не бывало.

– Ты все шутишь, понимаю. Но подумай вот над чем. Может, я в некоторых делах и невежда, зато с малолетства вожусь с катушками и конденсаторами. Таких, как я, зовут чокнутыми радиолюбителями. Что-что, а радиотехнику знаю «от и до». И эти девочки... они просто умницы. Теория у них хромает, зато практика на высоте. Оброни намек-другой, и любая очень скоро сделается первоклассным радиомехаником.

– Так и быть, поверю тебе на слово, - сказал Хэдли. - Ты нам лучше скажи, Землю слышал?

– Слышал. - В голос Шкоды закралась странная нотка, и Торп сразу наострил ухо. - И вот что понял. Мы ближе к нашей планете, чем прикидывали. От силы в десяти световых годах.

Торп - весь внимание - подался вперед.

– По последним новостям судишь?

– Ага. Точную дату назвать не возьмусь - если на то пошло, я не знаю, какое число нынче и есть ли тут вообще календарь, - но те новости, что довелось услышать - с начала войны. Я ту пору хорошо запомнил. Мы тогда верили, что шапками вегиан закидаем и через недельку-другую будем праздновать победу. И шумиха с дележом Прочиона тогда еще не улеглась. Так что сам можешь подсчитать.

– Получится примерно то же, что и у тебя, - кивнул Торп. - Около десяти лет. Впрочем, это почти ничего не меняет. Для наст что один световой год, что сотня.

– Я про другое, - пробормотал Шкода. - Очень уж хорошо я запомнил то времечко. Примерно тогда и пошел на флот. А вскоре - приказ о радиомолчании. Работа в эфире прекратилась, только на длинных волнах передавали самые необходимые шифровки. И

новости пошли плохие. И я думаю: что было с тутошним народом, когда они это услышали... а потом навсегда потеряли контакт! Мы, так сказать, вернули им утраченную надежду - последнее, что у них оставалось.

— Отсутствие новостей - уже хорошая новость, - проворчал Хэдли. - Лучше бы им вообще ничего не слышать, чем слышать горькую правду.

Они посидели молча, каждый размышлял о своем. Торп вытянулся на кровати, в голове бродила злость, природная воинственность не находила, куда выплеснуться.

— А знаете, - прошептал Шкода, - эта Моллин - просто лапушка. Ей всего-навсего девятнадцать, сама сказала. И умница - словами не передать. Как только перестала меня бояться, на лету схватывать начала. Ты, Пэдди, конечно, ей понравился, но все-таки не скоро она прекратила дрожать и мы смогли нормально потолковать. Правда, она даже близко ко мне подойти не решалась, не то что притронуться.

— И правильно делала, - осклабился Хэдли. - Толковая малышка. Стыдись, греховодник...

— Погодите! - Торп порывисто сел. - Это не смешно, и вам следует кое-что понять. Девчонка боится не с бухты-барахты. И если нашла в себе силы с вами говорить - это значит, что она не робкого десятка. - Джереми во всех горьких подробностях изложил услышанное от Шенн. - Ну, поняли? Для нее находиться рядом с мужчиной безоружной, беззащитной - все равно что для нас плавать в океане, где кишат акулы-людоеды.

Наступило неловкое молчание, а потом Шкода зарычал:

— Тысяча чертей вместе с преисподней! Что эти гады вегиане сделали с тутошними мужчинами? И я прошел сюда через комнату девчонок, подумать только! Их там было битком, и все крепко спали! Господи! Да если бы я кого-нибудь разбудил...

— Тебя бы прикончили в тот же миг. Ты заметил, они даже спят с ножами под рукой?

— Но это безумие! - прорычал Хэдли. - Мы ведь не допустим, чтобы с их голов хоть волосок упал. Эх, бедняжки!

— Весь этот кошмар длится уже три поколения, так что нелегко будет убедить женщин в нашем миролюбии. Черт, если бы от нас хоть что-нибудь зависело!

— Я тут прикинул, что мог бы их кое-чему научить, - прошептал Шкода. - Например, как увеличить мощность передатчика. Можно, к примеру, собрать конденсатор-другой. Да, пожалуй, это бы им пригодилось...

— Еще как! - Торп вскочил на ноги и заходил по комнате. - Не бросай пока эту идею. Пустим в ход все, что у нас есть за душой, до последнего пустяка, - лишь бы одолеть злодеев. Одно нам точно по силам: вести себя дружелюбно.

— А что проку? Нас только трое, и что мы сделаем голыми руками? Ну, допустим, обучим туземцев кое-чему, а как быть потом?

— А может, все не так уж и плохо? - хватался за соломинку Торп. - Ты говорил, наши рации гораздо мощнее любой здешней?

— Когда мы обратились к ним с борта, у них небось чуть барабанные перепонки не полопались. Наверное, нас поначалу приняли за десятифутовых великанов!

— Я, к сожалению, радиодело знаю только «по верхам». Говоришь, проблема в мощности? Ну, допустим, тогда почему они ее не увеличат? Они ведь знают, как это сделать. Они строят вегианам корабли, верно? Да, я в курсе, что у вегиан радио нет, но двигатели у них на реакции синтеза и принципе Паули, как и у нас. И ионная тяга. А ведь ее питают изотопные батареи, верно? - Торп постучал пальцем по рации, которую, как и его товарищи, носил теперь на поясе. - Почему они не преобразуют энергию изотопов в ток для раций? Почему не видят того, что лежит у них под носом?

— Э, не спеши! - попросил, усаживаясь, Шкода. - Понесло тебя... По сути, ты прав. Но нельзя же одним скачком перепрыгнуть от химических батареек к радиоактивным изотопам. Нам, между прочим, сто лет понадобилось, чтобы эту дорожку пройти.

— Ну, ладно. У тебя есть шанс сэкономить Лодору век. Была бы польза.

— Я гляжу, ты что-то задумал. - Хэдли тоже уселся. - Что?

– Понадобится кое-какое время, но мы все-таки можем собрать достаточно большой передатчик и достаточно мощный. И отправить весточку на Землю.

– Так, да? - Усмешка исказила лицо Шкоды. - Ну, я чего-то вроде и ожидал. Весточку на Землю? Зачем? Просто от нечего делать? Или на помощь позвать? Допустим, Земля ответит, скажет, что выслала помощь. Когда мы ее дождемся? Через двадцать лет! А ты уверен, что через двадцать лет Земле будет не начхать на нашу судьбу? Почему ты не предложишь, чтобы я собрал субэфирный «дирак»?

Торп почувствовал, что краснеет, но проглотил упрек - ему не терпелось уцепиться за последнюю фразу Шкоды.

– А ты знаешь, как собрать «дирак»?

– Конечно. Дай мне только материалы и источник питания. Это, конечно, совсем не то, что простая волновая рация, однако ненамного сложнее. Были бы детали. Но их нет.

– Вы, ребята, кое-что забыли, - хмуро проговорил Хэдли. И столь же хмуро посмотрел на товарищей, когда они обернулись. - Ну, добудете вы необходимые части, и Ник сотворит чудо, и вы через «дирак» оповестите штаб-квартиру на Земле. А дальше? Не откажите в любезности, расскажите, что будет дальше.

– Пэдди, ты к чему клонишь?

– Да вот к чему, дружище Ник. Ты - радист. Твоя задача проста: принимать и отправлять радиogramмы. Но подумай о людях, с которыми ты хочешь связаться. Представим, штаб-квартира получает от нас донесение, что здесь - база вегиан. Одинокaя планета, и обороны никакой, только женщины, горстка врагов и несколько недостроенных звездолетов. И до нее всего-навсего десять световых лет!

– То-то и оно! Ты совершенно прав. Здесь вегианская база. И надо сжечь осиное гнездо. Внезапный массированный налет, бомбы с антиматерией... Да наши этих гадов на клочки разнесут!

– И что будет с мирным населением? Неужели ты всерьез желаешь этим женщинам такой судьбы? Неужели они мало натерпелись?

– Не о чем тут говорить! - огрызнулся Торп, сопротивляясь отвратительной картине, которая сразу полезла в голову. - Я знаю, выбор нелегок, и есть риск, что нас размажут заодно с противником, но если мы хоть чем-то можем помочь своим, то должны это сделать. Мы - земляне. А здесь - база вегиан. Первая база вегиан, которую удалось найти за всю войну.

– Это все пустая болтовня, - пробормотал неуверенно Шкода, - только время зря теряю. Собрать «дирак» - никакой возможности. Ты вот говорил о женщинах, которые корабли строят... Хорошо, строят. Но как, по-твоему, мы проникнем на верфь и как вынесем добычу? Бьюсь об заклад, те мужички ворон не считают. Скажу я тебе еще кое-что. Пока Моллин показывала всякую всячину, ушла циркулярная радиogramма. Всем приверженцам Хатар сообщено о прибытии землян. О том, что мы здесь, известно на святом острове Шеллоне. Сейчас тут находится несколько сотен верующих, и я гроша не поставлю на то, что среди них нет хотя бы одной паршивой овцы. Так что вполне возможна утечка информации. Кто мне теперь пообещает, что вегиане не явятся по наши души задолго до того, как мы организуем налет на верфь? А если явятся, то наверняка прихватят свои огнеметики, а то и кое-что похуже.

– Это все увертки, - проворчал Торп. - О наших личных проблемах можно поговорить потом. Сейчас я задал вопрос и хочу получить на него ответ. Нет, на два вопроса. Во-первых, если мы добудем детали, ты попробуешь сделать «дирак»? Во-вторых, если этот номер пройдет, ты поможешь мне отправить радиogramму, которую, как мы все понимаем, не отправить нельзя?

– Нет у меня ответов на такие вопросы, командир. Но я подумаю. А сейчас я не прочь поспать, если, конечно, ты не в претензии. Спокойно поспать. Пока можно.

Судя по новой интонации в голосе, лучше было на Шкоду не давить.

Торп зло смотрел на него целую минуту, затем круто повернулся и упал ничком на

собственную кровать. Двое против одного, и он - в меньшинстве. «Это все война. Видишь, что она с тобой делает?» Несколько минут назад он любовался упоительными движениями красивого женского тела, и в голове бродили мысли, свойственные любому теплокровному мужчине. А сейчас он ищет способ нанести сокрушительный удар по врагу, зная, что это неизбежно приведет и к гибели Шенн, и к безжалостному истреблению других ни в чем не повинных жителей планеты.

Джерemi замутило. Мозг корчился в натужных и напрасных поисках выхода из тупика.

Но если есть возможность сообщить своим, это сделать необходимо. Иначе на его совесть ляжет доля вины за ежедневное истребление землян. В последний раз он видел Землю пять лет назад и сейчас не знал, что там происходит, но мог вообразить, что произойдет, если не остановить вегиан. За примером далеко ходить не надо. Вот планета, где замечательные женщины живут в вечном страхе перед тварями, которых они называют мужчинами. На этой планете слабый пол поработан, низведен до уровня скотины, которую разводят в своих целях невидимые скотоводы. А мужчины здесь - бесчувственные, бесчеловечные куклы. Они даже не узнают родных матерей и жен. Такое может случиться и с Землей... Надо как-то убедить Ника Шкоду...

Наконец Торп уснул. Сонные видения кишели лицами врагов, прекрасными, но при этом чудовищно нечеловеческими.

Пробудился он с больной головой под веселый звон колокола и, раскрыв глаза, успел лишь мельком заметить юную девушку в знакомом кисейном фартуке - она метеором пронеслась по спальне. Плавные, стремительные ее движения пробудили в памяти события минувшей ночи.

— Вот еще один день, которого я не чаял увидеть, - сказал Хэдли, когда они встали и принялись убирать кровати.

Торп не ответил. Вчерашние дурные предчувствия все еще угнетали его. Заслышав посторонний звук, он резко обернулся - из дверей в комнату робко заглядывала девушка. Она дала знак другим, пришедшим следом за ней с тазами и большими кувшинами с горячей водой. Первой было лет двадцать пять, примерно как Шенн. Четыре других были помоложе - вчерашние подростки. Оставив свою ношу, они удалились. Старшая осталась.

— Я Эдда, - представилась она. - Имею удовольствие вам служить. Скоро сюда принесут пищу.

— погоди! - вскинул Торп руку, и девушка остановилась на полпути к дверям. На лице, за напускной бесстрастностью, читалась настороженность. - Прошу тебя, передай мою благодарность Матери Хатар и скажи, что нам бы не хотелось доставлять лишние неудобства. То есть мы готовы есть с остальными - если, конечно, это не противоречит каким-нибудь правилам.

Понять по лицу Эдды, что она думает, было невозможно. Разве что в жесте - она самую чуточку наклонила голову - была вызывающая отчужденность. Или показалось?

— Я передам ваше пожелание Матери Хатар и вернусь. - Женщина вышла в полном молчании.

Хэдли почесал в затылке и состроил комичную гримасу:

— Подумать только, эта милашка пырнет меня ножиком, если я вздумаю хотя бы обнять ее!... Да, странный, странный мир, что ни говори. Но раз уж они так боятся нашего брата, им бы стоило крепко подумать, прежде чем одеваться в эти крошечные жакетки...

— Наверное, одежда для них особой роли не играет, - проговорил Шкода и склонился над тазиком с водой. - Где-то я читал, в каком-то журнале мод, что предназначение одежды - привлекать внимание к своему образу, который ты хочешь создать для окружающих. То есть нормальная женщина будет одеваться с таким расчетом, чтобы выглядеть в твоих глазах в лучшем виде. К здешним женщинам с общими мерками, конечно, подходить нельзя. Тут все с ног на голову перевернуто.

— Что грустнее всего: каждая из них - просто загляденье.

— Загляденье? - угрюмо переспросил Торп. - А знаешь, почему они все такие красивые?

Потому что это - сливки. Кто не дотягивает до стандарта, того убивают при рождении. Загляденье!

– Ты, конечно, можешь горевать о прошлом, но жить приходится в настоящем и надо строить планы на будущее, - отбрил Хэдли. - Что бы ни случилось тут раньше, вокруг нас - шикарные девочки, и, если не все сладится, как мы хотим, я без особых огорчений проведу тут остаток своих дней.

– Тебе в любом случае придется это сделать, - сказал Шкода.

Из дверей к ним вежливо обратилась Эдда:

– Мать Хатар будет рада, если вы позавтракаете вместе со Старшими Сестрами. Идите за мной, пожалуйста.

Торп так углубился в раздумья, что не заметил ее прихода. Хотелось ясности; хотелось знать, способен ли он ладить с окружающими. А еще надо было срочно поговорить со старой жрицей.

Мать Хатар сидела во главе длинного узкого стола - возглавляла собрание женщин примерно одного возраста, от двадцати пяти до тридцати лет. При появлении землян они встали под шорох одеяний и охотно потеснились, уступив им место перед верховной жрицей. Потом так же дружно сели и безмолвно приступили к еде. Ни одна пара глаз не поднималась от тарелки. Села и Эдда. Торп увидел Варис и Шенн, а потом опустил на скамью по правую руку от старухи. Шкода расположился напротив.

Пришли девочки лет десяти-одиннадцати, поставили перед гостями тарелки, кубки и непривычной формы ножи и вилки. Даже эти малютки носили кинжалы по примеру Старших Сестер. Джереми скользнул взглядом по ряду лиц. Да, Хэдли прав, каждая девушка точно картинка. Картинка цветущей женственности, дерзко выставленной напоказ. Он не успел толком задуматься над этим. Заговорила старуха:

– Надеюсь, вы провели ночь спокойно. Мне сказали, - она взглянула на Шкоду, - что ты любезно похвалил наши достижения и аппаратуру, проявив особый интерес. Так ли это?

– Правда и то и другое. Методы ваши отличаются от наших, теория маленько отстает, но техника первоклассная. По части приемников не могу сказать вам ничего нового.

– Поистине это высокая похвала из уст того, кто умеет вмещать тайны в маленькие коробочки. Если согласишься передать нам эту науку, мы останемся в вечном долгу.

Шкода ухмыльнулся:

– Не так-то просто. Чтобы делать инструменты, нужны другие инструменты, а для других - третьи, и так далее. Но все в наших руках, дайте только время.

– Вот чем мы как раз не располагаем, так это временем, - подчеркнуто весомо произнес Торп.

Над столом сразу поднялся гомон, а затем повисла напряженная тишина.

Глава 9

– Что-нибудь не так? - Старуха с холодком взглянула на Торпа. И ее тон вполне его устраивал.

– Вы абсолютно правы. Насколько я понял, вы отправили в эфир весть о нашем присутствии, и теперь это известно всей планете.

– Вся планета - явное преувеличение, хотя по существу ты прав. Жрицы Хатар осведомлены. Тебя это не устраивает?

– Прежде чем трубить на весь мир, посоветовались бы с нами. Ваша профессия - распространять информацию. Кому как не вам знать, сколь трудно обуздывать слухи. И кто теперь может сказать, к чему это все приведет?

– Ах, вот оно что. - Мать Хатар кивнула с холодной улыбкой. - Теперь понятно. Ты считаешь, что я поступила безрассудно, что мне следовало держать ваше появление в тайне.

Ее спокойно-насмешливый тон заставил Торпа вскипеть.

– Да, я так думаю. Только глупцы не хранят ценные сведения в секрете от заклятого

врага! Откуда уверенность, что никто не донесет о нас мужчинам?

– Глупцы? Сильно сказано, - тихо проговорила Мать Хатар. - Зря ты нас оскорбляешь, Джереми Торп. Говоришь, надо было посоветоваться? А ты с нами советовался, когда решил искать убежища на нашей планете? Или надо было посоветоваться, когда вы угодили к шеллам и они были готовы вас прикончить?

– То - совсем другое дело. Тогда у нас не было выбора.

– Вот именно. Не было выбора. Ни у нас, ни у вас. Думаешь, только наши глаза видели, как падал с неба корабль? Только наши уши слышали земные голоса, когда вы зывали о помощи в эфире? Считаешь, ваше появление - для кого-то секрет? По-твоему, Сияющие - глупцы?

И тут его словно паралич разбил. Целую чудовищную минуту разум вообще отказывался соображать, потом к лицу прилила кровь - Джереми понял, какую совершил ошибку. Его буравили два с половиной десятка пар безжалостных глаз.

– Простите. Я не знал...

– Ты многого не знаешь. Например, того, что за всю славную историю ордена Хатар мы только единожды сообщили народу неправильные сведения. Да, один-единственный раз, и лишь потому, что сами были введены в заблуждение. Я имею в виду тот случай, когда прибыли Сияющие и мы их приняли за землян. Мы искренне верили в то, о чем говорили, но все равно это была ошибка, и с тех пор мы платим за нее дорогую цену. Наш орден поносили, нашу аппаратуру отбирали и уничтожали, многих из нас убили. Это произошло семьдесят лет назад. С тех пор мы мало-помалу вернули часть бывшего престижа, однако у нас остались враги и горечь прошлого не ушла. Мы по-прежнему распространяем сведения, здесь нам равных нет. Мы ведем радиовещание, и даже противники вынуждены признавать, что мы добросовестны, что мы всегда говорим правду.

– Должно быть, вы очень гордитесь своей репутацией, - пробормотал Торп. - Искренне сожалею, что усомнился в ней.

– Я еще не закончила. - Голос был внятен и суров. - Репутация честных людей - это практически все наше достояние. Впрочем, еще есть кое-какие навыки. Да будет тебе известно, вчера я отправила указание Сестрам Хатар распространять ложь! Распространять намеренно! Но членам нашего ордена известна правда: вы действительно прибыли с Земли, вы целы и невредимы, и вы на нашей стороне. - Она затянула паузу достаточно, чтобы Торп покраснел, затем продолжила: - Да, они это знают, но по моему приказу распускают слух, что падавший вчера корабль разрушен и уцелевших нет. Это предназначено для ушей непосвященных и для врагов. Мы пытаемся защитить вас!

– И себя! - опять вспыхнул Торп. - Давайте будем честны до конца. Ладно, вы со своей стороны принесли ради нас жертву, спасибо. И я ошибался. Да, признаю: я ошибался. Но и вы не кривите душой! Вы вполне отдадите себе отчет: если мужчины заподозрят, что мы живы и находимся здесь, они не заставят себя ждать. И тогда не только нам, но и вам не поздоровится, правильно?

Ответом был сердитый гул множества голосов. Торп, глядя в сверкающие глаза младших жриц, заговорил громче:

– Мать Хатар сама употребила слово «честность». Я не упрекаю ни ее, ни вас. Вы хотите избежать кары Сияющих - согласен, ничего постыдного в этом нет. Однако не надо перекладывать всю ответственность на наши плечи! Не только нас вы пытаетесь защитить, но и себя. И если ваша честность стоит хотя бы выеденного яйца, вы это признаете.

Не успело отзвучать последнее его слово, как с места сорвалась гибкая и проворная, точно кошка, молодая жрица. Торп повернулся к ней и обмер - клинок, заточенный под бритву, прикоснулся к его горлу. Девичье запястье не дрожало.

– Мужчина! Ты что ж думаешь, нам своя жизнь дорога? Или твоя? - Голос срывался от гнева. - Нам терять нечего, кроме чести, и я уже раскаиваюсь, что мы ради вашего спасения пошли на риск. Скажи еще хоть словечко, и мы умрем вместе, устранив проблему раз и навсегда!

Возмущенной жрице согласно вторил хор ее подруг:

– Скажи, землянин! Скажи одно-единственное слово!

Он бы, может, и сказал - сам был вне себя от ярости. Но старуха выкрикнула несколько строгих фраз на своем языке, и младшие умолкли. Переведя дух, жрица перешла на английский.

– Спет! Убери кинжал и вернись на место. Я кому сказала?! Что ты тут устраиваешь? А еще обижаемся, что земляне считают нас глупцами. Требую именем Хатар, немедленно отойди!

Изящная рука обмякла, и смертоносный клинок опустился. Торп позволил себе судорожно вздохнуть, а затем посмотреть Спет в лицо. Прав Хэдли, тут кругом настоящие красотки, и эта девушка - не исключение. И до чего же ей идет гнев!

Раскрылись нежные губы, блеснули перламутровые зубки.

– Так и быть, мужчина, я отойду, - проворчала Спет.

– А теперь послушайте, что я скажу, - властно заговорила Мать Хатар, как только Спет уселась. - Все вы молоды, даже эти мужчины, а речи юных всегда излишне пылки и плохо обдуманы. Сейчас время не для спешки и гнева, сейчас время для здравомыслия и мудрости. Тот, кто говорит, что ему терять нечего - тот уже потерял. Одно дело - поменять свою жизнь на жизнь врага в бою, и совсем другое - убивать друг друга. Это занятие пустое и глупое. Но важнее всего вот что. Вы должны наконец понять: эти мужчины - не Сияющие. Постарайтесь увидеть разницу. Да, нелегко, вы никогда не сталкивались с мужчинами. Но нельзя же путать тех, кто с нами, с теми, кто против нас.

– Может быть, ты права. - По тону Спет было ясно, что с гневом она еще не совладала. - Может быть, они и в самом деле люди иного сорта. Но этот, - указала она на Торпа, - говорит, как настоящий дурак!

– А ну-ка! - Хэдли откашлялся, а затем его могучий голос прервал тяжелую паузу. - Мы с вами говорим на одном языке, и слава Богу, потому что это даст вам возможность поразмыслить над моими словами. Если ошибусь в чем-нибудь или покажусь дуралеем - я ведь не ахти какой златоуст, - так прямо и скажите, обиды не затаю. И спорить не стану. Даже, надеюсь, из себя не выйду, не заору. Я парень с мозгами, и коли покажете, в чем моя ошибка, приму это спокойно. Но уж и вы не сердчайте, если мне повезет отплатить той же монетой. Разве не так мы набираемся ума-разума? Понимаем, какие мы болваны, и стараемся впредь быть умнее, верно? Ответьте-ка на такой вопрос: что проку дырять человека ножиком? Он от этого поумнеет? Каким я вам нужней? Мертвым? Или живым, только чуток потолковее?

– Хорошо сказано, - молвила старуха. - В твоих словах содержится мудрость. Если истина рождается в спорах, давайте спорить, довольно кровожадных речей и потрясения кинжалами. Да не сочтет никто оскорбительными мои слова. Одно то, что мы слышим глупости из уст пришельцев, доказывает: это не те мужчины, которых мы знаем и которые Вообще ничего нам не говорят.

– Стало быть, они с нами? - не желала успокаиваться Спет. - На нашей стороне? Что ж, раз ты так думаешь, поверим. Но что они могут? Что по силам любой из нас? Только готовность умереть, когда придет время.

У Торпа гнев смешался с толикой приязни - ему были вполне понятны и близки слова этой девушки. На языке вертелся ободряющий ответ, но слететь так и не решился - слишком сурова была правда. Даже Хэдли, весельчак от природы, не нашел, что сказать. Пожилая женщина долго хмурилась, наконец раскрыла рот, однако проговорить ничего не успела - в комнату вошла юная вестница. Выслушав ее, верховная жрица обернулась к землянам.

– Шеллы сообщают, что отбуксировали к берегу маленький корабль, на котором вы спаслись. Желают знать, представляет ли он для вас ценность.

Шкода оторвался от еды, выражение предупредительной вежливости на его лице уступило возбуждению.

– Наш «стручок»! Конечно, он пригодится. Еще как!

– Да, двигатель может понадобиться, - кивнул Торп. - А также аккумуляторы, приборы и многое другое. Если только все это не испорчено. - Он повернулся к Матери Хатар и добавил серьезным тоном: - Нам еще раз потребуется ваша помощь. Но мы надеемся в скором времени отплатить добром за добро.

– Какая именно помощь вам нужна?

– Во-первых, переводчик, чтобы мы могли разговаривать с шеллами. Во-вторых, транспортное средство, которое доставит нас к кораблю, а затем привезет сюда все, что мы с него снимем.

– А еще инструменты, - проворчал Хэдли. - Шуточное ли дело - целый корабль разобрать по винтикам? Или думаете, для такой работенки достаточно плюгавого слесарного наборчика старины Ника?

– Верно, провозиться можно долго, - согласился Торп. - Демонтаж корабля - работа сложная. Но не стоит расстраиваться раньше времени. Сначала посмотрим, что уцелело. Может, там уже один утиль.

– Очень хорошо. - Взгляд старой женщины пробежался по лицам внимательно слушающих жриц. - Пожалуй, ехать с землянами следует двум Сестрам. Одной из вас и Младшей... Нет, - поправилась она, - лучше, если поедут две Старшие. Ввиду особой сложности задачи. Кто желает?

– Я готова исполнить свой долг, - прозвучало негромко, и Торп не удивился, узнав голос Шенн.

Он подавил улыбку. Но не удержался от изумления, когда заговорил Шкода.

– Если не возражаете, я бы предпочел сам выбрать помощницу. Только что одна из вас показывала, как лихо она обращается с ножом. Ее имя Спет, правильно? Спет, ты не откажешься побыть переводчицей?

Атмосфера снова вмиг наэлектризовалась, повисла тишина. Торп хмурился и гадал, что затеял его товарищ. Неужели осознанно лезет на рожон? Все взоры были обращены на Спет. Она вздернула подбородок.

– Так и быть, мужчина. Я буду переводить твои слова.

– Вот и славно, - ухмыльнулся Шкода. - Ну что ж, я готов действовать. А вы?

Через десять минут земляне вслед за двумя Старшими Сестрами молча вышли из тихого зала во двор святилища, в многоголосый гул. Разглядев как следует вестниц из племени шелла, Торп обнаружил несомненные черты сходства с суровыми лучницами, которые не далее как вчера конвоировали пленников. Но как поразительно изменилось отношение этих женщин к Торпу и его товарищам! Полдюжины представительниц шелла, пришедших к Святилищу, держались весело и непринужденно. Все они явились в чем-то наподобие саронгов с пестрым ярким рисунком. Правда, с появлением землян возникла и некоторая скованность, но ей было очень далеко до былой откровенной враждебности. Наверное, шелл успокоил теплый прием, оказанный чужеземцам жрицами Хатар.

Все же от глаз Торпа не укрылось, что каждая женщина за поясом носит топорик с обоюдоострым лезвием, к правой икре пристегнут нож с тяжелым клинком, а ремни, пересекающие шею и грудь, удерживают на спине двухфутовый меч. Но он вмиг забыл об этих воинственных особах, стоило поглядеть на пригнанный ими экипаж и запряженную в него тварь.

- Господь всемилостивый и святые угодники! Кто это? - воскликнул он.

Рядом охнул потрясенный Шкода.

Диво дивное стояло на четырех высоченных, по плечо человеку, ногах. А у самого плеч было три - и только с обращенного к землянам боку. Всего конечно же шесть - по одному на каждую из шести ног, массивных, толщиной с мужское бедро, и вооруженных короткими когтями. Впрочем, ногам и требовалась недюжинная сила, чтобы поддерживать широкое туловище десяти футов в длину от шеи до короткого хвостового отростка в налегающих друг на дружку, как черепица, чешуях. Но больше всего поражала громадная башка.

- Точь-в-точь крокодил с расплющенной мордой, - пробормотал Хэдли. - Бог ты

мой! Неужели такие чудища бывают ручными?

– Тут его, похоже, никто не боится, - заметил Торп. - Хотя повстречать темной ночью такую зверюгу...

Зверь повернул к ним голову, смахивающую на совковую лопату, а затем пасть распахнулась настежь и исторгла рык - ни дать ни взять далекий раскат грома. Стоявшая рядом шелла подняла руку и отвесила чудищу такую крепкую оплеуху, что разлетелось эхо. Жуткая башка вернулась в исходное положение, тварь застыла как ни в чем не бывало.

– Вот тебе и ответ, - ухмыльнулся Торп и зашагал вперед, стараясь не слишком удаляться от кошмарной морды. Еще не хватало, чтобы его приняли за труса!

Повозка так смахивала на обыкновенную земную телегу, что он сразу успокоился и приободрился. Громадные передние колеса держались на вертлюгах, все ободья были обиты кожей, и крепились части в основном не гвоздями, а ремнями и веревками. Но, по сути, конструкция была очень знакомая.

– Как они, черт подери, управляют этим драконом? - сказал Хэдли. - Что-то я тут не вижу ничего похожего на вожжи.

В повозку забрались Шенн и Спет, встали у передка. Следом вскарабкался Торп, а за ним и его товарищи. Они стояли, смотрели, ждали. С каждого звериного бока заняли позицию три шеллы. Кто-то выкрикнул приказ. По крепкому туловищу тяглового животного забарабанили кулаки, и град пинков обрушился на его толстые ноги. Зверь двинулся вперевалку, медленно, громоздко, разом переставляя по три ноги. Женщины не отставали, их кулаки и босые ступни не унимались, пока не добились от гужевого скорости, эквивалентной быстрому человеческому шагу. Наконец они остались позади, только одна лихо запрыгнула точнехонько на лопатообразную морду и, качаясь в такт животному, плавными движениями переместилась назад, очутившись точно на костяном горбу, где туловище стыковалось с головой. Так она и сидела - ноги раскинуты, живот удобно прижат к звериному горбу, руки - на бедрах. И чувствовала она себя в таком положении совершенно свободно. По крайней мере, так казалось со стороны.

– Кучер, как пить дать, - заявил держащийся за борт повозки Хэдли. - Но мне все еще невдомек, почему зверь ее слушается.

К этому добавилось не слишком приятное открытие, что шестиног, кренящийся, словно лодка в шторм, все наращивает скорость, и остальные женщины, хоть и бегут во всю прыть, остались далеко позади.

– На такой колее кучер, поди, и не нужен, - хрипло произнес Шкода, когда кибитку затрясло на узкой, обсаженной деревьями дороге.

Торп различил впереди быстро приближающуюся развилку.

– Скоро увидим, нужен он или не нужен, - мрачно откликнулся лейтенант. - Наверное, посмотреть будет на что.

Все оказалось простым до элегантности. Он едва успел заметить, как всадница непринужденно согнула ногу в колене и поставила ее на левый глаз животного, закрыв стопой всю костяную глазницу. Зверь быстро, насколько позволила его масса, развернул голову влево, и громадная туша повторила тот же маневр. Женщина преспокойно убрала ногу и вернулась в прежнюю позу. Торп ухмыльнулся. А в следующий миг заметил двух жриц в белых жакетах и платьях - они безмолвно и чинно стояли впереди. Ухмылка исчезла с его лица.

– Что ты затевал, когда подначивал Спет? - тихо обратился он к Шкоде. - Надеюсь, у тебя нет от меня секретов?

– Если ты не шутил насчет земных кораблей, чтобы они сюда прилетели и все разбомбили, то эта идея не по мне, - парировал Шкода. - Я кое-что придумал. Если получится, потом расскажу. Не один Пэдди тут маленько смыслит в психологии.

– Я бы это назвал философией, - возразил Хэдли, - а философия и психология - не одно и то же. Я и сам пытаюсь шевелить мозгами. Парни, вы обратили внимание на зверюгу, что нас тащит? Кошмарная тварь! Но - ручная.

– Хватит загадок, - проворчал Торп.

– Нет, ты все-таки послушай, потому что это важно. Мы тоже кажемся кошмарными тварями здешним дамам, о чем не следует забывать. Они еще не поняли, что мы ручные. Однако сейчас я прошу тебя, Джереми, поразмыслить о другом. Мы не единственные мужчины на всю планету амазонок, да поможет нам Господь. Эти женщины, в сущности, и не женщины вовсе. Погоди, Ник, дай договорить. Женщина только тогда женщина, когда ее можно сравнить с мужчиной. И когда у нее с мужчиной отношения. Иначе какая может быть женственность?

– Пэдди, ежели у тебя есть мысль, будь другом, кончай ходить вокруг да около.

– Ладно. Вы сами видели - не могли не видеть, - как эти милые создания подчеркивают свои женские качества. А видали когда-нибудь, как накачанный парень выставляет напоказ свою мускулатуру? И для чего он это делает, если только не старается изо всех сил убедить себя, что он настоящий мужчина? Он не уверен в себе. Если у тебя с телом и головой все в порядке, нет нужды это подчеркивать. То же самое касается здоровой и умной женщины, ей ни к чему выпячивать свое здоровье и ум. Бернард Шоу - ирландец, естественно, - что-то сказал по этому поводу. Точно припомнить не возьмусь, но примерно так: когда на женщине слишком много краски и маловато одежды, она озабочена.

– Это я озабочен, - процедил Шкода.

– Ни черта не пойму в твоей болтовне и не уверен, что ты сам хоть что-нибудь понимаешь.

– Я-то понимаю. Видишь ли, я твердо знаю, что все эти малютки - натуры женственные. В глубине души. Ничего не поделаешь - биология. Сознанию можно внушить что угодно, подсознанию - ничего. Получается, что каждая из них - как мина, поставленная на боевой взвод. Мы посреди минного поля. Один неправильный шаг - и все взлетит на воздух. Тогда я нам не позавидую!

– Не волнуйся, - изрек Торп со всей уверенностью, какую только удалось в себе найти. - Женщины еще до нас боялись мужчин, они как-нибудь выдержат.

– Нас трое... а их сколько? Три миллиона? И еще три поколения прожили в слепой ненависти!

Зверь с грохотом выкатил повозку из аллеи на берег, под яркое солнце, и неприятный разговор прекратился - надо было осмотреться. Внизу, в глубоко врезанной в сушу бухточке, яблоку было негде упасть - сплошь лодки. Одни лежали на боку на бревенчатой пристани, другие, заякоренные, ровными рядами покачивались на воде. Это были парусные плоскодонки с широкими носами, чтобы легче вытаскивать их на песок и разгружать. Мачты крепились к бортам и соединялись друг с другом верхушками, точно ножки циркуля; виднелось хитросплетение оснастки. Флот был сугубо рыболовецким, суденышки все до одного чистенькие, ухоженные. Торп вспомнил, как поначалу принял шелл за дикарей, и криво улыбнулся.

Затем его внимание привлек металлический цилиндр - покрытый грязью и вмятинами, он неуклюже покачивался у дальнего конца причала.

– Вот он, наш «стручок», - сказал лейтенант, - и, судя по всему, еще способен держаться на плаву. Видно, не так уж страшно ему и досталось.

Всадница поставила ступни в обе костяные глазницы, и чудище резко остановилось у края пристани. Шенн перекинулась с возницей несколькими словами, затем повернулась и дала пассажирам знак спешиться.

– Кэлла будет ждать здесь, на тот случай, если она нам еще понадобится.

– Кэлла? Повозка? А как вы называете это шестиногое несусветное чудище?

– Мок. - Шенн нахмурилась. - Что в нем несусветного? А, понимаю, вам непривычен его вид. Но ведь у вас тоже есть тягловые животные, верно? Мок - создание очень спокойное, хотя и глупое. Зато он трудолюбив и надежен.

Она зашагала по настилу пристани, за ней последовала Спет.

Лейтенант тоже тронулся с места. Шагая, он рассматривал свой пострадавший

кораблик.

– Воды под завязку, и откачать не удалось бы, даже будь у нас помпа, потому что люк открыт. И по той же причине нельзя закачать воздух. А если закрыть люк, вообще будет туда не проникнуть.

– Вот счастье-то, а! - Шкода почесал в затылке. - Значит, нам теперь нужно водолазное снаряжение, чтобы работать под водой. Без света и инструментов.

– А как насчет скафандров? - предложил Хэдди. - Если к ногам прицепить грузы...

Торп отрицательно покачал головой:

– Может, и придется, но я бы предпочел обойтись без этого. Слишком они, черт бы их побрал, неудобные. - Помолчав несколько секунд, он сказал: - Как насчет того, чтобы развернуть? А? Люком вверх! И воду вычерпать. Правда, тяжелый «стручок» - жуть.

– По-твоему, сколько он весит? - спросил Шкода. - Пустой - около пяти тонн, а с водой на борту - как минимум вдвое больше.

– Думаешь, поднять? Вряд ли у шелл найдутся снасти для такой махины, но спросить можно. Шенн! Ты понимаешь, о чем мы тут говорим, что хотим сделать?

– Думаю, да, - с еле заметным кивком ответила девушка. - Я попрошу, чтобы вам помогли. Вы хотите знать, есть ли у шелл достаточно крепкие веревки, чтобы поднять чертову штуковину и вылить из нее воду?

У Торпа рот открылся от изумления, но он тотчас спохватился и кивнул.

И тут Шкода издал приглушенный звук. Лейтенант стремительно повернулся к нему и вскинул руку. В нескольких шагах от них стояла Спет, глядя на землян с подчеркнутым безразличием.

– Ник, постой, ни слова! Пэдди, по-моему, мы сейчас докажем, что ты ошибался. Я виноват: не следил за своим языком в присутствии невинной девушки. Очевидно, она не понимает значения этого слова, отметила лишь, что я его использовал для эмоциональной окраски. И решила мне подражать. Выходит, она готова учиться у нас, хотя сама может не отдавать себе в этом отчета. Ну, Пэдди, как это увязывается с ненавистью ко всем мужчинам без исключения?

Хэдди осклабился, почесал подбородок.

– Я так скажу: наверное, нам помогают инстинкты.

Шкода бросил на обоих товарищей странный взгляд и отвернулся. Между тем Шенн успела побеседовать с шеллой с ближайшей лодки и теперь с сожалением качала головой.

– Они говорят, очень тяжело было буксировать чертову штуковину, а значит, поднять ее из воды вряд ли возможно. Вы ведь, конечно, знаете, что вещи, извлеченные из воды, резко набирают вес.

– Да... - Торп тяжело вздохнул, а в следующий миг громко шелкнул пальцами. - Буксировка, вот выход! Почему бы не вытянуть чертову штуковину на берег, и там из нее преспокойно выльется вода.

– Да, до берега мы ее, конечно, дотянуть можем, - согласился Шкода. - А вот вытащить - это будет работенка адская. Проблема та же, что и с подъемом, верно?

– Ничего подобного! На суше нам помогут. Как насчет мока? И мы наверняка сыщем что-нибудь вроде роульсов - здесь же моряки кругом. Шенн, ты еще понимаешь, о чем я говорю? Отбуксируем «стручок» вдоль причала до берега, затем выкатим его на песок и закрепим люком книзу, чтобы вышла вода. Для этого нам понадобится помощь нескольких шелл, но мы справимся. А еще нужен мок. И все крепкие канаты, какие только удастся собрать.

Волнение в его голосе достигло ушей Спет, и та подошла послушать. Затем ее отправили переговорить с кучером. Шенн передала настоятельные просьбы и советы землян рыбакам, и считанные минуты спустя на пристани и рядом на воде закипела работа.

Шеллы торопливо отвели лодки в разные стороны, чтобы расчистить место у пристани. Мужчины взялись за швартовочные тросы «стручка», налегли на них что было сил, и спасательная шлюпка медленно, неуклюже двинулась к берегу. Минут через пять к бурлакам

присоединились женщины, они не жалели сил, и заполненный водой цилиндр, качаясь поплавром и ударяясь о сваи, плыл все быстрее и наконец приткнулся к берегу. К этому времени мока пинками и оплеухами вынудили занять нужную позицию, развернули мордой к песчаному склону и обвязали толстыми канатами. Торп стер пот с лица и осмотрел свой трос.

- Для начала попробуем тянуть без затей, - решил он. - Посмотрим, далеко ли пройдет. А потом, если понадобится, накинem на «стручок» петли и развернем.

Быстро переговорив с Шенн и несколькими шеллами, он велел приступать и сразу убедился, что на песке от роульсов проку мало.

- Ну, ладно, - признал лейтенант свою ошибку и виновато улыбнулся женщинам. - Я должен был это предвидеть. Да, черт возьми, слишком мягкий грунт.

Тогда они прибегли к грубой силе, и мок показал себя молодцом - он налегал на упряжь, пока тяжеленный цилиндр не пропахал влажную борозду в три четверти своей длины. Но потом, как он ни старался, проку не было - появились только борозды от его ног. Торп скомандовал «стой» и, подойдя к зверю, благодарно похлопал по раздувающемуся боку.

- Полегче, дружок, - сам тяжело дыша от натуги, проговорил Джереми. - Побереги силы.

Он дал кучеру знак остановиться, затем объяснил жестами, как надо перевязать канаты, вошел по грудь в воду и пропустил под цилиндром первую веревку. Некоторые шеллы уже сняли пестрые саронги и остались только в ремнях, которые Торп видел на них при первой встрече. Однако былой враждебности не осталось - только искренняя заинтересованность в общем деле. Торп удивился, когда вдруг увидел перед собой Шенн - чтобы помочь ему, она зашла в воду.

- Шлюпка слишком тяжела, чтобы тащить ее напрямик, - объяснил Торп. - Но канат обмотан вокруг нее в несколько витков, и, если несколько человек потянут за этот конец, она покатится. Ник, ты держи наготове другой трос, накинь петлю на нос «стручка», когда мы его сдвинем. Пэдди, будь со мною рядом, понадобится твоя сила. Ты, Шенн, тоже, если хочешь. Все помогают!

Она охотно схватилась за канат. И «стручок» покатился - вначале тяжело, потом все быстрее и наконец лег параллельно кромке берега. Откинулась дверца люка, показалось темное корабельное нутро, и наружу хлынула вода. Но немного - отверстие люка находилось на самом верху.

К этому времени Шкода, разок-другой едва избежавший увечий, ухитрился накинуть на носовую часть шлюпки петлю второго длинного троса и теперь тянул за него вместе с Хэдли и несколькими шеллами. Торп повернул голову и обратился к Шенн:

- Видишь? Некоторое время они будут удерживать шлюпку в таком положении. Ник! Не отпускай. Я заберусь и попробую закрепить люк.

Цепляясь за веревки он вскарабкался на «стручок», а затем пробрался в люк, погрузившись на пять футов в темную воду. Там нашарил обрывки противоперегрузочной «сбруи» и вытянул в отверстие достаточно толстый пучок ремней - теперь люк не захлопнется. После чего вылез, спрыгнул на песок и замахал руками на толпу, чтобы отступила.

К этому времени несколько шелл уже поняли его замысел. «Стручок» покатился, снова и снова появлялось темное отверстие и выплескивалась вода. Женщины с бревнышками в руках осторожно зашли со стороны моря. Торп, увидев это, одобрительно ухмыльнулся. В нужный момент он дал сигнал, и глубоко в песок вошли деревянные колья, а затем на них налег выпуклый металлический бок «стручка».

- Отлично! - перевел дух Торп. - Теперь не сдвинется. Можем отдохнуть. Шенн, ты не передашь от меня шеллам огромное спасибо за помощь? Они чертовски здорово поработали.

И снова - знакомое недоуменное выражение на лице и даже смятение, а затем девушка кивнула и обратилась, повысив голос, к небольшой толпе рыбаков. А в следующий миг

растеряться пришлось Торпу - дружелюбия, участия как ни бывало. Женщины в тяжелом молчании переглянулись и одна за другой пошли по своим делам. С землянами остались только две жрицы.

Глава 10

— И как это все понимать? - мрачно обратился Торп к Шенн.

Спет опередила ее с ответом:

— Твои слова им напомнили, что вы - мужчины и что они вам помогли. Мы тоже, оказывая вам содействие, гадаем, что нас к этому принуждает.

— Я не гадаю! - запротестовала Шенн, и голос ее звучал резче, чем обычно. - Эти мужчины не похожи на других.

— Хватит спорить, - вмешался Шкода. - У нас хватает дел поважнее. Я хочу, чтобы ты, - взглянул он на Спет, и та мгновенно вскинула подбородок, - залезла со мной туда. - Радист кивком указал на черный проем люка, чей нижний край уже находился на уровне земли.

Девушка нервно скрестила руки на груди, схватилась за кинжалы.

— За дуру меня принимаешь?

— Если не пойдешь, приму и за дуру, и за трусиху. Я хочу тебе кое-что показать. И вдобавок может понадобится твоя помощь.

Торп наблюдал, как Спет колеблется и наконец сжимает зубы. Через секунду-другую она опустилась на корточки, глядя, как Шкода червяком заползает по песку в люк. Чуть позже изнутри полился голубой свет. Спет опустилась на колени, заглянула в люк, а потом и сама залезла. Торп удовлетворенно кивнул.

— Шенн, ты тоже. Места там достаточно и есть на что посмотреть. Давай, это не опасно.

Она помешкала, но все-таки полезла в «стручок».

— Что за игры? Что он затеял? - Похоже, Хэдли не на шутку встревожился.

— Шкода молодец, правильно соображает. Помнишь, он говорил, что девчонки - доки в радиоделе? Это их религия. Вот Ник и решил показать одно-два земных чуда. Аккумуляторы еще не совсем дохлые, энергии хватит хотя бы для приборов. Вдобавок девушки еще не видели телевизиальной аппаратуры. Бьюсь об заклад, у них сейчас глаза - что твои блюдца.

Догадка оказалась верной. Появились жрицы, и выглядели они, мягко говоря, ошарашенными.

— Вы обладаете сокровенными тайнами Хатар! Мы о них столько мечтали, даже не надеясь раскрыть! Поистине, вы не похожи на других мужчин, если сумели постичь эту науку. Да, больше у нас нет сомнений, - проговорила Шенн.

Спет выразилась еще красноречивее. Она подошла к Торпу, молниеносно выхватила кинжалы и подала их ему рукоятками вперед.

— О мужчина, это оружие никогда больше не обратится против тебя. Я спрошу только одно: чем я могу служить властелинам тайн Хатар?

— Прибереги ножики, - сказал лейтенант. - Нас тут всего трое, остальные мужчины не такие добрые. Что же касается служения... - Он повернулся к Шкоде - тот отряхивал песок с колен. - Ник, ты у нас специалист. В каком состоянии аппаратура?

— Все не так уж плохо. Приборы целы, аккумуляторы можно перезарядить, если раздобудем жидкое углеводородное топливо. И энергопреобразователь двигателя на вид в порядке. Всего нужнее сейчас инструменты.

Понадобилось много жестов и доступных пониманию слов, и в результате выяснилось, что в инструментальном деле шеллы кое-что смыслят. Работали они, правда, большей частью по дереву и камню, но понемножку и с металлами, в основном с медью и различными сортами бронзы. Они умели изготавливать очень хорошую медную и серебряную проволоку для применения в разнообразных устройствах.

— Вдобавок многие из этих женщин, - добавила Шенн, - трудились на верфях Сияющих.

— Они? - поразился Торп. - Шеллы?

– Да, некоторые. Тебя это удивляет?

– Черт с ним, с удивлением, - вмешался Шкода. - Ты только постарайся, чтобы нам помогли. Опытные судостроители - это же настоящий подарок!

– Вот что мы сейчас сделаем! - Торпа вдруг осенила счастливая идея. - И не только ради инструментов!

Спет получила задание и убежала добывать нужные сведения. Вскоре она вернулась и возбужденно доложила: совсем неподалеку от берега несколько опытных корабелок соорудили что-то вроде современной мастерской для нужд рыболовецкого флота.

– Отлично, - ухмыльнулся Торп. - Ну, ребята, это как раз то, что нам нужно. Пора передохнуть. Ник! - Он отвел товарищей в сторону. - Вы с Хэдли возьмите на себя демонтаж, снимите со шлюпки все, что может пригодиться. Спет останется при вас переводчиком. Мы с Шенн отберем женщин, которые побольше смыслят в судостроении. Если только найду что-нибудь похожее на бумагу и карандаш, то выясню о блестящих кораблях все до малейшей детали. Нам известно, что главный источник энергии и двигатели у них действуют на тех же принципах, что и наши, однако наверняка мы чертовски многого не знаем.

Например, чем вегиане компенсируют сверхперегрузки. И на чем основаны их средства связи.

Лейтенант простился с товарищами и вышел на указанную Спет широкую дорогу, разбитую колесами многочисленных подвод. Кто бы ни находился на том конце пути, он привык возить большие грузы.

– Может, здесь измеряют мощность в моковых силах? - вслух подумал Джереми и хихикнул.

С ним поравнялась Шенн, поглядела искоса.

– Джереми Торп, ты доволен? Поэтому улыбаешься?

– Я люблю, когда дело сдвигается с мертвой точки, когда есть к чему стремиться, - объяснил он. - Когда появляется надежда, перспектива, шанс. Тебе эти слова о чем-нибудь говорят?

– О да, я понимаю. И когда ты улыбнулся, мне тоже захотелось улыбнуться, тоже захотелось радоваться. Это и есть «черт возьми», да?

Он крепко задумался, даже головой потряс.

– Знаешь, трудно объяснить. Словосочетание не самое подходящее, даже, можно сказать, не словосочетание, а просто звук, позволяющий выразить чувство, слишком сильное для слов. Послушай, Шенн, когда ты была в нашей шлюпке, ты ведь здорово удивилась, да? Ну а теперь, предположим, я скажу, что те приборы у нас - самые маленькие, у них только аварийное предназначение, а на больших кораблях установлены такие же, но в сто раз лучше. Что тогда? И предположим, прежде чем ты ответишь, я добавлю: в мирное время на Земле были устройства, которые передавали огромные картины в цвете и с чистейшим звуком в любую точку планеты, и было их так много, что они стояли почти в каждом доме. Что ты теперь чувствуешь? Найдутся слова, чтобы это выразить?

Она отрицательно покачала головой и глубоко вздохнула:

– Должно быть, у вас поистине чудесный мир, если столь удивительными вещами дано пользоваться даже простым людям. Да, все так, как ты говоришь. У меня нет слов, чтобы передать восхищение.

– Вот то-то. У нас, когда мы в восторге, тоже подчас не хватает слов. Поэтому мы прибегаем к бессмысленным звукам. И ни к чему тебе обращать на них излишнее внимание. Ты лучше вот что скажи: каким образом некоторым шеллам удалось получить специальность судостроителей? Что, Сияющие прилетали на остров рабочих набирать?

– Посмели бы они! - возмутилась девушка. - Прежде чем здесь сядет хоть один корабль, мы все погибнем! И жирицы Хатар, и шеллы!

Но тут же с покаянной улыбкой она сменила гнев на легкое смущение и сказала: «Черт!» И объяснила более спокойным тоном:

– Шеллы - люди гордые и честные. Совет старейшин этого племени давным-давно

сделал выбор, выбор между самоубийством и достойным выживанием. Теперь раз в год они проводят большие игры и решают, кто наиболее пригоден в рабочие. Победители - их пятьдесят человек - садятся на судно, плывут в Геклон и отдают свой труд Сияющим.

От этих слов у Торпа по спине побежали мурашки. А Шенн продолжала все с тем же спокойствием:

– Тех, у кого родятся дети мужского пола, мы уже никогда не видим. Они - проигравшие. Но женщины, родившие девочек, возвращаются сюда. И это позволяет выживать.

Торпу захотелось спросить, как решает вопрос выживания орден Хатар, но они уже достигли поляны, и он увидел заводик. У разъезженной дороги стояли парами четыре больших деревянных строения. Над высокими трубами курился дым. Доносились удары молотов по металлу и гул механизмов. Резко пахло окалиной и свежими опилками.

У шелл оказались не только писчебумажные принадлежности - были и кабинеты, где занимались черчением и проектированием. К мужчинам вышла управляющая мастерской - пожилая шелла; в каждой ее черточке, во всей ее стати сквозила властность. С Сестрами Хатар она разговаривала уважительно, однако мужчин буравила враждебным взглядом, пока Шенн и Спет не убедили ее, потратив изрядно времени, что для этого нет никаких причин. Наконец Спет с двумя шеллами удалилась в сарай, откуда доносились удары молотов, а Торп остался с Шенн и все еще настороженной управляющей. Выглядела она лет на полста, и Шенн звала ее именем Маркат. Лицо ее было покрыто не морщинами, а глубокими складками, в движениях не замечалось никакой вялости или окостенелости. Лейтенант отметил немногочисленные знаки власти - серебряные браслеты на руках, а на кожаных ремнях - узорные вставки. Как и остальные шеллы, Маркат носила пестрый саронг и постоянно демонстрировала бескомпромиссную враждебность. Наконец до нее вроде бы дошло, что Торп хочет лишь узнать о кораблях Сияющих - вдруг ей известны какие-нибудь секреты, которые пригодятся тому, кто решил задать вегианам взбучку. И тогда она оживилась.

Через несколько минут они стояли, едва не соприкасаясь головами, перед чертежной доской в маленьком кабинете. Подошли еще две женщины, очень ловко обращавшиеся с уголками и линейками. Маркат взялась чертить абрис корабля, объясняя через Шенн, что все корабли Сияющих строятся по одному образцу. Торп пристально следил, как она изображает разные отсеки, стирает, перерисовывает, добиваясь правильных пропорций. Затем Маркат велела помощникам подготовить детальные чертежи каждого узла. Все это сопровождалось энергичными обсуждениями и спорами.

Торп смотрел и постепенно узнавал знакомые элементы. Рубка управления, ствол главного двигателя, топливный резервуар, силовой отсек, маневровые двигатели, помещение для сна и приема пищи, оружейные порты... Хватало и не столь легко узнаваемых вещей. Он указал пальцем на один из отсеков незнакомого предназначения и задал через Шенн вопрос, чем сильно подстегнул и без того оживленную дискуссию. Наконец Шенн ответила:

– Тут, как объясняет Маркат, находится устройство, которое делает предметы тяжелыми. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– А! - понимающе кивнул он. - Псевдогравитационная установка. Такие и у нас есть, только поменьше. Да, чертовски большой механизм, судя по чертежу. Может быть, конструкция отличается от нашей?

Торп хотел перейти к обсуждению следующего элемента, но молодая помощница управляющей уже принялась за подробный эскиз псевдограва, и одна-две странные детали пробудили в землянине интерес. В частности, связка проводов на выходе устройства. Что еще может создавать псевдограв, кроме местного притяжения? И разве оно передается по проводам? В чем тут загадка? Псевдограв генерирует поле, аналогичное магнитному, а вовсе не ток.

Бурные речи и жестикулирование продолжались довольно долго, затем Шенн произнесла по-английски:

– Они говорят, эти толстые провода идут через весь корабль и заканчиваются на обшивке. По словам Маркат, очень важно, чтобы концы всех проводов вплавлялись в блестящую оболочку; Сияющие всегда строго следят за исполнением.

– Значит, это и правда важно. Хорошо, запомню, хотя пока не вижу смысла.

Они перешли к другим вопросам: к подробному обсуждению тепловых излучателей и метателей осколочных бомб, к изучению затворов оружейных портиков. Покамест Торп не представлял себе, какой из этих узлов - самый важный. Оставалось только одно: мотать на ус все, что ни скажут. Лишь хриплый рев гудка напомнил землянину, что время идет своим чередом и он успел зверски проголодаться.

– Ну, мы почти уложились, - заявил Джереми. - Во всяком случае, на сегодня хватит. Я бы хотел забрать лучшие из чертежей и буду очень обязан нашим новым друзьям, если со временем они предоставят остальные. Любая мелочь может оказаться бесценной.

Когда Шенн перевела эти слова, он добавил:

– И пожалуйста, скажи Маркат и ее помощникам, что я очень признателен и надеюсь когда-нибудь отплатить добром за добро.

Торп не забыл, что случилось в прошлый раз, когда он благодарил женщин, поэтому схожий отклик его не удивил. Да, схожий, но не столь выразительный. Три шеллы насупились и отступили - одухотворенности, увлеченности в глазах как не бывало. Но спустя несколько секунд, необходимых для одного-единственного глубокого вдоха, Маркат шагнула вперед и прижала правую руку к телу так, чтобы ладонь легла на левую грудь. Неловко поклонилась и сказала несколько слов, отчего у Шенн брови полезли на лоб, и она подумала, прежде чем ответить. Как только все покинули здание и управляющая ушла по своим неотложным делам, Торп потребовал объяснений. Шенн порозовела от смущения и огорчения.

– Я, сама того не желая, оказала вам плохую услугу, - пробормотала девушка. - Разговаривая с шеллами, я использовала их аналог слова «мужчины». Понимаешь ли, другого у них нет. И к мужчинам они питают те же чувства, что и мы. К мужчинам, которых мы знаем. Поэтому, когда я сказала: «Эти мужчины вам благодарны», я совершила ошибку. Надо было думать как следует! Мне стыдно! Черт!

– Ничего, все в порядке, - со смехом сказал Торп. - От тебя ничего не зависело. Придется нам как следует потрудиться, чтобы тут изменилось отношение к нашему полу, только и всего. Ты лучше расскажи об этой женщине, о Маркат, и о ее странном прощальном ритуале.

– Маркат старше многих и, возможно, рассудительней. Она произнесла общие слова, которые служат для приветствий и прощаний, но этого жеста, когда руку кладут на грудь, я не знаю. Спрошу Мать Хатар.

– Ну, а пока нам лучше вернуться на берег и посмотреть, как продвигается работа. Надеюсь, Ник с Пэдди получили инструменты, иначе все наши мечты развеются, как дым.

Между тем мока вновь впрягли в телегу, уже нагруженную драгоценными деталями. Хэдли устало взобрался на песчаный берег с аптечкой в одной руке и батареей аккумуляторов в другой, положил их в повозку.

– Батарей там еще много, - сообщил он, тяжело дыша. - И двигатель остался. Без автогенов нам его не снять, да если бы и сняли, какой прок? Но с остальным почти никаких проблем. Труднее всего было вычерпать остаток воды. Ага, к нам идут Ник с девочкой. Она просто молодец, очень старается.

Спет раскраснелась от физического труда, волосы беспорядочно рассыпались по лицу, однако шагала девушка твердо и держала в каждой руке по аккумуляторной батарее. Следом за ней ступал Шкода, усталый, но, похоже, довольный собой.

– Мне со всем этим возни на несколько недель. - Радист опустил свою ношу на груды демонтированного оборудования. - Похоже, все исправно, и энергии хватит почти на все, что нам может понадобиться, кроме разве что полетов на «стручке». Ай да денек! Я, пожалуй, не откажусь чего-нибудь пожевать. Да и побриться.

– Кстати, о бритье, – пробормотал Торп, когда они забрались в повозку и шеллы заработали кулаками и ступнями. – Шенн, ты в курсе, у Сияющих есть волосы на лицах?

Этот вопрос поверг и ее и Спет в растерянность. Усталость не помешала Спет прыгнуть с телеги и подбежать к шеллам. Расспросив их, она вернулась бегом; мок тем временем уже ковылял вперед. Девушка прыгнула, вцепилась в борт, не отвергла протянутую Шкодой руку, упала на дно телеги и отрицательно покачала головой.

– Никто из них не видел Сияющего с волосатым покровом на лице. Чем это можно объяснить?

– Придет время – узнаем. Друзья, товарищи мои по оружию, мы с вами станем Бородатыми!

Шкода с Хэдли недоуменно посмотрели на лейтенанта, и Торп объяснил:

– Мы – мужчины, но иные. Понятно? Если будем выглядеть иначе, то основательно упростим себе жизнь.

– Обрасти шерстью?! – Шкода почесал щетинистый подбородок и застонал. – И это после того, как я с таким трудом сломал лед отчуждения... Неужели нельзя придумать что-нибудь другое?

– Ник, не спеши горевать. Мы будем отличаться не только от мужчин – от здешнего стереотипа мужчины, – но и от женщин. И это нам пригодится. Верно, Пэдди?

– Я, пожалуй, соглашусь. Слава Богу, женщины тут не научились отращивать усы.

– Кстати, тебе есть чем гордиться, – многозначительно добавил Торп, обращаясь к Шкоде. – Только что ты подал Спет руку, а она и глазом не моргнула. Вчера вечером, когда я беседовал с Шенн, бедняжка чуть не померла от страха, стоило до нее случайно дотронуться. Мы делаем успехи.

– Ты все еще считаешь, что донести Земле о вегианской базе – единственный выход? – язвительно поинтересовался Шкода, и Торп нахмурился.

– Может, и не считаю. Не исключено, что есть способ получше, все зависит от обстоятельств. А как понимать твой вопрос? Берешься собрать «дирак»?

– Не гарантирую, что он будет работать, и не думаю делать приемник. Я ведь тебе говорил, здешняя техника приема далеко опередила нашу. Зато по части передачи я наверняка смогу немало. Конструктивно здешние передатчики – я не говорю о мощности, – во многом схожи с земными. Чтобы окончательно в этом убедиться, мне нужно еще три-четыре дня, но уже сейчас перспектива обнадеживает.

Хэдли привалился спиной к борту телеги и уперся ступнями в трясущуюся грудку батарей.

– У тебя каша в голове, – сказал он Шкоде. – Сначала говоришь, что ты против вовлечения этой миленькой планетки в галактическую бойню, и я с тобой соглашаюсь. Теперь намекаешь, что можешь построить систему «дирак». Как все понимать прикажешь? Сам же утверждал, что это невозможно. Вроде ничего кругом не изменилось, почему же ты передумал?

– Потому что у меня появилась новая идея, только и всего. Сигнал дойдет до Земли дней за десять. Командование, никаких сомнений, пришлет сюда тяжелую эскадру. И та раздолбает Лодор вдребезги. А ведь есть альтернатива. Скажем, штаб присылает один-два корабля с опытными инструкторами, они потихонечку высаживаются, и мы начинаем партизанскую войну. Понял, к чему я клоню? Нам может пригодиться орден Хатар – это превосходно отлаженная система связи, да и девочки готовы сотрудничать, только дай им шанс. Мы это доказали, а ведь мы – простые флотские ребята. Представляешь, чего на нашем месте могут добиться спец?

Шкода рассуждал здраво, и Торп слегка устыдился, что не додумался до такого сам. Но он уже предвидел затруднения.

– Помнится, ты говорил об утечках информации, – сказал Джереми. – С тех пор мы, правда, узнали кое-что новое. Согласен, не похоже, что женщины могут сознательно нас предать. Но они способны проговориться. Или попасть в плен и все рассказать под пытками.

Нас тут горстка, и пока нам везет. Но целая армия - это уже совсем другое дело.

– И все же попробовать стоит. По крайней мере лучше, чем твоя затея с уничтожением базы, а заодно и всей планеты.

– Ладно, Ник, не дави на меня. Я могу предложить только одно: что бы мы ни замыслили, надо рассказать женщинам, пускай они сами решают, как быть. Когда вернемся, вы с Пэдди займитесь техникой, расскажите Сестрам, что у нас есть и для чего оно может пригодиться. А я навещу старушку, поделюсь соображениями и послушаю, что она скажет.

Глава 11

Мать Хатар встретила его у себя в покое почти любезно.

– Надеюсь, вам удалось собрать достаточно ценного оборудования. Достаточно для того, чтобы показать нам иные из ваших чудес. Мы очень хотим учиться.

– А вдруг земная наука не пойдет вам впрок? А вдруг она приведет к огромной беде? Теперь у нас есть необходимые детали. Возни с ними будет много, но, если повезет, мы отправим на Землю донесение.

– И это будет великим успехом, - бесстрастным голосом произнесла жрица.

– Я говорю о совершенно ином принципе радиосвязи. Весть доберется до нашей планеты дней за десять. И через тридцать суток здесь появится земной флот.

– Флот? Земные корабли? С какой целью?

– Вот в этом-то все и дело.

И Торп изложил варианты. Либо сокрушительный удар по вегианской базе с массовой гибелью населения планеты и глобальным радиоактивным загрязнением. Либо тайное проникновение обученной, опытной пятой колонны, а вслед за этим - неизбежные репрессии.

Лишь один раз тяжело колыхнулся ее маленький бесплодный живот.

– Почему ты мне все это рассказываешь?

– Потому что вы заслуживаете выбора. Мы-то знаем, чего от нас требует солдатский долг. Наша задача - наносить урон вегианам при любой возможности. Но планета принадлежит вам. Ваш народ, как и наш, гуманен. Нам нравится Лодор и все его население. Мы не желаем причинить вам зло, хотя судьба, похоже, требует именно этого.

– Увы, жизнь редко предлагает нам выбор, - сказала Мать Хатар, - а когда предлагает, он бывает труден. Вы уже причинили нам зло. Я это знаю доподлинно - у меня много источников информации. Вы внесли смятение в души моих Сестер. Вы взволновали шелл. Главный конструктор Маркат мне почти сверстница, но она вспомнила старые жесты для общения мужчин и женщин. Я имею в виду, для общения с настоящими мужчинами. Хотя столь опасным вещам лучше бы оставаться в забвении.

– Мне очень жаль, но я сейчас говорю не о пустяках, а о вполне реальных бедах.

– Пустяки? - У нее сверкнули глаза. - По-твоему, пустяк - тревожить мою маленькую паству, вселять в сердца нелепые, тщетные надежды?... Ладно, будем считать, что это пустяки. У меня есть вопрос. Разве не правда, что и вы, земляне, подвергнетесь громадному риску, если по Сияющим будет нанесен удар? Возможно, вам самим не удастся спастись. Так?

– На войне как на войне.

– Конечно. Мы тоже готовы жертвовать собой во имя великой цели. Но у нас нет ресурсов, нет достаточно мощного оружия, и поэтому мы были вынуждены искать другие способы. Более тонкие. Ты разбираешься в медицине?

– Весьма поверхностно. А что?

– Мы в ней кое-что смыслим. Мы искали способ определять пол еще нерожденного ребенка, много лет бились над этой задачей. Мы хотим, чтобы в гнездах Сияющих рождались только девочки.

Лишь через несколько секунд до Торпа дошел страшный смысл этих тихих слов.

– Но вдруг они заподозрят... - пробормотал он. - Даже если у вас получится. Они же

тогда...

– Отомстят? Возможно. Мы надеемся на лучшее, хотя готовы к самому плохому. А может быть, они просто уйдут. Ведь они рассуждают не так, как мы. Пока от нас есть польза для Сияющих, они здесь. Но что их удержит, если мы перестанем поставлять мальчиков? Они улетят.

– Для населения планеты это будет означать самоубийство.

– Зато перед смертью мы проживем несколько мирных лет. Как видишь, твои речи о катастрофе не кажутся нам страшными.

– Много ли народу знает о контроле за рождаемостью?

– Не только горстка фанатиков, - ответила Мать Хатар с иронией в голосе. - Между прочим, в полученной мною радиোগрамме говорится, что послезавтра к нам прибудет с визитом королева-мать Геклона.

– Зачем?

– Не ради вас, - ответила старуха с ехидной улыбкой. - Мы, жрицы Хатар, вынуждены поддерживать союз с гражданской властью. У нас общий враг, хотя по всем остальным вопросам мы не находим согласия. Рутель Геклонская в сопровождении своей фатоватой свиты совершает паломничество в святилище Хатар. Но это - маскировка. На самом деле она хочет узнать, как продвигаются наши исследования, удалось ли нам создать новое оружие. - Верховная жрица положила на стол сухонькие старческие ладони, и, разглядывая их, добавила: - Мы много раз пытались нанести поражение злобным, но успеха не имели. Они вооружены до зубов. Они регулярно раздевают и обыскивают своих рабынь. И ходят только группами, не меньше двух. Поодиночке - никогда.

– Десяток крепких женщин, - проворчал Торп, - конечно же способен разделаться с парой мерзавцев! Ты сама говорила, их в городе не больше сотни.

– Мы пробовали. Нападали на двоих, но через вздох-другой к ним на помощь прибегали два десятка. Хотя подвергнувшиеся нападению не кричали «караул». Они вообще молчали как рыбы. Такое чувство, будто у них один разум на всех. Это, конечно, миф, и все же...

– Телепатия? - Джереми задумчиво покусал губу. - Вообще-то, я бы не сказал, что это миф. Наша наука занималась экстрасенсорными явлениями, но война положила экспериментам конец. Насколько мне известно, мы ничего революционного не открыли, но добились довольно любопытных результатов.

Впрочем, если и правда у Сияющих какая-то психическая связь, это многое объясняет... Ладно, поговорим о визите августейшей особы. Вы не хотите, чтобы мы попадались ей на глаза, угадал?

– Вы - мужчины! - И этой простенькой фразы было достаточно.

Торп, обдумывая целый ворох сложных, будоражащих разум проблем, неспешно вернулся в лабораторию. И обнаружил там Шкоду среди множества девушек со счастливыми и сосредоточенными лицами. Радист где-то раздобыл несколько листов прозрачного эластичного вещества и теперь выводил на них загогулины - пытался объяснить теорию радиоволн и модуляций. Сейчас он знакомил Сестер Хатар с элегантным в своей простоте принципом действия квантового радиопередатчика «дирак».

– Эта волна путешествует с абсолютной скоростью, которую мы называем «Е». Точно так же поступает и любая другая. Ни одна волна не способна двигаться быстрее скорости света. Однако такая задача по силам смещенной модуляции. Сейчас покажу, как это происходит. Кладу одну волну поверх другой, вот так. - И он наложил на белую бумагу прозрачный лист, а на него - второй. - Сейчас чуточку сдвину верхний... Видите, промежуток между фазами совсем крошечный? Меняются не волны, а взаимосвязь между ними. Эта идея и позволила нам создать устройство, которое передает сигналы - модуляции, взаимосвязь, - многократно быстрее самих несущих волн.

Торп обогнул группу слушателей и приблизился к Хэдли - тот привалился к стене и внимал с откровенной скукой на лице.

– Девочки от восторга на седьмом небе, - прошептал он лейтенанту, - а для меня это все китайская грамота. Никому я не нужен.

– Да, в техниках по лучевым пушкам здесь острой необходимости нет, - согласился Торп. - Зато от чего бы они не отказались, так это от услуг хирурга-гинеколога.

Хэдли недоуменно поднял брови, но Торп был настолько удручен, что не потрудился объяснить. И тут до него долетело одно словечко из лексикона Шкоды и колоколом грянуло в мозг: мощность! У жриц Хатар есть только батареи на растительных кислотах и пластины. Так говорил радист. С другой стороны, Сестры умеют делать медную проволоку, а старуха упоминала, что они научились использовать силу падающей воды. Водяные мельницы... Медная проволока... Если бы только у них нашлись магниты!

Он подмигнул Хэдли:

– Пойдем со мной. Я только что придумал, чем им помочь. И хочу, чтобы ты очаровал дежурную радистку.

На сей раз у рации сидела другая девчушка. Она испугалась, но Хэдли ее успокоил и расположил к сотрудничеству меньше чем за пять минут разговора. Звали ее Лайри, и она была счастлива услужить великим инопланетным мастерам. Да, женщины знают, как обрабатывать сталь, чтобы к ней липла другая сталь или железо. Да, эта технология распространена широко и, несомненно, известна металлургам племени шелла. Что-нибудь еще угодно мужчинам с Земли?

Похоже, Лайри огорчило, что ей пришлось подвергаться опасности так недолго. Торп, уже научившийся улавливать подобные нюансы, вспомнил слова

Матери Хатар о том, что ее паства начинает забывать свои клятвы. Оно и понятно. Одно дело - проклинать мужчин, когда сталкиваешься только со свирепыми извергами, и совершенно другое - когда ситуация в корне меняется. От этих мыслей голова шла кругом, и Торп решил на время их выбросить. Он обратился к Хэдли:

– Для нас с тобой есть работа. Пускай Шкода обучит женщин всему, что, по его мнению, им следует знать о мощных передатчиках. Сейчас тут нет приличных источников энергии, кроме наших аккумуляторов, и для остальных святилищ, разбросанных по всей планете, проку от них мало. А мы научим женщин добывать энергию без батарей. Здесь есть водяные или ветряные мельницы, и медная проволока, и магниты, и кое-какие знания...

– Я понял! - обрадовался Хэдли. - Пара пустяков! Когда начнем? Утром?

– Утром. То есть спать мы сегодня ляжем рано. Лично я - прямо сейчас. Хоть разок выплусь как следует.

Джереми с наслаждением растянулся на кровати и закрыл глаза, а раскрыл, казалось, через секунду. Его разбудил шум - это Шкода устраивался на ночлег. Радист был выжат, как лимон, но торжествовал.

– Разбудил? Извини. Ты, наверное, не меньше моего вымотался. Но я должен сказать, что девочки - прекрасные ученицы, схватывают на лету. Они бы меня и не отпустили, если бы не вахтенное расписание... Бдение, так они это называют.

– Ну да. - Торп улыбнулся своим мыслям, перевернулся на другой бок и сонно подумал, кто сегодня будет караулить на крыше. И снова провалился в сон, и снова не проспал, как ему показалось, и мгновения, как его очень осторожно потрясла чья-то рука. Он сел на кровати с недовольным рыком, однако тотчас умолк, увидев, как отпрянула знакомая фигурка.

– Шенн! - прошептал он, глядя на дрожащую девушку. - В чем дело? Беда?

– Похоже на то. Джереми Торп, ты очень устал?

– Ну, не так уж. Могу чем-нибудь помочь?

– Сейчас мое дежурство. Ты... не поднимешься поговорить со мной?

– Пожалуйста, если надо. Может, мне дождаться колокола?

Шенн кивнула и бесшумно ушла. Когда ее соблазнительные изгибы таяли во мраке, он вспомнил слова Хэдли о минном поле. А еще - завуалированные намеки старухи. Насчет пустых надежд ее паствы.

Джереми подстегнул удар колокола. Он завернулся в юбку, накинул жакет и вышел из комнаты. Когда поднялся на крышу, девушка сидела в той же позе, что и вчера. При виде него встала и шагнула навстречу. Она сильно нервничала, до дрожи.

– Веления долга разрывают меня надвое. Я все тебе расскажу - и суди сам. Я верю, что ты ответишь искренне.

– Попытаюсь. Но при чем тут веления долга?

– Я жрица, Сестра Хатар. Мать Хатар - верховная жрица. А ты обладаешь сокровенными тайнами Хатар, о каких мы только мечтали, и значит, ты по рангу выше ее. Правильно?

– Шенн, это слишком трудный вопрос. Да, я кое-что знаю, чего не знает она, но если речь идет о выборе, кому из нас подчиняться, я ничего не смогу сказать, пока не пойму, в чем дело. Я ведь не жрец.

Она отвернулась, сделала шаг, затем резко повернулась к Торпу.

– Вчера ночью я бдила здесь, с тобой. Ты и сам знаешь. Я была беззащитна, но ты не причинил мне вреда. Ты до меня дотронулся, и я испугалась, но ты был добр. Тебя растрогал мой рассказ о зле, которое спустилось на нашу землю. - Она потупилась. - Все это было так странно, так непривычно, что утром я отправилась к Матери Хатар и исповедалась. Передала ей все, что ты сказал. Слово в слово.

Торп затаил дыхание, напрягся, но постарался, чтобы на лице не отразилось ничего. Так вот на что намекала старуха!

– И что она ответила?

– Рассердилась. Сказала так: хоть ты и с Земли, и этого нельзя не учитывать, ты все же остаешься мужчиной. А мужчин мы должны бояться и подозревать.

– Ну, тут она права. Но продолжай. Что вынуждает тебя сомневаться?

– Сегодня ты с остальными мужчинами показал нам, что вы не только великие знатоки Хатар и других тайн, но и работаете точно так же, как мы, потеете точно так же, как мы. И даже на шелл это произвело впечатление. Поэтому я подумала: а что, если Мать Хатар ошибается? Что, если она попросту завидует вашей великой власти?

Шенн смотрела на Торпа во все серебристо-зеленые глаза, искала отклика в его взоре. Он бы, наверное, рассмеялся, не будь ситуация так насыщена угрозой. Что ни говори, Хэдли прав в отношении инстинктов. Природа не терпит насилия над собой. Нельзя ли как-нибудь извлечь из этого пользу?

Задав себе этот вопрос, он вспомнил о другом насилии над природой, и в мозгу сразу возник дерзкий замысел.

– Ты присядь, - предложил Джереми. - Мне придется кое-что объяснить. Только сначала позволь задать один вопрос. Тебе известно об исследованиях, которыми занимается Мать Хатар? Я имею в виду определение пола еще не родившегося ребенка.

– О да, - кивнула девушка. - Над этим работают все Старшие Сестры.

– То есть об анатомическом различии мужчин и женщин ты знаешь все. И ты сама мне сказала, что Сияющие делают женщин беременными, значит, и это явление для тебя не тайна.

Он следил за девушкой краем глаза и заметил, как она напряглась и задрожала. Тема затронута опасная.

– Ты ведь не очень счастлива, правда? Шенн, глубокая взаимная привязанность между мужчиной и женщиной - одна из самых великих радостей на свете. Но Матери Хатар об этом ничего не известно, потому что она была ребенком, когда из вашей жизни исчез последний настоящий мужчина. Мы - трое землян - обыкновенные мужчины. Сейчас я говорю от лица всех нас. Говорю, что ты красивая, очень привлекательная девушка. И любой мужчина, увидев тебя, испытал бы те же чувства, что и я. То есть любой настоящий мужчина. Меньше всего на свете мне хочется причинить тебе зло.

– На Земле женщины похожи на меня?

– Немного среди них найдется таких же симпатичных. Но я могу показать. - Он достал

трехмерные фотоснимки, а Шенн вынула из-под круглого сиденья ночной фонарь. И качество фотографий, и изображенные на них люди ее поразили. Шенн очень обрадовалась, услышав, что одна из этих женщин - его сестра, а другая - мать. К тому времени, когда Джереми убрал фотографии, дрожь исчезла без следа.

– Новые великие чудеса, - сказала Шенн с глубоким вздохом. - Наверное, им нет числа?

– Позволь, я покажу тебе еще одно великое чудо. И когда девушка села рядом, Торп обвил рукой ее талию.

Шенн ни слова не сказала, но на минуту окаменела. Затем начала едва ощутимо расслабляться, прильнула к нему.

– Странное и тревожное чувство, - прошептала она. - Мне не по себе, однако приятно, я еще ничего подобного в жизни не испытывала. - Она обратила к нему лицо. Широко раскрытые, такие близкие глаза блеснули в свете звезд.

– А теперь попробуем так, - произнес он на выдохе и очень нежно поцеловал ее.

Спустя несколько сладчайших мгновений Шенн прижалась к нему крепче и блаженно вздохнула.

– Вот как должно быть у настоящих мужчин и женщин, - сказал он. - Мать Хатари этого никогда не знала и вряд ли может понять, так что не надо ей ни о чем рассказывать. Она не одобрит. Она хочет изгнать Сияющих, превратив Лодор в женский мир. Мы с товарищами надеемся этого избежать. Если приведем сюда земной флот и разгромим вегиан, на планете снова будут рождаться мужчины. Настоящие мужчины.

– И все женщины будут чувствовать то же, что и я сейчас?

– Вот именно. Ну, на чьей ты теперь стороне? Шенн опять глубоко вздохнула, повернулась к нему и ответила самым простым и убедительным способом.

Когда прогудел серебряный колокол, она потрясенно воскликнула:

– Так рано! Не может быть! Никогда в моей жизни бдение не проходило так быстро и так приятно. Скажи, это когда-нибудь повторится?

– Отчего же нет? - произнес Торп не без горечи. - Если у нас ничего не получится, мы можем тут застрять на веки вечные.

– А я - нет. Мой век короток. Сестры Хатар не живут подолгу.

– Да? Почему?

– Я же говорила, злобные разрушают святилища Хатар. Некоторым удастся этого избежать, некоторые потом отстраиваются заново в глубокой тайне, но факт остается фактом: Сияющие ведут против нас войну на полное истребление. Мы с тобой сидим на крыше Шеллон, верховного святилища, и отсюда, если требуется, уходят Сестры, чтобы не исчезли священные искусства. Возможно, и мне придется вскоре уйти.

Торп покрылся мурашками. Ненавистна была мысль о том, что здесь он ничем помочь не может. Все понятно. Связь необходимо поддерживать любой ценой. Даже ценой самопожертвования и мученичества? Что ж, он не властен над судьбой Шенн. И будет радоваться хотя бы тому, что успеет подарить ей немного счастья.

Заснуть ему в ту ночь удалось нескоро, и пробудился Торп с первыми лучами зари.

– Ник! Пэдди! - растормошил он товарищей. - Пока мы не приступили к делу, хочу вам кое-что сказать. Послушайте. Наше присутствие начинает действовать пожилой даме на нервы. Пока Мать Хатар на нашей стороне, однако не следует забывать, что она тут - высшее начальство, верховная жрица. И ей, похоже, не по нраву, как мы себя ведем. А она из тех, кто способен на гадости.

– И что от нас требуется? - проворчал Ник. - Свергнуть ее с трона?

– Ничего подобного. Да будет вам известно, мне удалось развеять почти все страхи Шенн. Помнишь, Пэдди, ты говорил об инстинктах? Думаю, теперь ее инстинкты - за меня. А как у тебя дела с Варис? Ник, ты добился расположения Спет? Я вот к чему веду. Если дойдет до ссоры с верховной жрицей, можно будет рассчитывать на кое-какую поддержку? Бьюсь об заклад, она нам совсем не помешает.

– Кажется, Варис в меня чуток влюбилась, - неловко признался Хэдди. - Но я не хочу

перегибать палку. Она славная девочка.

– Понял, - буркнул Торп. - Да, знаю, ты не хочешь ей плохого. И Ник не хочет. Можете упрекнуть меня в том, что я предлагаю злоупотребить доверием бедных девочек, но если привлечем их на нашу сторону, нас будет уже не трое, а шестеро. Существенная разница.

Они спорили еще некоторое время, однако в конце концов Торп одержал верх. Не теряя времени он пошел к Матери Хатар - пора было приступать к следующему этапу плана.

– Водяные мельницы? - переспросила жрица. - Да, такие вещи у нас есть. И одна совсем близко. В летнюю пору она служит для измельчения зерна, сейчас простаивает.

– Вот и хорошо. Значит, я никому не доставлю хлопот.

Торп изложил ей свою идею, чтобы заручиться одобрением. Они с Шенн осмотрят водяную мельницу. Ник обещал предоставить генератор - под этим словом подразумевался всего-навсего слегка переделанный сервомотор со «стручка». А Хэдли с помощью Варис протянет два провода от святилища до турбины.

– И тогда, - заключил Торп, - Хатар получит энергию, какая вам и не снилась.

Заблестели старческие глаза, однако на лице не отразилось никаких чувств. Верховная жрица сдержанно произнесла:

– Если это затевается ради Хатар, я не буду возражать. Поступай, как считаешь нужным.

Тот день для троих землян был счастливой передышкой в трудной войне. На транспортировку и установку генератора времени ушло немного. Шенн с благоговейным трепетом смотрела на искрение контактов, на вращение мотора, но наибольший восторг вызвало другое. После завтрака на траве она попросила Торпа, чтобы он еще раз помог ей ощутить волшебную связь мужчины и женщины. К обоюдному удовольствию выяснилось, что у Шенн очень здоровые и сильные инстинкты. Счастливую парочку несколько не заботило, что Хэдли и Варис слишком долго возятся с проводами. Когда они наконец появились, у Варис был вид еще более цветущий, чем обычно, и стало ясно, что Хэдли не терял времени даром.

Провода подсоединили, и, должно быть, у Шкоды посыпались искры. Во всяком случае, не прошло и часа, как явились возбужденные радист и Спет, обрадовано доложив, что у них все в порядке. Искры сияли у обоих в глазах. Спет непринужденно держалась за руку Шкоды, и казалось невероятным, что эта самая девушка совсем недавно так лихо орудовала кинжалом.

«Они превращаются в нормальных людей, - размышлял, глядя на женщин, Торп. - И это им очень нравится, но долго ли так будет? И когда, когда мы наконец сможем нанести вегианам серьезный удар? Динамо-машина, конечно, хорошо; Шкода по радио объяснит, как она делается, и вскоре каждое лодорское святилище будет производить ток высокого напряжения. Но вегианам это никакого ущерба не принесет. А завтра - визит государственного деятеля, королевы Рутели Геклонской. Может, поговорить с ней? Вдруг от гражданских властей пользы будет побольше, чем от духовных?»

Глава 12

Ник Шкода хлопотал в лаборатории рядом с радиостанцией - пытался собрать двенадцативольтную лампу. Торп получил у Матери Хатар разрешение отлучиться вместе с Хэдли - хотел понаблюдать за церемониями. Перевалило за полдень. Двое мужчин в сопровождении Эдды, согласившейся показать им дорогу, затаились в маленькой нише под сводом храма. Местечко было памятное: здесь они стояли, голые, беззащитные, пока старуха решала, казнить их или помиловать. А сейчас они - уважаемые гости. Или это не более чем заблуждение? У Торпа возникли не очень приятные мысли на сей счет.

Со своего наблюдательного пункта он видел, как жрицы Хатар собираются в шеренги по обе стороны трона, на котором восседала старая женщина. Для торжественного случая все обрядились в длинные белые сутаны с капюшонами, в том числе и сама Мать Хатар.

Лейтенант хмуро напомнил себе, что это, по сути, квазирелигиозный орден.

Гул голосов и шаркающих ног заставил присутствующих повернуть головы к portalу, через который проходила королева со свитой. Торп с трудом верил собственным глазам. Что это? Парад безвкусицы? Выставление безумия напоказ? Вот что бывает, когда в равновесие сил природы вторгается варварское насилие!

Узнать королеву Рутель позволяло только занимаемое ею в процессии место. Она была царственно высока, надменна и вызывающе красива, однако остальные женщины в пестрой, как оперение павлина, свите ничуть ей не уступали. Ярко-синие, как сапфир, волосы королевы были тщательно причесаны, сверкали золотой проволокой, литыми брошами и драгоценными камнями. Но и свитские щеголяли великолепными прическами всех цветов и оттенков, от золотого блеска до густого йодного багрянца. Изящную шею Рутели опоясывали нитки жемчуга и огненных самоцветов. Складки мантии, ниспадая с плеч к ногам, переливались пламенно-оранжевыми и зелеными тонами. Пальцы были плотно унизаны перстнями с драгоценными камнями, ленты обтягивали запястья и лодыжки, а кожа от гладкого чела до пальцев ног в сандалиях была светло-желтая, как примула. А красавица, шедшая по правую руку от нее, была вся бледно-розовая. А фрейлина слева от ее величества - розовато-лиловая. И остальные сногшибательные красотки с изумрудно-зеленой, или ярко-красной, или переливчато-индиговой, или чистейшей огненно-оранжевой кожей улыбались и оживленно болтали. От расцветки тканей и блеска драгоценностей у Торпа кружилась голова.

Хэдли был чуть покрепче, а потому углядел нечто интересное в этой экстравагантной пестроте.

– Ничего не замечаешь? - пробормотал он. - У них есть кое-что общее. Все до одной ходят с голой грудью. И животы не прикрыты! Видишь?

Торп снова посмотрел на королеву со свитой и согласился. Не меньше тридцати ослепительных див под шорох одежд и позвякивание безделушек приближались к трону старой Матери Хатар, и каждая была обнажена спереди от пупка и выше. И это при всей пышности нарядов, при всем обилии драгоценностей.

Эдда предугадала вопрос мужчин.

– Таков единственный способ облегчить тяжесть зла, - сказала она. - Сияющие ни одной женщине, носящей их дитя, не позволяют уходить за пределы досягаемости. Даже самой королеве Рутель. Вот двор и придумал такой фасон - чтобы живот всегда был на виду.

– Наверное, иначе бы им не позволили путешествовать на лодке, - мрачно вымолвил Торп. Он снова почувствовал злость - вот лишнее свидетельство бесчеловечности вегиан. А еще он восхитился этими женщинами, столь отважно принявшими оскорбление и обернувшими его в насмешку над врагом. - Скажи, цвета кожи у них искусственные? Краски?

– Этого не знает никто, - с кривой улыбкой ответила Эдда. - Уже давно лодорские женщины меняют свои цвета. Есть легенда, что все началось со случайности, еще до того, как они научились обращаться с тайными механизмами на блестящих кораблях...

– Ты имеешь в виду утечку радиации?

– Так принято считать. Поначалу много детей появлялось на свет хилыми, или увечными, или вовсе мертвыми. А некоторые рождались цветными. А еще говорят, новые краски появились из-за того, что было сделано с мужчинами. Или из-за того, что часть мужчин прибыла сюда с других миров, где не все так, как у нас. Какова бы ни была истинная причина, у городских женщин появился обычай краситься, и теперь никто не знает, каков их настоящий цвет. Так они скрывают позор своего осквернения.

«Маскировка», - подумал Торп и вновь сказал себе, что эти женщины - молодцы. С какой трогательной отвагой прячут свои шрамы...

Между тем Эдда продолжала:

– Иным из нас везло исключительно - они рождались чистыми. Таких отбирали в Сестры Хатар. Белых. Вот почему мы одеваемся только в белое. В шеллы тоже принимают

только светлокожих. Это очень гордый народ. Есть и другие подобные сообщества, но их немного.

Церковь обладала великолепной акустикой, и наблюдатели слышали все, о чем говорили две столь непохожие друг на друга правительницы. К сожалению, мужчины не понимали ни слова. Это, наверное, формальности, предположил Торп - и вдруг увидел на лице Эдды напряженную улыбку, а затем девушка качнула головой. Жест удовлетворения? Она повернулась к нему, едва не задев в тесноте ниши, и Джереми, разглядев как следует улыбку на очаровательном лице, похолодел.

– Только что Хатар попросила королеву Геклона забрать с собой трех Сестер - вечером ее судно отчалит. Трем из нас пришло время покинуть материнское святилище, уйти в мир и стать верховными жрицами других далеких святилищ.

Да, Шенн говорила ему, что так бывает.

– Кому именно? - спросил он, с трудом шевеля пересохшим языком.

Эдда снова улыбнулась. Недобро.

– Шенн, Варис и Спет.

– Да? - буркнул Хэдли. - И как это все понимать?

– Мать Хатар решила показать, кто в доме хозяин, - ответил Торп. - Воспользовалась случаем, чтобы избавиться от трех непокорных девчонок. Нет нужды гадать, почему именно от них. Шенн подружилась со мной, Варис - с тобой, а Спет ловит каждое слово Ника. Старая мерзавка решила смешать нам карты.

Эдда возмущенно вскрикнула и кинула руки к ножам, но кипевший от ярости Торп ее опередил. Девушка зашипела от боли, когда оба ее запястья оказались в жестокой хватке. Она рвалась, корчилась, рычала, но все было тщетно.

– Прирезать меня хочется? А я, между прочим, запросто могу отобрать твои игрушки и тебя же ими пощекотать. Черт побери! Стой спокойно или обе руки сломаю! Я не шучу!

Она застонала от бессильной злости и, скаля зубы, произнесла:

– Не боюсь ни тебя, ни смерти.

– Может, оно и так, но есть кое-что похуже. Не забывай: я мужчина.

В течение секунды-другой ему казалось, что она упадет в обморок. Наконец Эдда обмякла в его руках.

– Что ты от меня хочешь?

– Лично от тебя - ничего, разве что попрошу больше не дергаться. А еще ступай сейчас же к Хатар и устрой так, чтобы мы с ней смогли потолковать по душам. Понятно? Скажи ей, что это срочно. Если вздумает упрямиться, у нас в рукаве найдется козырь-другой. Ей тогда небо с овчинку покажется. Да и всем остальным. Ну, иди же! - Торп отпустил ее руки, и Эдда, шатаясь, отступила.

Хэдли глубоко вздохнул:

– Что дальше?

– Пока толком не знаю. Так или иначе, обратного хода уже нет. Пошли, надо разыскать Ника и объяснить ситуацию.

Шкода стоял, запустив руку в путаницу блестящих проводов, а Спет, наклонясь и вытянув шею, наблюдала за ним и объясняла. Когда она увидела мрачные лица Торпа и Хэдли, румянец сошел с ее щек. До радиста не сразу добрался зловещий смысл новости, он недоуменно смотрел на товарищей и морщил лоб, но Спет поняла вмиг.

– Это мой долг, - прошептала она. - И великая честь, но как бы мне хотелось, чтобы этого не произошло!

Торп проглотил рвущиеся с языка жгучие слова.

– Долг? Честь? Я не верю в такие милые совпадения. Это осознанный шаг старушки, она решила положить конец нашим отношениям. Похоже, она что-то задумала.

– И чем мы можем ей помешать? - поинтересовался Шкода. - Нас только трое. Против двух сотен вооруженных до зубов баб.

– Которые вдобавок настроены очень решительно, - напомнил Хэдли. - Может, с

несколькими я бы и справился, но к чему нас это приведет, кроме скоропостижной и неприятной смерти?

– Безвыходных положений не бывает. – Разум Торпа, как всегда в экстремальной ситуации, заработан быстрее. Лейтенант повернулся к Шкоде. – Кажется, ты говорил, рации из наших скафандров гораздо мощнее всего, что у них тут есть? А еще их усилить можно?

– Пара пустяков. Ставим шунт в обход одного-двух конденсаторов и получаем как минимум в десять крат больше мощности. Правда, не стоит забывать, что батареям это пользы не принесет, но работу на короткое время я обеспечу. Вот только нежным приемничкам не поздоровится... Ох ты!

– Понял? У нас только один надежный способ выкручивать руки. То есть пригрозить, что испортим святыню, Хатар. Старуха не пойдет на такой риск.

– Так вы хотите поспорить с Хатар? – осведомилась Спет. – Что хорошего это даст? Даже если она осознанно выбрала нас троих, это ничего не меняет. У нас есть долг, и если не мы пойдем, то придется другим. Святилища нуждаются в опеке.

Ответить Торп не успел – раздалось шлепанье мягких босых подошв, и появились Шенн с Варис. Они откинули капюшоны, и на их лицах Торп увидел тревогу.

– Вы все слышали, – мрачно сказал он. – Так что ни к чему толочь воду в ступе. Хатар наверняка понимает, что делает. И все же мне кажется, я способен обыграть старушку на ее собственном поле. Давайте сначала решим один вопрос. Что для вас предпочтительней: исполнять волю Матери Хатар в надежде погубить Сияющих ценой собственной жизни? Или заодно со мной поставить все на кон, а там, глядишь, удастся найти у противника слабое место и хорошенько ему врезать? Выбирайте.

– Э, Джереми, постой-ка, – вмешался Хэдли. – Все это очень мило и благородно, но на что мы, черт возьми, можем надеяться?

– На многое. Слушай. У нас есть... вернее, у нас скоро будет «дирак». Так? – Вопрос адресовался Шкоде, тот кивнул.

– Еще двадцать четыре часа, и я все доделаю.

– Это первый козырь. Кроме того, мы много знаем о вегианских кораблях. Не все, но много. Пускай нам самим это мало что дает, зато Земле пригодится еще как.

Его товарищи дружно пожали плечами.

– Это и правда авантюра, – проворчал Хэдли. – Глянул я на те чертежи. Кое-что новенькое есть, но я бы, наверное, взялся сделать только псевдограв...

– С проводами, что ведут к корпусу? – перебил Шкода. – Да, я видел. И знаешь, что подумал? Одно время я занимался теорией псевдогравитации. Инерционное поле и все такое. Если по тем проводам поле стекает на корпус, то вся оболочка корабля наверняка безинерционна.

– Ник! – воскликнул Торп. – Ник, ты хоть сам-то понял, что сейчас сказал? Ты угодил точнехонько в причину, по которой в бою корабли вегиан летают вокруг нас кругами. Гашение инерции – вот она, разгадка. Ну, теперь поняли, к чему я веду? У нас целая куча сведений, и им нет цены!

У лейтенанта были наготове и другие слова, но ледяной голос из дверей лаборатории заставил его умолкнуть.

– Землянин Торп, ты бросаешь вызов моей власти?

В проеме стояла мрачная и спокойная Мать Хатар, позади нее с кинжалами наголо выстроилась дюжина Старших Сестер.

Торп бочком придвинулся к Шкоде и прошептал:

– Ник, сделай вид, будто настраиваешь индивидуальную рацию. Я скажу, когда действовать. – После чего отстранился, выпрямился и посмотрел старухе прямо в глаза. И мрачного спокойствия, решимости в его взоре было ничуть не меньше. – Если угодно, считай это вызовом. Но лучше скажем так: я хочу понять, что тобою движет. О чем вы, лично вы, думали, когда решали выслать трех Сестер именно отсюда и именно сейчас?

– Нет у тебя ни власти, ни возможностей получить ответ на такой вопрос.

– Да, это не в моей власти и не в моих возможностях, только дело в другом. Дело в том, что вы, верховная жрица, поддались греху гордыни. Вы утверждали, что Сестры Хатар всегда говорят правду. А Мать Хатар должна быть правдивее всех. Поэтому... да, я бросаю вам вызов. Я требую, чтобы вы сказали правду. Забыв о гордыне и вере, отвечайте напрямик: почему вы решили отослать этих девушек именно сейчас. Говорите правду!

Слова проникли глубоко. Ни возраст, ни опыт не помогли верховной жрице скрыть внутреннюю борьбу. Сомнения крепились с каждым мигом ее колебаний. Наконец раздался перенасыщенный яростью крик:

– Схватите их! Убейте! И трех изменниц заодно!

– Стоять! - рявкнул Торп, когда к нему ринулась толпа женщин в белом. - Мать Хатар боится правды, не смеет ее высказать. Значит, Хатар - ложь, и все вы - обманщики, а я без малейших колебаний уничтожу вашу аппаратуру!

Сестры замерли как вкопанные. На очаровательных лицах появилось недоумение, смутнение. Только старуха осталась тверда, как скала.

– Уничтожить Хатар не в его силах. Не слушайте глупых речей!

– Глупые речи? Старуха, подумай хорошенько. - Он сорвал с бедра индивидуальную рацию и поднес ко рту. - Кажется, ты забыла, как однажды я разговаривал с тобой через эту штучку, и голос мой был подобен грому. А теперь послушай передачу твоей помощницы.

Торп переключил тумблер на прием, и все услышали громкий и внятный голос бдящей из соседней комнаты. Когда лейтенант перевел рычажок в нейтральное положение, наступила напряженная пауза. Все безмолвствовали, в лаборатории слышался только шорох белых одежд.

– Вы вот о чем подумайте, - сказал наконец Торп. - Сейчас моя рация поставлена на малую мощность. На малую - по вашим меркам. А Ник только что перенастроил свой аппарат, и теперь он в сто раз мощнее. Он это сделал у вас на глазах. Я правду говорю?

– Чистую правду, - кивнул Шкода и поднял свою рацию.

– Ну а теперь слушай, глупая старуха, на что способна наша техника! - Торп включил передачу, поднес аппарат ко рту и протяжно выкрикнул: - Хата-а-р! - И соседняя комната вторила оглушительным, жутким ревом.

Миг спустя кожа Сестер цветом не отличалась от сутан. Мать Хатар втянула голову в плечи и закрыла лицо ладонями. Когда умолкло эхо страшного вопля, все услышали женский крик и грохот падения за стеной - несчастная радистка лишилась чувств. Торп окинул жрицу недобрый взглядом.

– Ну, давайте, пускайте в ход ножики, - предложил он. - Хватайте нас, убивайте. Вперед! Все равно не успеете. Достаточно Нику один разок крикнуть в его передатчик, и все ваши драгоценные святыни разлетятся на куски.

На протяжении трех долгих вздохов в лаборатории царил зловещее молчание. Затем произошло то, что и должно было произойти. Мать Хатар собрала остатки своего растоптанного достоинства.

– Чего ты от нас хочешь?

– Во-первых, никого отсюда не отсылать. Нам сейчас нужны все мозги и навыки. Во-вторых, я кое-что задумал и, как только отшлифую последние нюансы, мне понадобится ваше содействие. Мы должны успеть до отлета кораблей. Понятно?

Мать Хатар напряженно поклонилась, затем резко повернулась и зашагала по коридору. За ней потянулись Сестры.

Глава 13

– Ну, парень! - Хэдли глубоко вздохнул. - А ты у нас мастак блефовать, оказывается. Этак я скоро совсем поседею.

– Блефовать? - Варис, скинувшая сутану, недоуменно посмотрела на него. - Что означает это слово?

Хэдли поднял ее сутану и аккуратно сложил на скамье.

– Как бы тебе объяснить, девочка... Ты ведь не думала всерьез, что мы изуедем твой драгоценный Хатар? Мы только притворялись.

– Но идея была верная, – сказал Шкода. – Я в том смысле, что неплохо бы изменить длину волны у наших раций, а заодно перенастроить их на частоту повыше. Это позволит общаться друг с другом посвободнее. Прямо сейчас и займусь.

– Что у тебя за план? – спросил Торпа ирландец. Свою рацию он отдал Шкоде, а освободившейся рукой обнял Варис, чему та нисколько не противилась.

– Мне сутаны подсказали одну идею, – ответил Торп. – Трудно понять, кто под ними есть кто. Давай-ка, Пэдди, мы с тобой позаимствуем два балахона и наведаемся в город...

– Зачем?

– Посмотрим, нельзя ли кой-кому всыпать. – Торп дождался, когда утихнет буря протеста, и пояснил: – Не бойтесь, я вовсе не спятил. Вот что мы можем сделать.

Он изложил свой полусырой план, и разгорелся спор. Лейтенанта пытались убедить, что это самоубийство, но он запасся аргументами и теперь разбивал доводы противников один за другим. Это занятие имело двойную пользу – пригодился опыт, чтобы опровергнуть те же возражения Матери Хатар, когда дошло до разговора с ней.

– Это безумие! – заявила старуха. – Чистой воды безумие. Всем известно: когда падает один из них, появляется много других, и все при оружии.

– По ночам они ходят?

– По вечерам, когда заканчивается рабочий день. Рыщут в поисках несчастных женщин, которым не хватает ума спрятаться.

– Вот эти-то охотнички мне и нужны. Нападем внезапно и мигом их вырубим, они даже не поймут, что произошло. Еще мы им глаза завяжем, чтобы потом ничего не рассказали. И найдем способ их разговорить.

Он добился своего. Правда, Шкода был в бешенстве – друзья категорически потребовали, чтобы радист остался со Спет доделывать «дирак». Второй раз номер не прошел. Варис пообещала перерезать Торпу глотку на месте, если он вознамерился разлучить ее с Хэдли, а Шенн ничего не сказала, но взяла его за руку и красноречиво посмотрела в глаза. И когда Рутель Геклонская вместе со своим павлиньим двором пустилась в обратное плавание, на баке разукрашенного судна безмолвно и отчужденно стояли четверо в белом, и лишь они знали, что за королевским парусником скрытно идет лодочка шелл – в соответствии с «безумным» планом.

Когда вдаль показался Геклон, закат уже окрашивал небо в багрянец. Мало-помалу контуры города прорисовывались, и Торп, разглядывая их, впечатлялся все больше. Он даже прошептал стоявшей рядом Шенн:

– Сказать по правде, я ожидал увидеть город как минимум раза в два поменьше. Экая громадина!

– Я лишь один раз была здесь, когда по долгу службы посещала расположенное за городом святилище. Да, Геклон издали впечатляет, но ты скоро убедишься, что в нем немало ветхости и гнили. Особенно в центре, где Сияющие строят корабли. Ты уже заметил купол?

– Только что. Для чего он предназначен?

– В нем живут Сияющие. Он не похож ни на одну нашу постройку, его собрали из сотен относительно небольших сегментов – соединили их краями в гигантскую полусферу. Других строительных конструкций Сияющие не признают, даже цеха, где производят детали кораблей, расположены в таких куполах, только размерами поменьше. Скоро придет время кораблям улетать. У шелл уже начались игры, на них решится, кому идти в рабы, а кому оставаться. Затем все начнется сначала.

– Может, на этот раз не начнется. Попробуем разорвать порочный круг. Должен же быть какой-то выход.

Они умолкли – судно сбавило ход, опытный экипаж начал рифить парус и швартоваться к одному из многочисленных пирсов. Действительно, с близкого расстояния Торп разглядел

на большинстве высоких зданий признаки запущенности: окна разбиты, краска облуплена, флаги грязные... Пока четверка заговорщиков разглядывала прибрежные строения, прекрасные дамы по три и по четыре быстро сошли на берег, и их увезли прихотливо разукрашенные экипажи, влекомые очень похожими на земных оленей животными, только поменьше и не с двумя рогами, а с одним. Торп позволил себе кривую улыбку, зная, что под капюшоном ее не заметят. И произнес тихонько: «Единороги, женщины всех цветов радуги, русалки и гнездо дьявольского выводка под геодезическим куполом. Луки, стрелы, звездолеты и монахины с кинжалами. У кого язык повернется назвать такой порядок вещей нормальным?»

– Запомните наш пирс, - посоветовал Джереми, когда друзья собрались переговорить в последний раз. - Надо, чтобы каждый при необходимости мог найти сюда дорогу. Итак, расклад вы знаете. Мы с Шенн идем вперед. Вы не упускаете нас из виду. Если врагов будет больше трех, прячемся, пока не пройдут.

Он пошел безлюдными грязными улицами. Рядом шагала Шенн. Все его чувства были начеку, не время любоваться архитектурой. И не время размышлять о том, как выглядел город в прошлом. Сейчас Торп на вражеской территории.

Уходили минуты. Все дальше портовый район, и по-прежнему кругом ни единого признака жизни. Возникли первые сомнения, что от этой охоты будет толк. Город огромен, и добрая треть его - в развалинах; запросто можно проблуждать всю ночь, так никого и не встретив. Во всяком случае, женщины, у которых с головой все в порядке, сидят по домам и не кажут носа на улицу, и вегиане об этом знают.

– Боюсь, мы только время зря теряем, - пробормотал Торп, когда они повернули за угол и двинулись по очередному темному каньону безмолвия.

Но, едва он успел договорить, Шенн схватила его за руку и прошептала:

– Слушай!

Торп затаил дыхание и услышал слабое, далекое шлепанье подошв. Звуки приближались. Он тронул девушку за плечо, и они, напрягая зрение, поспешили навстречу звукам. Вскоре лейтенант различил вдали блеск металла и, схватив Шенн за руку, затащил ее в ближайшую дверную нишу. Они вжались в стену, затаились в черной тени. Прошло секунд пятнадцать. Все громче шаги, все ближе... Прохожих было только двое - рослые, мускулистые парни с безволосыми головами и ничего не выражающими лицами. У каждого на лбу блестел серебряный диск, каждый с головы до ног кутался в шуршащую ткань, похожую на фольгу. Вегиане!

Торп сжал в кулаке конец принесенного с собой свинцового прутка, а второй рукой поднес ко рту рацию и локтем толкнул Шенн - дескать, отойди. Далее планом предусматривалось самое что ни на есть примитивное нападение. Хэдли с Варис идут прямо на вегиан, привлекают к себе их внимание, а Торп с Шенн бесшумно, как призраки, появляются у врагов за спиной и наносят удар.

Торп сделал шаг вперед и одновременно перекинул рычажок на передачу.

– Пэдди! Они здесь... - И оборвал фразу.

При первом же звуке его голоса вегиане застыли, словно налетели на кирпичную стенку, постояли долю секунды, а затем обмякли и повалились замертво. Торп ничего не понимал, однако искать объяснений не было времени. Сейчас им руководили инстинкты солдата.

– Вперед! - крикнул он. - Они лежат. Хватаем и бежим!

Джереми помчался к упавшим и увидел, как навстречу бегут двое товарищей. Когда встретились, он сказал:

– Пэдди, ты берешь этого, я несу второго. А вы, девочки, вперед! Мы следом.

Он едва не надорвался. Безвольные, как кули с мукой, вегиане чудовищно отяжелели уже через несколько ярдов, а улицы были длинны, поворотов немного. Минут десять Торп, спотыкаясь и шатаясь, нес свою добычу, а затем был вынужден остановиться - иначе бы упал. Рядом бессильно осел Хэдли, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Девушкам приказания не требовались - остановившись справа и слева от мужчин, они вглядывались в сумрак и прислушивались, нет ли погони.

– Чем ты их огрел? - спросил, хрипя, Хэдли.

– Пальцем не тронул! - прохрипел в ответ Торп. - Как шли, так и брякнулись!

Вернулись Варис, а затем и Шенн и сообщили, что нет никаких признаков преследования. И снова отряд двинулся в путь. Шатаясь, мужчины брели переулками. Девушки неловко пытались помогать. Кое-где наугад срезали угол, шаркали, пока ноги не превратились в ватные жгуты, пока в легких не разгорелась мучительная боль. Наконец они обнаружили пирс и рядом - суденышко шелл. Подтащили к его борту, сбросили на днище своих пленников, а потом, совершенно измотанные, опустили рядом, и экипаж из трех рыбацек в вороватом молчании вывел лодку в море.

Мало-мальски придя в себя, Торп скинул с плеч тяжелую сутану и подставил прохладному воздуху потную грудь.

– Это была глупость, авантюра, - пробормотал он. - Счастье, что вообще ноги унесли. Незаслуженное счастье. Вдобавок забыли про чертовы колпаки.

Джереми вытащил специально приготовленный мешок из плотной ткани и неуклюже напялил его на голову вегианину, а Хэдли той же процедуре подверг второго. Ирландец приблизил ухо к груди пленника, затем пощупал у него пульс.

– Если это не покойник, то очень ловко подражает. А твой как?

Шенн склонилась, Торп потянулся к запястью вегианина. Варис ерзала от волнения.

- Если они мертвы, мы потерпели неудачу! - воскликнула она.

- Тихо! - Шенн подняла изящную ладонь. - Этот жив, кажется.

– И какого же дьявола они попадали? - пробормотал, возвращаясь мыслями в ночной переулок, Торп. - Пэдди, честное слово, так и было, как я рассказал. - Он поднес к глазам маленькую переносную рацию. - Может, из-за нее? Из-за радиоволны? Я слышал, высокие частоты иногда вредны для мышечных тканей, но не такая же игрушка!

– Слушайте! - шепотом произнесла Шенн. - Он плачет!

Все примолкли, и на фоне скрипа парусины и плеска воды еле различили хныканье пленника. И невнятный, надломленный голос.

– Говорит, - сказала побледневшая Шенн, - говорит, что все вспоминает. Что он снова - он. Что его покинула великая и прекрасная королева. Все его покинули. Он один, и ему страшно. Куда все подевались? Раньше были с ним, и их было много. Они были в его уме. А теперь он один, и ему страшно!

Тихий лепет вдруг перерос в нечеловеческий крик. Веганин конвульсивно дернулся и затих. Шенн опустила трясущуюся руку на свою вздымающуюся грудь и в страхе посмотрела на Торпа.

– Джереми, что все это значит?

– С уверенностью сказать не могу. Но у меня такое чувство, что все это еще невероятней, чем мы ожидали. Сомневаюсь, что он говорил о ком-нибудь из лодорских королев. Скорее, о той, которая орудовала в голове. В его голове!

– Ладно, как бы там ни было, теперь у нас два покойника, - пробормотал Хэдли. - Сомневаюсь, что мы из них вытянем какие-нибудь секреты.

– Не спеши с выводами. - Торп поднес ко рту рацию и проговорил: - Ник? Ник Шкода, как слышишь, прием?

Лишь с третьей попытки он получил еле слышный отклик:

– Джереми, слышу тебя. Какие новости?

– Возвращаемся. Погони не видать. У нас два покойничка. Хочу, чтобы ты связался со старухой, пусть подготовит все лучшее по части хирургии. Нужно вскрыть эту парочку. Я хочу знать, нет ли в черепах чего-нибудь постороннего.

Шкода заставил его повторить, затем прервал связь. Хэдли беспокойно пошевелился на банке.

– Думаешь, им по силам трепанация черепа?

– Меня спрашиваешь? Что скажешь, Шенн?

– Мы это умеем, - кивнула она. Ее, похоже, мутило. - Наверное, Мать Хатар сама пожелает оперировать.

Острова они достигли незадолго до рассвета, там их ожидало дело мрачное, даже жуткое - перенести трупы в святилище. Вдобавок приходилось отгонять женщин, вышедших из себя при виде врагов, иначе бы они растерзали мертвецов на клочки. Хэдли забрал и унес трофейное стрелковое оружие. Шкода целеустремленно, словно и не выбился из сил за бессонную ночь, поплелся доделывать «дирак».

Торп догнал его, изложил свои догадки.

– Да, конечно, микроволны воздействуют на ткани, причем по-разному, но я сомневаюсь, что наши слабенькие рации могли причинить серьезный вред, тем более свалить таких жлобов. Если наши приятели способны реагировать на подобную ерунду, значит, человеческого в них еще меньше, чем мы думаем.

– Нет, они люди, - возразил Торп. - Иначе бы женщины не давали от них потомства.

На это Шкода сказал, пожимая плечами:

– Либо одно, либо другое. Вот и выбирай.

Торп напряженно жевал губу.

– Ладно, тогда поставим вопрос так. Если вегиане уязвимы для радиоволн, почему мы с ними раньше не справились?

– Потому что флотский боевой устав требовал радиомолчания. Мы пользовались лишь коротковолновой внутренней связью. Исходя из требований здравого смысла. Радиообмен - штука коварная, порой даже сам не знаешь, что выбалтываешь противнику.

– То-то и оно. Этим парням хирургическим путем вживлено в голову какое-то коммуникативное устройство. Мы его сожгли - и затихли голоса у них в разумах.

– Это не по моей части. Радио тут ни при чем. Ты сейчас говоришь об усилителе волн мозга. Механизированная телепатия. Много лет назад наши тоже работали по этой тематике. Ни к чему путному не пришли.

– Телепатия!... Вот и Хатар о ней что-то говорила. Если дело в телепатии, это многое объясняет.

У Хэдли тоже хватало забот. Они с Варис корпели над маленьким лучевым пистолетом.

– Я с закрытыми глазами разберу и соберу лазер, - сообщил ирландец, - но в теории не дока. Блок питания, проводку, переключатели узнал, что же касается остального... Такое ощущение, будто это длинноволновой генератор с инфракрасным излучением на выходе...

– Не бери в голову. Отправим твоё описание на Землю, и там кто-нибудь обязательно решит задачку. Мне сейчас другое интересно. Скорее бы хирурги управились!

Мать Хатар послала за землянами, когда солнце перевалило за полдень. Она сидела одна в своих личных покоях и выглядела даже дряхлее, чем прежде. Дрожащей рукой она откинула покров с подноса на столе.

– Вот что я извлекла из мозгов этих злосчастных мужчин.

Торп пригляделся. Всколыхнулся желудок, но лейтенант сжал зубы, судорожно сглотнул и посмотрел опять. Находки ничем не отличались друг от друга. Из белых, как рыбье брюхо, трехдольчатых туловищ величиною с ноготь вытягивались восемь щупалец не толще волоса и не больше дюймов девяти в длину. Мягкие тельца были в черных и желтых крапинках, а щупальца - цвета меди, и на каждом - множество тонюсеньких, еле заметных отростков.

– Я бы это назвала усиками, - сказала старуха. - Они очень прочные и глубоко вросли в ткань мозга. Судя по нанесенным ими травмам, они способны сокращаться очень резко и с огромной силой и вызывать несовместимые с жизнью разрывы. Не их ли ты ожидал найти? А если да, то что все это значит?

– Я ожидал что-нибудь найти, но не это, - с трудом выровнял Торп голос. - Они смахивают на... пауков!

– Верно. Я подозреваю, что это женские особи, если вегиане живут по образу и

подобию прочих насекомых. Так подсказывает логика.

– Семя дьявола, - пробормотал лейтенант. - А в данном случае - дьяволицы.

Королевы. Эти твари паразитируют на людях мужского пола. Да, теперь многое становится понятным. Королеве-матке и ее выводку люди нужны как солдаты, работники и слуги. Благодаря биоимплантам она управляет людьми, точно куклами. Думают они хором - ментальный раппорт. Вероятно, вегиане крадут знания и навыки поработанного человека и бросают их в общий котел. Люди трудятся, идут в бой и размножаются по приказам королевы, а дети рабов служат ее дочерям.

– Неужели такое возможно? - У Матери Хатар кожа приобрела оттенок пепла. - Неужели весь этот ужас порожден разумом сверхнасекомого?

– Да, так и есть. Вы же видели, какие они строят купола. Что это, если не громадные ульи? Бьюсь об заклад, на каждом корабле сидит младшая королева, в каждом куполе - старшая, а самая главная гнездится на родной планете вегиан.

– Это предположение. Доказательств у тебя очень мало.

– Вы так думаете? - процедил успевший разозлиться Торп. - Ну, тогда складывайте факты. Вегиане берут только мужчин, а на женщин не обращают внимания, если дело не касается размножения. Не разговаривают друг с другом, не поддерживают радиосвязь между кораблями - да и зачем, если у них один разум на всех? Они разыскивают и уничтожают святилища Хатар, здешние радиостанции. Знаете почему? Потому что радио их раздражает, или доставляет головную боль, или вызывает чесотку. И это - ваша слабенькая аппаратура! А наша их вообще убивает! Убивает в один миг - те двое даже не успели сообразить, что произошло, не успели предупредить своих, и мы ушли беспрепятственно. Теперь понимаете? Твари погибают мгновенно, но мужчины еще какое-то время живут. Какие еще вам нужны доказательства?

Мать Хатар медленно кивнула, затем в старческих глазах появился решительный блеск. Она села, расправила плечи.

– Да, ты прав, этого достаточно. Землянин Торп, у тебя есть оружие, чтобы поражать злобных!

– У нас есть оружие, - сразу поправил он ее. - Мы все участвуем в этом деле. Давайте забудем на время о наших размолвках. Итак, мы знаем, что можем уничтожить вегиан. Другой вопрос: какой способ самый лучший? В любом случае это огромный риск, но попытаться мы должны. Все мы!

Мать Хатар глубоко вздохнула, отчего приподнялись дряблые старческие груди, и взялась за кинжалы.

– Как ни малы наши шансы, как ни велика опасность погибнуть в борьбе с Сияющим сатаной, я тебя заверяю в нашей полной поддержке. Все жрицы Хатар - к твоим услугам. Тебе надо лишь взять на себя командование.

Увы, на деле все оказалось не так просто. Понадобилось принять десятки трудных решений, учесть великое множество факторов риска. Об одном из них предупредил Шкода.

– Придется нам соблюдать радиомолчание на короткой волне, пока не будем готовы к атаке. Иначе они могут насторожиться, и мы потеряем преимущество внезапного нападения.

Все остальное было делом простой техники. Аккумуляторных батарей, снятых со спасательной шлюпки, хватало на три десятка портативных раций, каждую из которых приходилось собирать вручную, так как о промышленном конвейере пока не могло идти и речи. Если все жрицы святилища будут работать днем и ночью, они едва управятся за сорок восемь часов. Было и еще несколько очень серьезных причин для спешки. И самая главная - игры народа шелла.

– Послезавтра в полуденный час, - сказала вестница, - из небесной пустоты вынырнет новый сияющий корабль и совершит посадку в Геклоне. А еще через сутки улетят все только что построенные корабли и работа начнется сначала. В этот день наши победительницы отправятся в Геклон.

– Вот и наш срок, - заявил Торп. - Сдача готовой продукции, пересменка... Все вегиане

соберутся вместе - вводить друг дружку в курс дела и обмениваться новостями. Им будет не до вас. Тут-то и надо ударить. Если чересчур поспешим, они не успеют скучиться или будут начеку. Запоздаем - потеряем сотни кораблей.

Поэтому все, даже старая Мать Хатар, трудились не покладая рук. Теперь все зависело от Шкоды. Они со Спет, не зная отдыха и сна, корпели над «дираком», однако постоянно приглядывали за сборкой многочисленных микроволновых передатчиков - те росли, как на дрожжах, на верстаках упорных монтажников. Две Младшие Сестры, отдаваясь делу с юношеской пылкостью, несли дежурство на радиостанции, постоянно рассылали радиогаммы в другие святилища и получали в обмен исчерпывающие сведения о Сияющих, об их кораблях и вообще обо всем, что могло пригодиться землянам. Накопленные знания ждали своего часа - как только будет готов «дирак», они отправятся в штаб-квартиру флота Солнечной системы.

— Это очень важно, - подчеркивал Торп. - Нас могут разгромить в предстоящем бою, но поражение не будет окончательным, если мы успеем передать разведанные на Землю.

Наконец перед рассветом урочного дня полдюжины шеллских суденышек крадучись пересекли бурное море, бесшумно прошли вдоль гнилых геклонских пристаней, и тридцать человек в белых сутанах высадились в ветхом порту некогда великого города.

В их числе и Торп с Шенн пробирались в глубь Геклона. Целью были пустующие здания в некотором отдалении от центрального района, где кипела деятельность вегиан. Предполагалось нанести удар по самому большому куполу. Первый этап операции - окружить его и ждать.

Торп присмотрел обветшалое строение, расстался с Шенн и принялся искать путь на крышу. Через пятнадцать минут он уже стоял в первых лучах рассвета. Вскоре справа внизу появился силуэт. Лейтенант помахал рукой. Минуту или две спустя показалась другая фигура в белой сутане, довольно далеко слева, и он еще раз помахал - Эдда, больше не считающая Торпа врагом, но жаждущая вегианской крови, заняла свою позицию. Так, одно за другим, вставляли остальные звенья губительной цепи вокруг чужого космодрома.

Торп вертикально установил на крыше короткую палку, чтобы по ее тени отмечать время. Прямо перед ним виднелся горб главного купола. На бедре лейтенанта висел чехол с аккумуляторной батареей, от нее тянулись провода к кустарному инструменту, который он держал в руке. Тень укорачивалась, и все чаще Торп поглядывал в небо.

Наконец-то! В безмерной синей вышине блеснуло серебро. Полированный металл. Корабль! Лейтенант вскинул руку и увидел, что в цепи повторили его сигнал. Затем он повернул грубый выключатель своего оружия - раздавшийся свист вскоре опустился до пронзительного воя. Джереми быстро спустился на улицу. Там остановился на несколько секунд, чтобы сориентироваться, а затем медленно и бесшумно зашагал к центру города, водя радиолучом перед собой по широкой дуге.

Все это казалось глупым, тщетным, неэффективным. Как определишь, сеет он вокруг смерть или делает невинные пассы? Торп от души надеялся, что остальные смогут преодолеть те же сомнения, что им хватит веры в победу. Он набрел на гомонящую толпу пестро разодетых женщин; те примолкли, почтительно расступившись перед ним. Торп пересек улицу и свернул на другую. Из за угла вылетела карета, пришлось отскочить в сторону. Он пошел дальше, уже вспотев под тяжелой сутаной и помахивая перед собою рацией, как раздающий благословения священник.

Снова Торп направлялся в заброшенный квартал, но здесь все сохранилось гораздо хуже, чем в предыдущем. Жилые дома и склады - в руинах, стены обвалены, мостовые в горбах и рывтинах, отовсюду торчат балки, крыши угрожают рухнуть в любой момент, и куда ни глянь - груды щебня. Он замедлил шаг и расширил взмахи, чтобы не рисковать. Через бреши в стенах, через проемы в руинах проглядывал гигантский купол, сама его величина наводила жуть.

Еще один шаг - и Торп из царства разрухи вступил в чертог порядка, преодолев линию периметра, четкую, словно ее прочертили гигантским циркулем. Землянин находился на

краю неглубокой впадины с утрамбованным грунтом; сцена, открывшаяся его глазам, подчинялась строжайшим законам геометрии. Вправо и влево по широчайшей дуге стояли массивные сияющие овоиды, возле каждого гнездились маленькие купола - должно быть, цеховые корпуса, по одному на каждый корабль. А в центре господствовала над всем огромная выпуклость, тускло блестела сегментами, точно глаз насекомого - фасетами. И нигде ни единого шевеления. Мертвая тишина.

Лейтенант остановился, как того требовал план. Посмотрел вправо и влево. Теперь надо ждать. Через секунду увидел Эдду, затем Шенн. Помахал им, хотя с места не тронулся. Он спокойно, но неустанно осматривал местность. Все тихо. Поглядел в небо - вновь прибывший корабль быстро приближался к земле, словно падал камнем. Еще вздох-другой, и Тори услышал пронзительный свист рассекаемого воздуха. Лейтенант отключил рацию и вспомнил свои же слова: «Запомните: прибывший корабль должен совершить посадку. Если мы этого не допустим, он может уйти у нас из-под носа, поднять тревогу и вскоре возвратиться с подкреплением. Тогда всем нам конец».

Поэтому он терпеливо ждал. Свист перерос в рев, а затем в вулканический грохот, и воздух заколыхался. Блестящий овоид повис на струе ионного огня, плавно опустился на землю, дюзы погасли. Наступившая внезапно тишина показалась оглушительной. Торп отсчитал пятнадцать секунд, после чего раздалось гудение замков и ритмичное клацанье телескопического пандуса - он вынырнул из темного отверстия и потянулся к земле. А Торп все ждал, и на его лице дергался мускул. Как легко было планировать и какая пытка для нервов - в деле!

И вот они пошли. По двое. Рослые, красивые мужчины из космоса. Они маршировали легким чеканным шагом, и сверкали металлом мундиры.

— У каждого в мозгу паук, - пробормотал Торп, прикасаясь большим пальцем к тумблеру.

Колонна по двое описала дугу и направилась к куполу, но тут вся картина рассыпалась, развалилась. Из цехов с воплями ринулись толпы цветных женщин.

В многочисленных дверях главного купола появлялись шатающиеся мужчины. И смялась, смешалась колонна вновь прибывших. Торп включил передатчик и побежал, водя им перед собой. Догадка Шкоды оказалась верна. Металл частично защитил от радиоволн тех, кто находился в куполах и кораблях. Они получили страшные, возможно, смертельные травмы, однако были еще живы. Находившиеся на открытой местности погибли в один миг. Но у Торпа пересохло во рту при мысли об остальных, - возможно, у них осталось достаточно сил, чтобы огрызаться, чтобы защищать корабли, цеха, главный купол. И у каждого - лучемер! Что ж, пора переходить к очередному этапу.

Торп бросился к ближайшему цеху, вбежал прямо в полукруглый проем входа; навстречу с криками неслись женщины, он едва успевал лавировать среди них. Джереми окинул беглым взором помещение, заметил длинные ряды сложных, непривычных глазу машин и кучки горелой плоти. Он не скупясь поливал все кругом радиолучом.

Затем выбежал из купола и помчался к следующему. Некогда было думать, выяснять, как идет битва в целом, беспокоиться о других. Он считал купола. Когда выскакивал из восьмого, жгучий луч прошел воздух возле его уха. Он упал, перекатился по земле, пронизал округу несущей волной, и все это - одним стремительным движением. А затем увидел, как падают укрывшиеся за изгибом купола два вегианина.

Снова Торп вскочил на ноги, припустил к манящему пандусу только что построенного корабля, вбежал в отверстие люка. В руке гудел передатчик. Наверху, в десяти ступеньках внутреннего трапа, завыл, скорчился мужчина и покатился вниз. Торп остановился с трудом перевести дух и мрачно сосчитать до пяти - при этом он щедро облучил внутреннее пространство корабля. Потом выскочил наружу, сбежал по пандусу, добрался до следующего корабля и повторил процедуру. Какая-то частичка мозга не забывала, что у него три десятка бойцов, а врагов - сотня, получается больше трех на одного. Но Торп недооценил спущенной с цепи ярости Сестер - как только они увидели, на что способно гудящее оружие, враг был

обречен. Торп понял, что все кончено, лишь когда поймал себя на том, что с трудом удерживает мстительную девушку - она забежала в корабли по его следам, искала уцелевших.

Наконец отряд собрался у вновь прибывшего корабля. Бойцы тяжело дышали, многие получили ожоги, но все до одного торжествовали. И все до одного откликнулись, когда Торп провел переключку.

– А неплохо мы им всыпали, - прорычал Хэдли, откинув капюшон, - к его свирепому оскалу изумительно шла четырехдневная щетина. - Правда, и каторгу себе обеспечили - ой-ой-ой! Сколько будет возни с обломками и ошметками...

Глава 14

– У нас других забот по горло, - заявил Торп. - Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из этих тварей прожил достаточно долго и успел покричать, а то и позвать на помощь. Таких баз, как эта, на планете еще четыре.

– Думаешь, остальные прилетят сюда? - спросил Шкода.

– Не знаю. Они мыслят не так, как мы. Но надо быть готовыми к худшему и не терять бдительности.

– И что мы им противопоставим? Мы же тут как подсадные утки. Нашими игрушками корабли не сбить.

– Если б даже мы умели обращаться с их техникой, в бою у нас не было бы ни малейшего шанса, - добавил Хэдли.

Торп окинул друзей суровым взглядом. Настало время отчаянного шага, авантюры безумней любой из тех, что остались позади.

– Ну, допустим, мы не будем тут ждать. Допустим, мы возьмем корабль, например, вот этот. Мы знаем, что он годен к полету. И отправимся их встречать. Уверен, я без особых проблем освою управление этой штуковиной. Ведь она, между прочим, построена для мужчин вроде нас.

В ответ он услышал долгий и неровный вздох Хэдли, а затем слова:

– Господи Боже! Торп, да если ты поднимешь нас с земли, чем потом прикажешь драться? У нас нет экипажа. И наверняка враг лучше обращается со своим оружием, чем мы. Нас же всего трое!

– Трое? Ничего подобного, спорим, я запросто насчитаю три десятка? - Джереми окинул взглядом растрепанных, раскрасневшихся Сестер. - Спорим, они согласятся? Что касается оружия, то вокруг нас - цеха. Пэдди, ты сам говорил, что вегианские лучеметы действуют на основе длинных волн и инфракрасного излучения. Ник, это все нетрудно преобразовать, верно? У тебя тут будет сотня квалифицированных рабочих, только дай им знать, что есть возможность посчитаться с обидчиками!

Шкода почесал подбородок, присмотрелся к кораблю, потом с ухмылкой повернулся к Спет:

– Ну, зеленоглазая, пошли, нас ждет работенка.

– Пэдди, - обернулся лейтенант к ирландцу, - вы с Варис берите на себя организацию производства. Успокой женщин, объясни им ситуацию. Чтобы ничего больше не портили. И тащи сюда за шиворот всех, кто смыслит в лучевых пушках и станках. Шенн, ты пойдешь со мной. Нам предстоит изучить корабль, все его управление. До последнего винтика.

Это оказалось не так сложно, как он опасался. Подобное Джереми однажды проделывал на учениях. И хотя этот корабль был чужим, он предназначался для полетов в той же среде и под воздействием тех же сил, что и земные. Когда точно знаешь, для чего служит вещь, легко догадаться, где она находится, как должна выглядеть и, наконец, как действует.

Все же Торпа подстерегал большой сюрприз. В центре корабля находилась герметичная емкость, заполненная жидким азотом. И там плавало существо - многократно увеличенная копия тех, которых лейтенант видел на столе у Матери Хатар. Огромное туловище было

облеплено тысячами крошечных, с булавочную головку, детенышей. Все они были мертвы, но Торп на всякий случай обработал радиолучами мерзкий выводок и снова закупорил цистерну.

Наконец они с Шенн расположились в рубке управления. Многие узлы были ему уже знакомы. Он объяснил ей, как действуют и для чего предназначаются различные рычаги и кнопки, почему все они парные и чем вообще полезно дублированное управление. Приборы и индикаторы конструктивно отличались от земных, однако функции большинства из них не вызвали вопросов. Но сильнее всего Торпа беспокоило полное отсутствие обзорных экранов или их аналогов. Шенн сидела рядом в кресле второго пилота, слушала и кивала, а он ей растолковывал все, что сам понял досконально, но в конце концов был вынужден признаться, что есть одна загвоздка.

— И она очень важная, - пробормотал Джереми. - Я не могу оторваться от земли, пока не буду видеть, что происходит снаружи. Наверняка есть какой-нибудь способ ориентироваться, только мы о нем не знаем. Лишь бы без телепатии обошлось, иначе мы влипли.

Эта мысль, пробивавшаяся в мозг уже давно, только сейчас приняла такую четкую и жуткую форму. Человеку, чтобы видеть за бортом звездолета, необходимо что-нибудь вроде радиоволн. А вегиане радиоволн не выносят, и понятно почему. Значит, никакого обзора!

В этот миг взор Шенн, тоже пядь за пядью ощупывая интерьер кабины, задержался прямо над ее головой. Она охнула и подняла руку. С языка Торпа едва успело сорваться невнятное предупреждение - мол, поосторожнее с незнакомой техникой, - и тут девушка потянула вниз чашеобразную деталь и полностью накрыла ею свою голову.

Торп испуганно схватил Шенн за запястья.

— Не беспокойся! - донесся ее голос, приглушенный колпаком. - Я все вижу. Как здорово! Попробуй сам!

Торп задрал голову и обнаружил точно такой же колпак над собственным креслом. Через секунду и он надел штукловину себе на голову. Там было вполне достаточно места, чтобы вертеть головой. И смотреть. Потому что все было видно так отчетливо, словно он сам находился за бортом. Сквозь овальный корпус корабля Торп глядел на летное поле. Повернув голову вправо, обнаружил большой купол, влево - остальные корабли. Удивляясь, поднял колпак, внимательно его осмотрел. От колпака шла толстая, в руку, связка проводов. Они расходились, исчезали среди оборудования. Торп щелкнул пальцами - все ясно! Оптические волокна! Ну, конечно! Их тут тьма тьмущая, распределены по всей «шкуре» корабля. Так просто и так эффективно!

— Шенн! - в восторге повернулся он к ней. - Ты чудо! Что бы я без тебя делал?

В серебристо-зеленых глазах появился огонек, а на красивом лице - понимающее и нетерпеливое выражение. Она потянулась к нему. Прикасаясь к девушке, Торп дышал учащенно и неровно.

— Черт! - Шенн глубоко вздохнула, а Джереми хохотнул.

— Точно. Черт! Но - не сейчас. У нас срочная работа. Интересно, как дела у остальных? - Он связался одновременно со Шкодой и Хэдли по миниатюрной радиостанции.

— Все распрекрасно! - ликовал радист. - Джереми, дружище, верфи у них - просто песня! Полная автоматизация. Заказываешь компьютеру, что тебе нужно, жмешь нужные кнопочки - и получаешь. Наше бортовое вооружение - восемь лучевых пушек. Дай еще полчаса, и все они превратятся в мегаваттные микроволновые передатчики. А у тебя как дела? Летать сможешь?

— Никаких проблем. Осталось кое-что непонятное, да это не беда, нам ведь не выскакивать из релятивистской физики. Пэдди, а у тебя как дела?

— Отлично. Девочки настоящие молодцы. Очень стараются. Даже слишком стараются, как до лучеметов дорвались. Ты лучше надень сутану.

— А я никуда выходить не собираюсь. Сейчас отправлю Шенн проверить, все ли Сестры научились владеть оружием и знают, что надо делать. Возможен риск... Ты ведь понимаешь,

что я имею в виду?

Шенн спустилась по трапу, а Торп занялся делом скучным, но необходимым - тренировка, тренировка, тренировка... Необходимо было до автоматизма отработать все движения, чтобы в решающий момент, когда рассуждать некогда, руки сами хватались за нужные рычаги и жали нужные кнопки. Он понемногу давал ток на различные реле, и вскоре ожило все, кроме основного двигателя и маневровых дюз. Затем лейтенанта вызвал по радио Шкода.

– Шкипер, все переделано и готово к бою. Но сначала Шенн хотела бы с тобой переговорить.

В голосе радиста звучало подавляемое беспокойство. И в голосе Шенн. Только сейчас Торп понял, что она тоже на пределе.

– Джереми, все готово. Прибыли Младшие Сестры из геклонского святилища, предлагают помощь. А наши Сестры так устали!

– Да, знаю, - печально вздохнул он. - Я тоже устал. Даже глаза держать открытыми - пытка.

– Так что будем делать, сэр? - вернулся в разговор Шкода.

Торп недовольно поморщился, но подумал, что уставное обращение сейчас вполне уместно. Они снова на флоте. Через обзорный колпак он видел, как рассвет стремительно берет свое.

– Мы еле дышим. Идти в бой в таком состоянии - безумие. Вот что, орудийную прислугу устраивай на ночь прямо у пушек. Младших Сестер из Геклона поставьте на часы, вернее, на бдение. Если среди ночи увидят что-нибудь подозрительное, пускай кричат погромче. А если все обойдется, пускай разбудят нас за полчаса до зари. Понятно? Шенн мне нужна здесь, вторым пилотом.

Пилотское кресло оказалось очень удобным. Он уже засыпал, когда появилась Шенн и села рядом.

Разбудили его голос Хэдли и не слишком нежная встряска.

– Через полчаса взойдет солнце, сэр, - прохрипел ирландец. - Все уже проснулись. Готовы взлетать, только вас и ждем.

Торп протер глаза, включил бортовые системы, опустил на голову обзорный колпак. Корабль оторвался от земли без малейших усилий, будто во сне. Лейтенант тщательно оглядел провода и датчики псевдограва: судя по колебаниям столбика красной жидкости в стеклянной трубке, он действовал - и все же его изумило полное отсутствие ощущения подъема. Как будто корабль остался на месте, а все кругом внезапно провалилось.

– Готовы взлетать, сэр, ждем команды, - раздался резкий от нетерпения голос Шкоды.

– Полегче, Ник. Мы уже пять минут в воздухе, с добрую милю пролетели.

– Господи Боже! - прорычал Хэдли. - Мы ведь не видим, куда летим. А для меня все эти приборы - китайская грамота!

– Ищи опрокинутый котелок, он должен быть у тебя над головой. Опустит. Получилось? Скажи остальным...

Корабль стремительно понесся вверх. Геклон был уже всего лишь серым пятнышком со стококонечной звездой в центре. Торп положил ладонь на запястье Шенн.

– Теперь, девочка, твой черед. Показывай, как добраться до второго города.

Корабль слегка капризничал, а пилоты с непривычки допустили несколько ошибок, но вскоре Торпу удалось выровнять полет и проложить курс в указанном Шенн направлении. Внизу расстилался вширь континент. Торп наращивал скорость, и вот они уже мчатся, обгоняя передний край рассвета.

– Скоро Аррек, - предупредила Шенн и поспешно добавила: - Вот он! Впереди!

Торп поднес ко рту индивидуальную рацию.

– Ник, Пэдди, передайте остальным. Я попробую пройти на бреющем, затем поверну и сделаю еще один заход. Всем орудиям - ураганный огонь по любым целям.

Появилось иное, легкое как паутина чувство - чувство «родства» с кораблем. Торп

внимал еле слышному шепоту тяги, наслаждался сверхъестественной отзывчивостью управления. Он уже видел темную гроздь зданий - Аррек - и четкую мишень - космодром с кольцом сверкающих кораблей и куполом в центре. Лейтенант бросил корабль в пики, дал форсаж и услышал пронзительный вой разрываемого корпусом воздуха. Космодром ринулся навстречу, расширился до чудовищной величины, молниеносно проскользнул под брюхом корабля. Торп съехал в рефлекторном ожидании так и не возникшей перегрузки, заложил крутой вираж и снова промчался над целью. И ничего. Ни единого признака успеха. Есть только один способ узнать... Развернувшись кругом, он, завис в тысяче футов прямо над центральным куполом. И ждал, угрюмо считая до тридцати. По-прежнему - никакого движения вниз. Космопорт в Арреке словно вымер.

– Ну хорошо, - хмуро сказал Торп, - заглянем в следующий город.

Снова Шенн указала путь, и корабль рванул вдоль земли наперегонки с серыми лучами зари. Он летел на юг, к Панатору. И пилоты увидели точно такую же картину, что и в Арреке. Им это не понравилось.

«Как на скотобойне, - сказал себе Торп. - Слишком просто».

А затем он подумал о семидесяти годах безжалостной, бесчеловечной эксплуатации, о культурной деградации целой планеты, об убийствах мирных жителей, и брезгливость притупилась.

Долгие спокойные часы они мчались над бескрайним океаном, и солнечный свет гнал по пятам. Шенн снова скорректировала курс. И опять их встретил мертвый космодром. Вновь Торп скомандовал орудийной прислуге: «Будьте наготове, всыпьте им в случае чего», и они помчались над морем к Роталану, взяв в крест прицела уже знакомую симметричную выпуклость. На сей раз его зоркий глаз заметил нечто новое, а через секунду подозрение подтвердилось. Здесь тоже стояли по кругу сто кораблей, и тоже был огромный купол, но Торп не увидел новой смены вегиан.

– Либо еще не прилетели, либо уже в воздухе, - сообщил лейтенант, - и где-то нас подстерегают. Соблюдайте постоянную боеготовность!

Закончился уже рутинный тридцатисекундный отсчет, и они направились к последней своей цели. По пути Шенн сообщила:

– Мердан - маленький остров. А город Мердан - на его дальнем берегу. Прилетим очень скоро, но успеем поесть и попить. Я сейчас. - Ненадолго выйдя, она вернулась с двумя любопытной формы кувшинами, до краев полными вина, и охапкой похожих на апельсины фруктов.

– Сначала - ты, - сказал Торп, - а потом и я подкреплюсь, а ты подежуришь.

Вот такими минутами он особенно дорожил. До чего же было приятно сидеть рядом с Шенн в тихом гуле незнакомых механизмов, в мельтешении и мерцании чужестранных приборов. Обзорный колпак закрывал голову и шею девушки до самой груди. Изящные руки держались за рычаги. Шенн целиком ушла в пилотирование.

Вдруг она охнула, резко выпрямив спину.

– Приближаемся к Мердану! Сияющие летят навстречу!

Торп молниеносно опустил шлем, предупредил остальных по радио. Да, Шенн нисколько не преувеличивала. Впереди темным пятном вздымался из воды остров, а между ним и Торпом двигалось кольцо блестящих кораблей, и это недвусмысленно говорило о том, что враги настроены серьезно.

Лейтенант молниеносно врубил тормозные дюзы на полную мощность и ринулся вниз, восстановив в памяти собственное оружие - восемь лучевых пушек кольцом. Значит, стратегия будет проста: надо переиграть врага на каждом сближении, чтобы получить максимум выгоды от своего оружия и до предела снизить вегианам вероятность попадания.

Все это пронеслось у него в голове в десять раз быстрее, чем подумалось бы в спокойной обстановке, и в сотни раз быстрее, чем он сумел бы кому-нибудь объяснить. Торп глянул вниз и увидел волны - они едва не лизали корпус корабля. Затем бросил взгляд вверх - оказалось, кольцо врагов развернулось и несется на него. Сияющие двигались быстро и

грозно, и было очевидно намерение прижать его к воде.

– Так вот что вы задумали, – проворчал Джереми и отвел до отказа рычаг вертикального взлета. Корабль стрелой помчался напрямик в грозное кольцо. Торп успел заметить – не различить, а лишь уловить, – как открылись орудийные порты и плюнули смертью, а затем все кругом обезумело и задергалось, завихляло, закружилось в яростном водовороте. Он сразу понял, в чем дело, – его подбили. Безинерционный полет корабля спас от ощущения удара, но сияющее яйцо запрыгало, завертелось, как мыльный пузырь. Не думая, отработанными движениями Торп стабилизировал полет, а затем посмотрел вниз. И возликовал. Вражеская эскадрилья низверглась с небес, ударилась о воду и исчезла в брызгах. Затем корабли появились один за другим из глубины и закачались на волнах. «Мертвые руки на рычагах», – подумал он. И пришла другая мысль: «Господи, если у них открыты орудийные порты...»

Он не успел даже зажмуриться. Один из неприятельских кораблей превратился в огненный шар. Затем еще два. Разрушения остальных Торп не увидел – воздушная волна подбросила его собственный корабль. Дрожь исчезла под натиском новой тревоги.

– Их было только десять, – пробормотал он, обращаясь к Шенн. – А осталось, наверное, гораздо больше! Будь начеку!

Торп снова нашел Мердан и направил корабль к берегу. На сей раз он летел на бреющем, над самым морем. Стремительно приблизилось побережье. Оставалось лишь гадать, насколько серьезно поврежден корабль – Джереми не решался покинуть пилотское сиденье. И надеялся, что враг снова попытается атаковать кольцом, хотя такой боевой порядок не был для Сияющих типичным. В прошлом Торп видел, как вегиане выскакивали из пространства Паули тугой гроздью среди редкого роя землян и метали свой смертоносный груз во все подряд. На сей раз они действовали иначе, и если новая тактика вызвана новыми обстоятельствами, значит, Торп имеет дело с противником умным и предприимчивым. И это плохо. Потому что в следующий раз вегиане могут попробовать что-нибудь свежее. Если он будет, этот следующий раз.

Горы росли. Чтобы перемахнуть через них, пришлось набрать высоту. Лампа на пульте сменила цвет с красного на багровый, а потом на синий. Альтиметр? Вряд ли. Скорее всего, манометр. Где-то в борту пробоина.

Торп снизился к дальнему краю и увидел город – понятно было и без пояснений Шенн, что это Мердан. И там, впереди, поднимались в воздух, разлетались во все стороны сверкающие корабли. «Вы-то мне и нужны», – подумал Джереми и прибежал к самой, наверное, безумной тактике за всю историю войн. Потратив секунду-другую, чтобы взять в прицел эту последнюю базу, он врубил на полную мощность позиционный двигатель, а затем аккуратной работой корректировочных дюз заставил корабль лениво кружиться волчком.

– Все орудия на максимальную мощность, постоянный огонь! Видите врага или не видите, все равно стрелять.

Круговерть в обзорном шлеме вызывала тошноту. Корабль, с воем рассекая воздух, несся напрямик на космопорт. Насколько позволяли судить взбаламученные чувства, повстанцы добрались до цели без особого ущерба. Торп погасил вращение, вздыбил корабль и пошел вверх. И зажмурился, прежде чем решился глянуть на плоды своего труда. А когда посмотрел, понял, что эта картина останется в памяти надолго.

Один корабль несся вверх по безумной спирали и плевал ионным огнем, а затем исчез в ослепительном клубе огня. Второй метнулся вдогонку, застыл в воздухе, словно налетел на невидимое препятствие, и камнем понесся вниз, прямо на огромный купол. Еще два Сияющих пометались вслепую и врезались друг в друга; огонь, в котором они погибли, на несколько секунд лишил Торпа зрения. Еще один завалился набок, едва успев оторваться от земли, и сам себя растопил в лужицу пламенем дюз. Два опрокинулись при старте и заметались по полю, сея разрушения и смерть, а затем содрогнулись и замерли.

Лейтенант задрал голову и, увидев знакомое зрелище, снова нажал на рычаги.

Теперь корабль ровно летел на бреющем. Сверху на него ринулось кольцо мстительных

врагов. Торп хладнокровно выждал, а в нужный момент дал вертикальный взлет и снова проскочил через гибельную удавку. И снова его корабль заметался, закрутился в безумном танце. Еще одно попадание. Стабилизировав полет, Торп поглядел вниз и увидел, как сыплются враги на землю.

И вот - все кончено. Он еле дышал от изнеможения. Он чувствовал себя глубоким стариком.

Дотронувшись до Шенн, Джереми сказал:

– Милая, пойдй посмотри, сильно ли нам досталось. Тут я и сам справлюсь. Сейчас полетим домой.

Вскоре она вернулась и сообщила, что он боялся напрасно - серьезных повреждений нет. Первое попадание было в районе пустующего кубрика, второе - рядом с орудием Хэдли, и там через пробоину вытекает воздух. Ирландец от удара по голове потерял сознание, сейчас за ним ухаживает Варис. Эдду и ее двух помощниц обожгло, но не сильно. И это все. Торп перевел дух:

– Нам повезло. Очень повезло.

Больше ему сказать было нечего, и, уж конечно, восторга он не испытывал.

Корабль совершил посадку в Геклоне, и по пандусу сошел безмолвный, даже слегка опечаленный экипаж. Хэдли опирался на плечо Варис. Хуже всех выглядел расчет Эдды: волосы обгорели, кожа - в ожогах, одежда превратилась в лохмотья. Но все остались живы, и никто не жаловался.

Они переправились в лодках на остров, и там шеллы словно заразились от них унынием.

– Все Сияющие действительно уничтожены, - сказала Шенн. - Так передали по Хатар. Нам бы радоваться. Но что теперь будет с нами? Ведь на планете совсем не осталось мужчин.

У Торпа не было ответа на этот вопрос. А вдобавок их ждала новая печаль - добравшись до святилища, они узнали, что старая жрица перенесла удар и ее дни, похоже, сочтены. Трое мужчин были потрясены, увидев Мать Хатар на смертном ложе.

– Кончен мой срок, - прошептала она. - И я не жалею, что ухожу. Не жалею - благодаря вам. Я увидела гибель Сияющих, увидела, как их покарала земляне, люди, которыми мы давно восхищались, которых боготворили. И я горда тем, что Сестры Хатар вложили немалую лепту в победу. Разве я смела на это надеяться?

– Мать Хатар, вы прожили очень хорошую жизнь.

- Мы все совершаем ошибки. Не избежала их и я. Да и ты, Джереми Торп, ошибался. Но сейчас я прошу тебя занять мое место.

- Меня? Да что я могу?...

- Много чего. Сестрам Хатар нужны мужчины. Всему Лодору нужны мужчины.

Меньше всего Торп ожидал услышать подобные слова.

Земляне ушли, оставив верховную жрицу на попечение Сестер. Снова очутившись в зале Хатар, Торп тяжело вздохнул.

- Похоже, выбор за мной. Что ж, как ни досадно, я добровольно сунул нос в чужие дела, и теперь они - мои. - Он собрался с мыслями, заставил себя рассуждать практически.

- Прежде всего надо оповестить святилища, а затем и весь Лодор. Необходимо осмотреть захваченные корабли, поврежденные отремонтировать, подготовить к бою.

На лице Младшей Сестры, дежурной радистки, отразилось недоумение, и Торп понял, что должен объяснить всем, кто его слушает.

- Эти корабли - огромная ценность. Они помогут разделаться с Сияющими на других мирах. И еще передай через Хатар, что все, кто хочет отомстить за себя, кто хочет спасти другие планеты от горькой участи Лодора, пускай обратятся сюда, и мы найдем им место.

- Женщины на боевых кораблях? - проворчал Хэдли, но тут же смущенно заморгал.

Варис схватила его за руку, ее глаза пылали.

- Ты сам видел, что мы сражаемся не хуже вас!

- То-то и оно, - кивнул Торп. - Все вы нам пригодитесь. Кроме тех, у кого дети. Их надо беречь. - Он строго посмотрел на Младшую Сестру. - Передай и это. Чтобы заботились о матерях. Пускай знают, что их дети родятся нормальными людьми, даже мальчики. Особенно нужны мальчики. Тогда на Лодоре скоро опять появятся настоящие мужчины.

- Твоими бы устами... - Шкода подсел пошептаться. - Но кто, по-твоему, будет этими кораблями командовать? Строить женщины их умеют, в конструкции узлов разбираются, но ведь пилотировать - совсем другая песня.

- Ничего страшного, Ник. Я-то научился. Или забыл?

- Ты - опытный пилот. Я бы на твоём месте не справился, Пэдди - тоже. Чего же ты ждёшь от бедных девочек?

- Организуем школу. Все у нас получится. Между прочим, к тебе тоже вопросик есть. «Дирак» работает?

- Работал, когда я уходил. При нем неотлучно дежурят три девочки: одна принимает, другая под ее диктовку записывает, а третья следит за исправностью аппаратуры.

- Вот и хорошо. - Торп воздел указательный палец, привлекая внимание радистки. - Передай следующее. «Вице-адмиралу Корду в собственные руки. Докладывает лейтенант Джереми Торп. Местонахождение - планета Лодор. У нас четыреста вегианских кораблей в полной боевой готовности, а также много тысяч специалистов по их строительству и обслуживанию. Требуются опытные офицерские кадры. Здесь исключительно женский персонал, повторяю, персонал женский. Офицеры будут приняты только при наличии бороды, повторяю, бороды». Отправь, а потом готовь сегодняшнюю сводку. Завтра передай это еще раз. И передавай каждый день до конца недели.

Его расчет оправдался: удивительная радиограмма не могла не привлечь комиссию с Земли. Та прибыла в кратчайший, с учетом расстояния, срок. Всего-навсего через пять недель после первого отправления весточки в эфир зазуммерили на скорую руку смонтированные сигнальные устройства, и Шкода в считанные мгновения очутился за пультом, который сам же и собрал из радиоутиля. И застрекотал ключом:

«Говорит Лодор. Отзовитесь!» - а затем переключился на видеотелефонный режим.

- Это «Гермес», флагман Пятнадцатой боевой эскадрильи флота Солнечной системы. С вами говорит его командир вице-адмирал Корд. Лодор, как слышите, прием.

- Слышу вас, сэр. Это техник-радист Шкода с бывшего космического корабля «Поиск».

- Вы мне позволите поговорить с лейтенантом Торпом?

Шкода округлил глаза и подвинулся на скамье, чтобы уступить Торпу место перед экраном.

- Силы небесные! Джеральд!... Ах ты, маленький паршивец! Неужели надеялся одурачить меня этими усами? Да я тебя... под военно-полевой суд! А я-то все время верил, что ты на Венере, преспокойно сидишь в лаборатории...

- С таким же успехом я просидел здесь, - отважно сказал Торп, и на экране стариковское лицо побагровело так, что седые усы показались белоснежными.

- Что за бредни насчет вегианских кораблей?

- Папа, почему бы не сесть и не посмотреть? Твой экипаж ждет теплая встреча. У нас четыреста кораблей, а техников и матросов для них - сколько душа пожелает.

Когда адмирал хмуро принял приглашение и экран погас, Торп с улыбкой повернулся к Шенн:

- Папа тебе понравится. Он только с виду такой сухарь. К тому же вместе с ним летит много парней. Что-то подобное в вашей истории уже было - сюда прибывали мужчины с других планет, только в их головах сидели Сияющие. Лодорские женщины работали на господ мужчин, строили им корабли, рожали им детей. Сейчас на первый взгляд будет то же самое. Но по сути - совершенно иначе. Шенн, ты мне веришь?

- Да, Джереми, верю. Если эти мужчины с дальних звезд похожи на тебя, то и правда все будет совершенно иначе. На Лодор вернется радость, и все женщины познают счастье,

как познала его с тобою я.